

СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН

ISSN 0321—3803 Октябрь, 1990 г.

СТМ

Конкурс красоты...
и все, что было
далее

Америка, 50-е

Сальвадор Дали
о Федерико

Снупи —
американская
Каштанка?

Студенчество
о прошлом,
настоящем
и будущем...

Солнечные зайчики

ФОТО SIPA-PRESS

КОМИКСЫ

Живые картинки

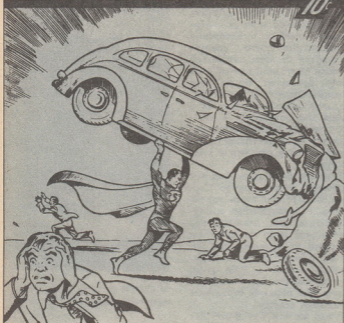
Михаил Щипанов

Как завещал классик, мы со смехом расстаемся с прошлым и его стереотипами-пугалами. Поняв наконец, что кока-кола — это всего лишь лимонад, мы затем уяснили, что и комиксы (от англ. «смешной») — просто связанное повествование в рисунках, а отнюдь не мина бездуховности, подведенная под незыблемые основы соцреализма. И что «Сотворение мира» Жана Эффеля тоже комиксы, а не пособие по атеистическому воспитанию молодежи, и серии рисунков Бидструпа тоже. А уж друг нашей страны Пиф...

Естественно, вряд ли комиксы смогут выразить весь юмор «Пиквикского клуба» или психологический драматизм «Преступления и наказания», но ведь те же недостатки свойственны и многочисленным экранизациям, от которых, несмотря на все смысловые издержки, никто и нигде не собирается отказываться. Впрочем, у каждого жанра должны быть свои законы и свой уровень.

Ну а язык комиксов — универсальный, не требующий переводчиков. Язык, который вполне могут выбрать для знакомства и жители Общеземельского дома, и все земляне, прилети к ним завтра для контакта посланцы иной галактики. А сейчас вы познакомитесь с несколькими историями

ACTION COMICS

из жизни комиксов и их знаменитых создателей. Историями романтическими и слегка приукрашенными, как это и бывает в комиксах.

Супермен — сын студента

Как много могут значить в жизни студента отношения с очаровательными и непредказуемыми однокурсницами. Худой очкарик-романтик Джерри Сьегел катастрофически не пользовался вниманием и расположением ровесниц. Чтобы как-то успокоить больное самолюбие, Джерри решил скрасить жизнь невинным вымыслом. Он воображал сладостные картины бития другого Джерри Сьегеля, всеобщего любимца, человека, обладающего необычными способностями и совершенно неограниченной физической силой. Постепенно в разгорячен-

ном воображении Сьегеля образ растущий все более фантастическими деталями образ Джерри-супермена отделился от «серой личности» автора и зажил собственной «нездешней» жизнью. Так, летней ночью 1934 года родился Супермен — символ американской мечты. Джерри оставалось только придать биографии несокрушимого героя некое сказочное правдоподобие.

Естественно, что Супермен не мог быть землянином. Для пушущего эмоционального воздействия на читателей он стал Сыном неба, спустившимся на нашу грешную планету для восстановления справедливости. Сделав для себя такой вывод, Джерри быстро составил сценарий первой серии приключений. На планете Криптон случилась катастрофа. Из всех криптонитов спасается лишь один мальчик, которого отец

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с мая 1924 года.
1990, № 10, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редаколлегия:
Виктор Астафьев,
Анатолий Богомолов,
Феликс Волков,
Екатерина Гордеева,
Владимир Грошев,
Егор Исаев,
Анатолий Карпов,
Константин Лебединский,
Ярослав Миклуляк
(заместитель главного редактора),
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Александр Селяинов,
Станислав Смирнов,
Людмила Третьякова,
Ольга Чистенкова,
Андрей Шаронов,
Михаил Щипанов

Главный художник
Александр Архутик
Художественный редактор
Константин Кухтин
Технический редактор
Галина Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, «Студенческий меридиан». Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссыла на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 27.07.90. Подп. в печ. 03.09.90. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 1 150 000 экз. (1-й завод 500 000 экз.). Заказ 2155. Цена 30 коп.

Орден Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Сушчевская ул., д. 21.
© «Студенческий меридиан», 1990 г.

успевает отправить в капсуле в космический беспредел. Последний из криптонитов попадает на Землю, где его усыновляет добрая бездетная пара. Родители, открыв в мальчике феноменальные способности, учат его обращать свои силы только на благо людям. Герой вырастает, становится репортером Кларком Кентом, который в критические моменты противостоит Злу превращается в стального человека — Супермена. Развивающийся за спиной Супермена красный плащ и способность к вертикальному взлету делаю героя Джерри похожим на ангела.

Славом, религиозные мотивы в легенде о Супермене были налицо: отец посылает своего сына на Землю, сын принимает облик человека, не будучи человеком, и начинает бороться с силами Зла, олицетворением которых постепенно стал профессор Лютер, настоящий современный Люцифер.

Вдохновленный надеждой подарить согражданам нового Мессию, Сьегел отправился к однокласснику Джо Шустеру, не обладавшему столь красочным воображением, но зато умевшему рисовать. Совместными усилиями друзья создали двенадцать серий приключений Супермена. И тут возникли непредвиденные осложнения. Ни в одном издательстве, специализирующемся на выпуске комиксов, одноклассников-соавторов не ждали с распростертыми объятиями. Хозяев жанра вполне устраивала прибыль, обеспечивавшаяся публикациями историй о Тарзане и Флэш Гордоне.

Наконец после долгих мтарств листы графики с Суперменом во всех видах были за бесценно куплены издательством «Детектив комикс», да и то владельцы фирмы положили историю стального человека под сукно на долгие четыре года. Правда, глубокий цинизм по поводу перспектив моды на Супермена не помешал хозяевам «Детектив комикс» так составить документ о купле-продаже, что Шустер и Сьегел практически утрачивали права на своего сверхгероя.

В результате, когда в 1938 году началось триумфальное завоевание Суперменом Америки и крестные отцы героя броси-

лись было требовать с издательства проценты от своей блестящей идеи, владельцы «Детектив комикс», продавшие к тому времени 250 000 экземпляров первого сборника, смеясь, вытолкнули незадачливых творцов за дверь.

Тяжба Сьегеля и Шустера с облапошившими их издателями с некоторыми затишьями продолжалась до семидесятых годов, когда наконец «Уорнер комюникейшн», прикармливавшая к тому времени «Детектив комикс» со всем ее содержанием, включая и авторские эксклюзивные права, решила откупиться от всех надоевшей парочки ежегодной рентой в 20 тысяч долларов. Время для «хозяев» Супермена было горячее, они собирались запускать фильм о криптоните, и лишний шум мог отрицательно отразиться на эффективности набирающей силу рекламной кампании.

Так, Супермен, пятьдесят лет творящий добро, принес Сьегеля и Шустеру лишь горечь и боль. Разочарованные и опустошенные, они отказывались давать интервью и даже не приехали на празднование золотого юбилея своего детища. Правда, тогда, в 1988 году, Шустер окончательно ослеп, а Сьегел был поражен серьезным сердечным недугом.

А что же сам Супермен? Он продолжает полет на крыльях фантазии десятков авторов сюжетов и рисунков. Американский писатель-фантаст Хэрлен Эллисон включил стального человека в пятерку самых популярных в мире литературных персонажей: Тарзан, Шерлок Холмс, Микки Маус, Робин Гуд, Супермен.

По мотивам приключений Супермена снято 17 мультфильмов, несколько телевизионных серий и полнометражных художественных фильмов. А главное, из его красного плаща вышла целая вереница подражательных героев, также имевших шумный успех: Бэтмен, Супергерл, Супербой и даже, страшно подумать, суперсобака.

«Когда я стал заниматься Суперменом, — говорит художник Джон Бири, — у многих это вызвало недоумение. Ну а если бы я сочинял истории о короле Артуре?» Нет, все-таки

секрет славы Супермена в возможности для читателей перевоплотиться, хотя бы на время оторваться от земли, почувствовать себя, как когда-то Джерри и Джо, суперменами.

Бэтмен — летучая мышь

Бэтмен — человек в маске, появившись впервые в 1939-м, когда, казалось бы, вся Америка от мала до велика неотрывно следила за полетами Супермена. Но, видно, в тот год, в самый канун страшной войны, встревоженный грядущими потрясениями, читатель был готов воспринять любое число бесстрашных героев, решающих за маленьких людей их самые жгучие проблемы.

То, что именно двадцатилетний Боб Кан придумал новое божество комиксов, было предопределено тремя факторами: его социальным происхождением, мастерством легендарного героя немого кино — Дулааса Фербанкса и криминальной средой в Бронксе. Отец мальчика, печатник в типографии «Деяли ньюс», щедро приносил Бобу плоды собственного труда — отписки с рисованными приключениями Тарзана, а тот, напуганный сверстниками-

хулиганами, сидел дома и убивал время копированием комиксов. Отвлекали его от этого занятия, пожалуй, только демонстрации в соседних кинотеатрах фильма предисторичес-

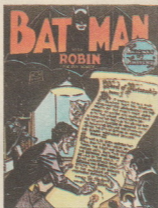
кой версии «Зорро», в котором несравненный Фербэнкс выходил ночами на дело в черной маске. Маска! Ключ к образу Бэтмена был найден.

Впрочем, для того, чтобы с человеком — летучей мышью захотел познакомиться кто-нибудь еще, кроме самого Кана, помимо запоминающегося имиджа, Бэтмену было необходимо придумать не менее яркие приключения. За это взялся приятель Боба Билли Файнджер, который в первое время продажал отдыхать от творческих потуг за прилавком маленького булочного магазинчика. Кстати, он дожил до середины семидесятых годов, так и не испытав по-настоящему сладкого бремени славы.

Через год Боб Кан познакомил Бэтмена с его учеником и последователем подростком Робином, задолго до создателей «Ласкового мая» поняв, что тинеjdерам значительно проще

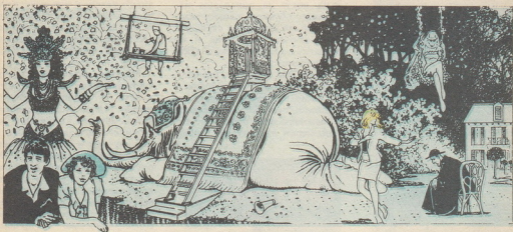
подражать и мысленно перевоплощаться в героев-ровесников. А еще через двадцать шесть лет он окончательно отложил карандаш, решив больше не вспоминать о своем надоевшем за несколько десятилетий герое. Правда, за такую попытку задержать занавес над изрядным куском собственной жизни Кан, перешагнувший порог семидесятилетия, расплатился весьма скверными видениями: «Мне постоянно снится, что я заблудился ночью в темном и незнакомом квартале. Я останавливаю такси, и тут выясняется, что я окончательно забыл, кто я и откуда». Однако на вопрос: «Кто я?», миллионы читателей, вероятно, ответили бы Кану: «Вы — Бэтмен».

Впрочем, далеко не все, причастные к миру комиксов, хотят забыть о человеке — летучей мыши. Майка Аслен, преподаватель истории комиксов в университете штата Индиана (а там изучают и такой предмет), коллекционер, собравший 30 000 рисованных историй, десять лет положила на то, чтобы пробить идею съемки современной киноверсии борьбы Бэтмена (клевого чувака?) со злом и несправедливостью. В прошлом году фильм наконец вышел, и удивленные критики увидели полные залы и отсутствие какой-либо тени иронии или пародийности на экране. Как всегда нам всем хочется, чтобы порок и подлость были наказаны. Мы все, в сущности, остаемся в душе язычниками. И мир черно-желтых, цветов Бэтмена, вещей (брелоки, майки, игрушки, обертки) как заклинание от Зла.

От Феллини до Сабрины

Вопреки известной крылатой фразе далеко не всегда, когда говорят пушки, музы молчат. Бывает, что под грохот орудей голос национальных муз только крепчает. Так было, например, в Аргентине в 1982 году. Во время войны с Великобританией за Фолклендские острова аргентинское радио в знак протеста перестало передавать англосаксонский рок, и жители страны с удивлением открыли для себя качественные аргентинские рок-группы. А еще раньше, в тридцатых предвоенных годах, власти фашистской

Италии запретили «по патриотическим соображениям» печатать американские комиксы. И тогда хитроумные владельцы газет, наживавшие неплохие барыши на перепечатке бесконечных заокеанских рисованных историй, решили обойти все запреты, создав «национальные по духу» комиксы на привычные массовому читателю американские мотивы.

Во Флоренции к переклады-

ванию американских комиксов на итальянский лад был привлечен и некий Федерико Феллини, молодой человек, пробовавший себя как журнальный иллюстратор. Так будущий общепризнанный лидер элитарного кино сумел впервые себя по-настоящему проявить в одном из самых массовых и доступных «человеку с улицы» развлекательных жанров. Чуть позже, в 1944 году, в только что освобожден-

ном союзниках Рима, легкий жанр еще раз спас Феллини от нищеты, поскольку маэстро пробавлялся продажей своих карикатур по индивидуальным заказам. И что характерно: такое увлечение поневоле простенькими рисованными историями не только не привело к деградации таланта молодого художника, но наоборот, явно углубило его восприятие действия, как последовательности самостоя-

тельных и завершенных по своей сути картин, сцен, кадров.

И сейчас талант рисовальщика позволяет Феллини как бы материализовывать для себя заранее на чистом листе бумаги идеи, сцены и образы будущих фильмов. Джульетта Мазина еще даже не вошла в кадр в роли постаревшей танцовщицы-четвертницы Джинджер, а мастер уже набросал акварельными красками ее портрет «в образе».

Впрочем, свою первую любовь, комиксы, Феллини действительно не суждено забыть. Фильмы бывшего автора рисованных газетных историй сами превратились в основу для создания в Италии новой серии интеллектуальных комиксов по Феллини и о Феллини. Как мы видим, вновь с неизведанной силой проявился классический и достаточно позабытый всеми нами закон отрицания отрицания.

Дело в том, что кинематографические образы Феллини вдохновили на новую серию комиксов одного из самых известных в Италии профессионалов этого жанра Мило Манару. В 1986 году мастер написал фантастическую, как всегда, историю «Путешествие в Тулум». Ее сюжетной основой стала поездка Феллини в Мексику для выбора природы для будущих съемок, а проиллюстрировать эти приключения мастер предложил Манару. Надо сказать, что Манара и раньше вводил в свои серии комиксов отдельных персонажей фильмов Феллини.

Комиксы Феллини—Манары, которые в реальности значительно отошли от первоначальной идеи, печатались более двух лет, и лишь в конце 1989 года была опубликована их последняя часть. Для тех, кто видел шедший в нашем прокате один из последних фильмов мастера «Интервью», будет достаточно просто понять и сюжетную канву «Путешествия в Тулум». Сам Феллини вновь погрузился в мир «приключений бумажных кукол», как он назвал комиксы, с ностальгическим восторгом: «Я думаю, что комиксы могут щедро поделиться с миром кино персонажами, сюжетами, своей специфической сценарграфией».

Впрочем, в истории с Фелли-

ни и комиксами рано ставить точку. Поскольку в последнее время она обрела совсем уж неожиданный оборот. Общение с мастером, судя по всему, не прошло бесследно и для самого Мило Манары. Раскадрировав на бумаге знаменитые сцены из фильмов Федерико, Мило вдруг почувствовал в себе непреодолимую тягу к совершенно противоположному действию: перенесению на экран собственных комиксов. На главную роль уже приглашена Сабрина Салерно, секс-символ современной итальянской эстрады. В основе же сюжета будущего фильма — очередная интерпретация истории о человеке-невидимке. На этот раз некий физик добивается невидимости для того, чтобы неотступно быть рядом с безответно любимой женщиной. Итак, мир комиксов делегирует в мир кино еще одного своего подданного.

Напоминание о конкурсе комиксов

Многие из вас, дорогие наши читатели, набрали хороший творческий потенциал, выдумывая и оформляя стенгазеты.

Мы предлагаем ваш накопленный опыт использовать для создания комиксов. Темы по вашему усмотрению, хотя не только сугубо развлекательные, но и с полезным содержанием (хорошие, например, возможности дают такие сюжеты — «Студент и компьютер», «Студент и картошка», «Военная кафедра», «Возовский КВН» и т. п.).

Эти сюжеты вовсе не обязывают вас к их воплощению. Нам хотелось только показать, что содержательная ценность ваших комиксов тоже будет учитываться.

«Ст. М.» учреждает следующие премии:

«Гран-при» — 5000 рублей (публикация комикса);
первое место — 3000 рублей (публикация комикса);
второе место — 1000 рублей;
три третьих места — по 500 рублей (за каждое).

Сроки проведения конкурса: с 1 ноября 1990 года по 1 марта 1991 года.

Работы присылайте по адресу: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, «Ст. М.» — «Комиксы».

1991 ГОД — АНОНС

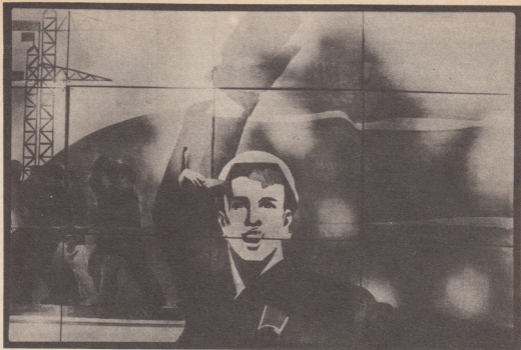
«Информатика: прорыв в XXI век!»

Можно ли на равных войти в цивилизованное мировое сообщество, не усвоив всей суммы знаний, правил и сведений, предопределивших собственно цивилизованность этого общества? Можно ли решить эту задачу, не создав современную информационную инфраструктуру, без которой самый супермощный компьютер — не более чем вычурный электромеханический прибор? Нет — отвечают практики, а также специалисты Института информатизации общества и развития науки (ИНФОРАН) Центра научной деятельности и социальных инициатив СССР. И открывают с 1991 года на страницах «Студенческого меридиана» журнальный спецкурс-практикум «Информатика: прорыв в XXI век!».

О чем этот курс? О том, что нужно знать и делать старшекласснику, студенту, молодому специалисту сегодня, чтобы завтра не оказаться застигнутым врасплох, когда информатико-компьютерная грамотность станет единственным гарантом успеха в жизни. Как и когда мы станем информационным обществом? А если станем — что нас ждет? Заменим homo sapiens на homo informatikus?

Эти и другие проблемы вас ждут в спецкурсе «Информатика: прорыв в XXI век!».

Но, кроме познавательных и интересных сведений, вам предлагается поучаствовать в конкурсе «Информатика-91». Этот конкурс необычный: его победители получают право участвовать в очном туре, по итогам которого, вполне вероятно, смогут стать студентами престижного вуза либо — даже! — стажироваться за рубежом. Но при этом вы должны выполнить одно обязательное условие: стать подписчиком «Ст. М.» на 1991 год, поскольку к участию в конкурсе допускаются только те, кто будет присылать в редакцию отзывы на отрезных страницах-талонах.

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Студенчество о прошлом, настоящем и будущем...

*Ирина Андреева,
Надежда Голубкова*

Мы живем во время крутых перемен. То, что вчера казалось немислимым, чуждым, сегодня становится обыденным и привычным. Рутшатся одни представления и стереотипы, их место занимают другие, возникают новые социальные модели. «Пробудившееся» сознание столкнулось с необходимостью пересмотра сложившихся установок и ценностей, определения собственной позиции. Нарастает стремление глубже разобраться в современных реалиях, ранее столь очевидных: какого типа общество у нас построено? Что представляет собой наше прошлое? Каковы пути желаемого будущего? Именно на эти вопросы ответили 2900 студентов разных вузов страны.

Социализм — миф или реальность?

Анализируя современное состояние общества, молодые люди оценивают его довольно пессимистично, отмечая такие характерные черты, как: политическая и экономическая нестабильность, социальная несправедливость в распределении, кризис межнациональных отношений и пр. Причем не видят сколько-нибудь существенных перемен в ближайшем будущем. Завтрашний день, считают они, не сможет внести в развитие событий в стране кардинальных созидательных составляющих.

Объективно сложившаяся в стране ситуация вряд ли стимулирует рост оптимизма ее граждан. Это в полной мере относится и к студенчеству, которое так обозначает свое нынешнее эмоциональное состояние:

пессимизм	— 6%
неуверенность	— 14%
разочарование	— 9%
неудовлетворенность	— 19%
апатия	— 10%
оптимизм	— 5%
уверенность	— 3%
надежда	— 20%
удовлетворенность	— 1%
активность	— 11%

Как видите, негативные эмоции испытывает сегодня чуть больше половины опрошенных студентов, позитивные — 41 процент. А надежда — чувство, в общем-то, присущее всем нормальным людям, — слишком хрупка и неустойчива.

Большие ожидания на быстрые перемены, порожденные перестройкой, конечно же, не могут сразу оправдаться. Но далеко не все понимают адекватно степень сложности поставленных ею

глобальных задач и сроков их реализации. Это вызывает недовольство, еще более обостряемое неформировавшейся способностью соотнести устремления и возможности с темпами объективного хода событий. Отсюда — нетерпимость, раздражение, в основе чего лежит, в конечном счете, низкая политическая культура. Именно на этой почве наиболее вероятна возможность разочарования и не только в перестройке, но и в основополагающих принципах организации социалистической системы.

Как назвать то общество, которое мы построили в результате 73-летнего пути? По мнению студентов:

- у нас создано подлинно социалистическое общество — 3%
- у нас построено социалистическое общество, но с определенными деформациями — 21%
- трудно определить ту общественно-политическую систему, которую мы построили — 74%
- нет ответа — 2%

Сомнения в том, что мы построили социалистическое общество в его подлинном смысле, заставляет задуматься о действительности самой идеи социализма.

Наибольшее неприятие идеи социализма наблюдается у прибалтийских и армянских студентов, которые в 2—2,5 раза чаще, по сравнению со студентами других регионов, относят ее к утопии, социальному тупику. В то же время практически половина студентов в остальных республиках оказалась не в состоянии определить свое отношение к идее социализма.

Задачи перестройки

Говорят, что сколько людей, столько и мнений. Не составляя исключения и взгляды на задачи перестройки.

Сопоставление мнений дает основание назвать в качестве первоочередной необходимость преодоления экономического кризиса в стране (40%). Наряду с этим каждый четвертый студент считает важнейшей задачей демократизацию всех сторон жизни общества; 12 процентов выступают за восстановление социальной справедливости. В то же время были зафиксированы тенденции, отражающие неоднозначность позиций студентов по таким двум крайним точкам зрения: часть студентов, правда, незначительная, заботится о восстановлении престижа КПСС (3% в целом по выборке). А другие (19%), и здесь уже достаточно большая группа, выступают за изменение социально-политического строя. Наиболее отчетливо это прослеживается у студентов Армении, Литвы и Эстонии, Москвы и Ленинграда.

Трудности практической реализации задач перестройки наводят на мысль о наличии противников, тормозящих ее осуществление.

«Кто тормозит перестройку?»

В приведенных ответах достаточно четко выделяются в качестве тормозящих сил перестройки аппарат министерств и ведомств. Наивысшую степень недоверия к ним проявляют литовские студенты (83%), а также русские и белорусские

(по 80%); наименьшую — армянские (42%) и узбекские студенты (40%). «Камнем преткновения» для многих является и партаппарат, олицетворяющий, по мнению 96% студентов РСФСР, главный тормоз перестройки. Ниже степень претензий, предъявляемых к партаппарату, у узбекских (32%), таджикских (39%) и белорусских (44%) студентов.

В кооператорах виновников неудач перестройки видят в основном среднеазиатские студенты.

С кем же связывают студенты надежды на улучшение жизни, реабилитации социализма? Может быть, нынешний состав Верховного Совета СССР способен решить поставленные задачи? Но и здесь есть большие сомнения. Ибо только 9 процентов студентов, оценивая деятельность высшего органа власти страны, считают его способным реализовать их представления о подлинном социализме. Фактически можно констатировать наличие еще одного кризиса — кризиса доверия к власти. И не только по отношению к прежним ее структурам, уже себя дискредитировавшим, но и к вновь оформившимся.

Как преодолеть торможение перестройке?

Главным и непреложным условием победы перестройки 73 процента опрошенных считают проявление решительности в борьбе с ее противниками. И в чем сходятся студенты практически всех регионов, так это в жестком подходе к тем, «кто стоит на пути перестройки». Набор предлагаемых санкций широк — от предложения «перевоспитывать» аппарат до призывов к физическому уничтожению. Тревожно и страшно читать начертанные юной рукой смертельные приговоры.

История свидетельствует, что рост жестокости, экстремизма, как правило, приходится на переходные этапы, характеризующиеся радикальными изменениями в жизни общества: ломка экономических основ, политических традиций, ценностно-нормативной системы.

Определенным «грузом», мешающим нам найти эффективные экономические и политические пути преодоления трудностей, стало, по мнению студентов, наше прошлое. Исследование позволило выявить наличие реальной опасности разрушения всех нравственных принципов, которыми жили предшествующие поколения.

Что мы берем из прошлого?

Сегодняшний день можно назвать временем «встречи», знакомства со своей историей. Наша выключенность из нее была свободной от забот и кошмаров, вселяла спокойствие в души. Долгие годы флер благостности лежал на том, что произошло до нас. Теперь пелена пала. Стремительность, с которой возвращается подлинность событий истории, выявила вдруг кровавую подоплеку, сопровождавшую борьбу за воплощение социалистической идеи. Отсутствие научно обоснованной концепции послеоктябрьского периода, замалчивание теневых сторон породили критическое, в большинстве случаев негативное, отношение к ключевым историческим событиям, коль скоро налицо такой «итог».

Итак, как же оценивают Великую Октябрьскую социалистическую революцию студенты различных регионов страны?

Данные показывают достаточно большую долю сомневающихся в необходимости революции, отменяя ее преждевременно и даже ненужность. В трех регионах (Таджикистан — 65%, Узбекистан — 54%, Белоруссия — 55%) наибольшее количество студентов полагают, что революция была исторически необходимой. Причем в этой группе больше, по сравнению с другими, определивших наше общество как социалистическое, но с серьезными деформациями.

Высок уровень неприятия революции социалистической в таких республиках, как Эстония, Литва и Армения (соответственно 61%, 54% и 50% указали, что революция вообще не была нужна). Все это свидетельствует о прямой зависимости между отношением к идее социализма в целом и оценками революции как исторического события мирового масштаба. Так, в Литве, Эстонии и Армении выделялись наибольшее число студентов, которые определили социализм как утопию, социальный тупик (соответственно 66%, 63% и 57%).

Те регионы, в которых наиболее позитивно относятся к революции, демонстрируют и наиболее позитивное отношение к социалистическому пути развития. Это составляет в Узбекистане 37 процентов, в Таджикистане 38 процентов, в Белоруссии 25 процентов. К этим республикам прилегают в своих оценках и восточные регионы РСФСР (28%).

Нельзя не отметить различия в оценках анализируемых событий у студентов России и крупнейших ее городов — Москвы и Ленинграда. В целом по РСФСР позитивно оценили революцию 44 процента молодых людей, в Москве же и Ленинграде — только 13 процентов. Такая же тенденция наблюдается и в оценках идеи социализма. В РСФСР 25 процентов респондентов относятся к социализму положительно, а 23 процента определяют его как утопию. В Москве и Ленинграде эти цифры равны соответственно 16 и 37 процентам. Из анализа видно, что оценки революции в большинстве своем отрицательны. Что является своего рода расплатой за создание исторического мифа, свидетельством тому, что многие императивы Октября (насилие, полное уничтожение целых классов, диктатура пролетариата, вождизм, красный террор, подавление инакомыслия и т. д.) обесценились и не вызывают сочувствия у современной молодежи. Необходимо добавить, что, как показывают результаты исследования, на смену одному мифу — об «истинности» Октябрьской революции приходит другой миф — о «ненужности» этой же революции.

В нашей истории много болевых точек. Среди них особое место принадлежит сталинизму. Встает вопрос, каким образом соотносить его как явление с социализмом? Главной особенностью подобного соотношения, по результатам исследования, выступает уверенность студентов в том, что сталинизм и истинный социализм, по их представлению, — понятия далеко не идентичные, чтобы не сказать противоположные. Такую точку зрения разделяют 81 процент украинских и белорусских, 75 процентов российских, 63 процента литовских и 60 процентов эстонских студентов.

Часть студентов (11%) говорят о том, что на рубеже 30-х годов произошел как бы «тихий» негласный контрреволюционный переворот и с той поры вообще не шла речь о социализме. Есть студенты (их незначительное число — 8%), которые считают сталинизм выдумкой идеологических противников. На этом фоне резко выделяются оценками, оправдывающими сталинизм, будущие молодые специалисты Таджикистана (26%), Узбекистана (24%). Среди студентов страны есть и такие, кто отождествляет сталинизм и социализм, например, в Армении (30%), в Литве (22%).

Какое оно, наше желаемое будущее?

Мы пытались выяснить представления студентов об устройстве нашего общества в трех сферах: национально-государственной, экономической и политико-правовой. То есть их видение модели будущего советского общества.

Что же думают наши респонденты о национально-государственном устройстве СССР, как представляют его реальное воплощение?

Треть опрошенных стоит на федеративной и конфедеративной позиции относительно дальнейшего устройства СССР. Довольно сильны, правда, и сепаратистские настроения и прежде всего в Прибалтийском регионе (в Литве — 59%, Эстонии — 66%) и Армении (32%).

Идея конфедерации весьма популярна среди армянских (41%), а также московских и ленинградских студентов (38%). На федеративное устройство ориентированы в значительной степени представители славянских регионов страны: РСФСР (52%), Украины (48%), Белоруссии (57%).

Объективный ход исторических событий в настоящее время определяет довольно скептическое отношение молодежи к унитарному государству. И тем не менее его сторонников достаточно много среди узбекских (27%) и таджикских (25%) студентов.

Отвечая на вопрос о наиболее перспективной экономической структуре нашего общества, большинство студентов поддерживает стратегическую линию нынешнего правительства на развитие товарно-денежных отношений, выступая за регулируемый государством рынок. Пятая часть ратует за возвращение к эпохе стихийно-рыночного капитализма, забывая, что этот этап дано и благополучно пройден цивилизованным миром. Хотя следует учесть, что подобная позиция связана не столько с продуманным и сформированным убеждением, сколько с активным эмоциональным отрицанием существующей ранее командно-административной системы централизованного распределения по принципу «от противного».

Ну а как обстоят дела с представлениями студентов о будущем политико-правовом устройстве социалистического государства?

Почти две трети участников опроса (64%) считают, что интересы народа в будущем правовом государстве должны выражать несколько альтернативных партий. Максимально поддерживают многопартийность в Прибалтике — 91 процент и двух столичных центрах, Москве и Ленинграде — 82 процента; минимально — в Узбекистане —

40 процентов и Таджикистане — 43 процента. Наряду с этим примерно четверть опрошенных (24%) — сторонники однопартийной системы с развитой внутрипартийной демократией. Еще 9 процентов считают, что нашему народу политические партии вообще не нужны, а среди армянских студентов эта цифра достигает 25 процентов.

Еще одним весьма важным элементом правового общества является механизм выборов в органы законодательной власти. И здесь большинство участников опроса высказались за прямые выборы, минуя представительство от общественных организаций, в Верховный Совет страны (66%), за общенародное голосование при выборе Президента СССР (80%). Многоступенчатая процедура голосования достаточно популярна лишь в Белоруссии (42%), в остальных регионах страны за нее высказались от 15 процентов студентов Эстонии до 37 процентов в Узбекистане.

Немалое значение приобретают взгляды на систему взаимоотношений личности и общества. Оказывается, что в выборе принципов поведения основная масса опрошенных проявляет подлинное единодушие, ориентируясь на личную свободу, свободу выбора, социального равенства, справедливости. Ограничением для их проявления могут служить только законно принятые и обоснованные запретительные нормы.

И в то же время на вопрос о взаимоотношениях государства и гражданского общества абсолютное большинство студентов всех регионов страны (90%) ответило, что закон должен защищать интересы общества и личности перед государством. Только 5 процентов стоят на позициях противоположных, ратуя за признание закона обеспечить власть государства над обществом. Здесь мы снова встречаемся с наличием смещения на 5—10 процентов в сторону «тоталитарных»

представлений у армянских и узбекских студентов.

Какой же образ будущего складывается? Ответ очевиден. Целостной непротиворечивой концепции будущего состояния общества у студентов нет. И это неудивительно, так как неоднозначность происходящих сегодня событий, возникновение новых процессов и тенденций создают воистину серьезные трудности в предвидении будущего.

Одно можно утверждать со всей определенностью. Большинство студентов активно поддерживает существенные принципы демократического общества — идею социальной справедливости как равенства стартовых возможностей, представления о суверенной личности с ее неотчуждаемыми правами, примат закона над государством, его гуманистическую направленность. Однако совершенно очевидно и то, что все названные принципы студенческая молодежь связывает с общечеловеческими ценностями, которые могут быть реализованы в любом цивилизованном обществе, а не только социалистическом, как считалось ранее.

В поисках себя...

К актуальным вопросам перестройки: «Что с нами?», «Куда идем?» — добавляется вопрос вопросов: «Кто мы?»

Первоначальный этап простого потребления информации постепенно проходит, и мы видим, как молодые люди ведут поиск ценностных ориентиров в прошлом, настоящем, моделируя на их основе будущее. К сожалению, процесс осмысления развивается на фоне мировоззренческой путаницы, незрелых суждений и взглядов, молодого конформизма. Но они ищут, оценивают, сопоставляют...

Замуж за военного?

Мне захотелось выразить свое мнение по поводу материала «Выйду за военного» («Ст. М.» № 3 за 1990 г.), в котором собраны противоречивые представления девушек о курсах: одни в восторге от формы, подтантовности, аккуратности и прочего, другим при виде военного в голову приходит потрясающее словосочетание «удобно танцующая мебель» (по крайней мере, это что-то новое!).

А курсанты тем временем строчат лекции, почесывая стрижные затылки, да взбивают сапогами дорожную пыль полигонов. И не подозревают, что неотразимые десантники не оставили им шансов быть любимыми, а куда более совершенные гражданские сверстники, довершая возмездие над «карьеристами», уготовили («звездоманам» участь «санитаров города». Оказывается: жизнь наша — «это пьянки, разврат и девочки» (в представлении многих). А знания — к черту!

К счастью, не все склонны затыкать нам рты прагматическими упреками, обвиняя лишь военных в том, что «наш бронепоезд» стал здорово скрипеть, так же как не все ставят на нас клеймо пустоголовых функционеров и чинуш. Спасибо им за это. Балзам на сердце — поддержки из некоторых писем. Сразу представилось милое создание, являющееся воплощением женских добродетелей. Перепрыгивая через три ступеньки, слетаю вниз на улицу. И что же? Где вы, милые девочки не хотите верить, что это не вы попрыгиваете сигаретами в обнимку с юными обладателями двойных подбородков...

Д. Викалюк, курсант, г. Львов

Новый учебник

Неслэмный студенческий вздох облегчения потряс страну в декабре 1989 года. Многие газеты Союза спешили сообщить о замесе в вузах государственного

экзамена по научному коммунизму (включающий в себя четыре общественных дисциплины: историю КПСС, философию, политэкономия, научный коммунизм) на экзамен по политэкономии. Вовремя подоспел и новенький учебник, плод трудов многих маститых ученых.

Да, учебник изменился: увеличился объем, добавились некоторые главы, интереснее стало оформление — приятно брать в руки, хоть и тяжело. В тех местах, где раньше ругали капитализм, теперь говорится, что он не так уж и плох, но с каждым днем становится все противоречивее...

Остался только один недостаток, на который ученые не обратили внимания в процессе своего творчества. Весь учебник построен на марксистско-ленинском понимании политэкономии. Сей труд посвящен правильности и великому будущему этого учения. Я не против него. Но создается впечатление, что никакие другие теории не существует. Позвольте спросить, а где же наш хваленый плюрализм? Он, по мнению авторов, выражен в упоминании на стр. 145 имен трех ученых: Адама Смита, Давида Рикардо, Уильяма Петти — несколько строчек, и все. А ведь эти люди внесли богатейший вклад в развитие экономики, если не сказать, что именно они дали начало ей как науке.

Я думаю, пора отойти от такого способа подачи основ экономики. Надо шире изучать труды буржуазных ученых в их естественном виде, без изменений и комментариев. И по-возможности размышлять. По-моему, ошибки в такой науке, как экономика, привели нас на авантюрный путь к всеобщему благоденствию. И пора освободить эту науку от приставки «полит». Давайте попробуем присоединить ее к другим наукам: политическая физика, политическая химия... Что получается? Абсурд?

В. Кравченко, г. Павлодар

Кто ответит на мои вопросы?

Скажите: вы можете жить и поселиться, быть оптимистами, верными, преданными продолжателями дела?.. Как это сделать при существующем положении вещей? Я, например, просто не могу. Сейчас пишу эти строки и смотрю «Взгляд», где показывают съезд комсомола. Никто в него не верит, на нем ничего конкретно не решается, заседают лысенькие дяденьки... Покажите мне, мягко говоря, такого чудака, который хочет работать в этой организации? Зачем она нужна? У меня такое впечатление, что конфетку съели, остался фантик, а в него хотят вихнуть новую конфетку или вообще ничего — это ли та «сладость», о которой мы (вы) мечтали?

Я написала завлечение, что, мол, не хочу состоять в этой организации. А мне в ответ: «Ты что, рехнулась? Горбачев еще не более пяти лет будет. Подумай о себе. При чем тут принципы?»

В газеты заглядывают невозможно: каждая статья орет в дикой истерии, что все, все, все плохо, и виноваты прежде всего мы. А значит, и я тоже, но...

Как же жить тяжело! Я знаю, вы ответите: да, девочка, тяжело, пережить надо, потерпеть... Но сколько можно? Не хочется признаваться в своей слабости, но что я могу? Если начнешь разбираться, что к чему, — шишек набьешь порядочно, да и всей правды не доищешься... И вы уверены, что каждый задумывается «о жизни»? Господи, да вокруг — тьма равнодушных, которым надо только поест. Очень малая часть людей, пытающихся жить локально (в институте, на факультете, в группе) что-либо изменить. Тщетно!

Что же делать? Как жить дальше? Кто скажет? Поступиться принципами или лгать по течению? Быть хорошей для других и ненавидеть себя или быть изгоем?

Елена Юкина, г. Коломна

ФОТОРЕПОРТАЖ

Львов. Улица Мира, 12

Кто, по-вашему, лучший гид города, тем более если город этот — Львов? Кто, проведя вас лабиринтами узких средневековых улочек, угостит лучшим в мире (это несомненно!) мороженым на центральной площади Рынок, у фонтана рядом с памятником Адаму Мицкевичу? Или пригласит подняться по спирали-серпантину на Высокий замок, откуда весь город как на ладони? Или окунет в зеленую прохладу Стрыйского парка, в шуме которого — были и легенды карпатского края?

Конечно, только студент. Тем более студент политехнического. Не верите? Приезжайте во Львов — убедитесь. Но прежде чем вас поведут по этому старинному городу — городу-сказке, городу-музею, — вы узнаете...

Да-да, узнаете, что Львовский политехнический — это четырнадцать факультетов, пятьдесят специальностей, двадцать пять тысяч студентов (в том числе, шестьсот пятьдесят юношей и девушек из 50 стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки). Узнаете, сколько кафедр, профессоров, доцентов, докторов и кандидатов наук в институте.

Потому что каждый, кто учится в ЛПИ, убежден — Львов начинается с их института. То есть с улицы Мира, 12. И, вероятно, прав. Посудите сами: через четыре года этому старейшему вузу страны исполнится 150! А значит, и рассказать можно о многом.

Что будет через четыре года? Не будем загадывать, но сегодня окна института открыты

не только на улице с символическим названием — окна широко открыты в мир. ЛПИ развивает научно-технические связи с зарубежными партнерами, на основе прямых договоров и контрактов успешно сотрудничает с вузами, организациями и фирмами Германии, Польши, Болгарии... В институте есть все условия для учебы и отдыха: кабинеты

— Ну что можно рассказать? — отвечали мне. — Теперь у нас закончились экзамены, жизнь, кажется, поутихла, но начнется новый учебный... Вот тогда...

Потом мне рассказывали о музее, созданном студентами, и... И я ходил в музей института, заглянул в библиотеку, почитал многотиражку. Но меня неотступно преследовала мысль: не то.

Я собирался повторить свой вопрос, надеясь услышать, наконец, сокровенное то, но передумал. Понял: что бы мне ни говорили, что бы ни показывали, для меня все будет не то.

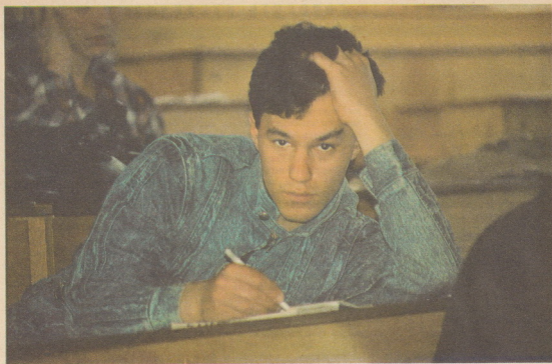
и лаборатории с электронной последних поколений, библиотека, Дворец спорта, базы в Крыму и Карпатах.

А знаменитое «Студенческое братство»? Но это отдельный разговор...

И все-таки я искал что-то особое. Вчерашняя история института мне казалась настолько знакомой, что я перестал воспринимать ее как историю ЛПИ. Тридцать девятый год — сталинские репрессии; сорок первый — институт разрушен; после освобождения города — реконструкция... Семидесятые годы — награждение ЛПИ орденом Ленина.

Но история — историей. Ордена, грамоты, почетные знамена уходят в прошлое, меня же волновал другой вопрос — что будет завтра?

И поймал себя на мысли, что просто не знаю, по каким критериям должен сегодня судить о деятельности Львовского политехнического и вузов вообще.

От старого видения истории, от старых критериев я уже отказался, а новые, увы, еще не нашел. И мне казалось, что по этой же причине закрыл на время свои двери для массовых посетителей музей ЛПИ, именно поэтому пустовало ме-

сто, где раньше висела институтская многотиражка...

А может, вся причина просто в том, что было лето, каникулы, время отдыха и уединения... Время, когда так хочется остановиться, оглянуться, помечтать... На уютной скамейке в укромном углу вечнозеленого Стрыйского парка?

Иван Мунтяну

От редакции. «Ст. М.» — единственный в мире массовый иллюстрированный студенческий журнал с более чем миллионным тиражом, распространяющийся на всех континентах, — готов предоставить свои страницы для рекламы и пропаганды любого высшего учебного заведения страны на выгодных для вас условиях. Публикация в нашем журнале — аттестация престижности вашего вуза. Контактный телефон: 285-53-78.

Владимир Шахиджанян

Деньги к вам вернутся

Итак, после летнего перерыва мы приступаем к занятиям заочной школы. Огромная благодарность всем, кто откликнулся на задания и призвы написать открытку, письмо, позвонить в редакцию. Я признателен всем, кто поддержал наш курс, ибо благодаря вашей поддержке он продолжается. Я хотел бы рассчитывать и буду благодарен каждому, кто не поленится и расскажет, как идут занятия, что получается, что и почему не выходит, какие вопросы возникают в процессе занятий.

Упражнение № 30

Прошлый выпуск заканчивался тем, что я обещал рассказать, как надо поступать, если вам по той или иной причине становится плохо, то есть у вас падает настроение, не хочется ничего делать, вы перестаете верить в свои силы.

(Если вы встречаетесь более-менее постоянно с той или иной аудиторией, то старайтесь начинать выступление с напоминания о том, что было раньше, на чем вы закончили, — так легче перекинуть мостик, легче дать возможность слушателям собраться.)

В ту минуту (минута! Бывают часы, дни, месяцы, когда жизнь нам кажется ужасной, и мы начинаем хандрить, грустить и ни во что не верить), когда вам станет плохо, постарайтесь найти человека, которому хуже, чем вам, и чем-нибудь помогите ему. Это может быть сокурсник, сосед по дому, сослуживец. А может быть, таким человеком станет кто-нибудь из родственников. Проанализируйте свое состояние и постарайтесь зафиксировать его. Подробно расскажите об этом в дневнике. Напишите о том, что вы ощущали до встречи с тем, кому вы решили помочь, как и чем вы помогли и какое у вас было самочувствие после того, как вы помогли (не много

ли слова «как»? Подумайте, чем его заменить, учитеесь анализировать и письменную и устную речь).

После этого составьте небольшое выступление на 4—5 минут о том, чем и как нужно исправлять свое настроение. Может быть, для этого вам придется посмотреть книги по психологии, познакомиться с теорией стресса, почитать статьи в научно-популярных или в специальных медицинских журналах, сделать небольшое социологическое исследование — провести опрос среди знакомых, как они исправляют свое настроение, как они управляют своим поведением. И лишь после подготовительной работы приступайте к написанию (пока к написанию) своей речи.

Затем произнесите составленную речь в кругу близких, но не предупреждайте об этом, говорите ее как бы случайно. Завели разговор о плохом настроении и поделитесь своими знаниями. «А вы, вот (кукареку, кукареку, кукареку, — кукарекаю за слово «вот») — постарайтесь поступать следующим образом...»

Затем проанализируйте результат: как вас слушали, что показалось убедительным, какие были вопросы, возник ли спор, был ли отклик.

Выполняя упражнение, обязательно выясните, в чем и почему плохо этому человеку. И просто так, бескорыстно предложите помощь. Может быть, нужно, если это пожилой человек, просто сходить в магазин, или выгулять его собаку, или помочь убраться ему в квартире. А может быть, кому-то необходима материальная помощь (материальная помощь — канцеляризм, чем его можно заменить?), и вы можете ее оказать. Бывает же так, у вас есть деньги, а у вашего приятеля их нет. Речь не об огромной сумме, я говорю о трешке, пятерке.

Кстати говоря, есть такое мнение, что друг — это не

тот, кто даст вам в долг, когда вы об этом попросите, а тот, кто сам предложит деньги, зная, что у вас их нет.

Всем известно выражение: кредит портит отношения. Действительно, бывают ситуации, когда мы кому-то дадим в долг, или у кого-то возьмем, и, не сумев отдать деньги вовремя, испытываем от этого неловкость, у нас возникают сложности в общении. Когда все-таки деньги (после напоминания) возвращены, в дружеских отношениях наступает разрыв. Теплота отношений сменяется на формальность. Вроде бы и не поссорились, но уже и не друзья. Есть удивительное правило, как надо давать в долг. Благодаря ему вы сохраните друзей и никогда сами не окажетесь обманутыми.

В долг можно давать только тому человеку и только ту сумму, которую вы могли бы ему подарить.

Но вернемся к упражнению, цель которого научить отстаивать свою точку зрения, оспаривать или соглашаться с оппонентом, уметь помогать другим людям и сформулировать, почему это нужно делать.

Прав я или не прав, обсудите это с друзьями. И каждый раз после разговора обязательно анализируйте, как проходила беседа, где вам удалось доказать свою (какая бы она ни была) точку зрения, а где вы чувствуете свою правоту, но не смогли ее доказать. И постарайтесь ответить на вопрос: почему? Вы плохо слушали, перебивали? Или плохо слушали вас? Вы выбрали неверный тон? Вы растерялись под натиском? Вы неточно рассчитали время и вас прервали? Вы не смогли продолжить начатый разговор?

Упражнение № 31

Подумайте, что может означать фраза: «Высшая стадия эгоизма — альтруизм».

Дайте точное определение слову «эгоист».

Когда ты делаешь хорошо другим, то и тебе становится лучше. Это же действительно чертовски приятно — сделать кому-нибудь хорошо, сделать просто так, а не по принципу «я — тебе, ты — мне», и от этого испытывать удовольствие.

Ни в коей мере не настаивая на абсолютности этого принципа, я лично пытаюсь жить именно так.

Опять же попробуйте на эту тему поговорить со знакомыми. Сформулируйте свою точку зрения по предложенной мною теме. Если услышите возражения, постарайтесь разбить оппонента. Но не наскоком, не криком, а используя убеждения, любопытные примеры, логику спора.

Это страшно, когда один человек что-либо доказывает другому, но, не находя аргументов для доказательства, не владея логикой, повышает голос, переходя чуть ли не на крик.

Помните два параграфа?

§ 1. Начальник всегда прав.

§ 2. Если начальник не прав, смотрите параграф первый.

Чтобы вы улыбунались, добавлю, я, Владимир Владимирович Шахиджанян (многие спрашивали мое отчество), руководитель курса «Учимся говорить публично», в своем заключении прав, а если не прав, смотрите пункт первый.

И снова письмо. От Алексева Александра из Архангельска.

«Вообще уметь вести публично какую-либо дискуссию — полезное дело. Мне уже приходилось вести во время учебы в техникуме радиопередачи, был я и ведущим одной из встреч избирателей с депутатом. И самое главное в процессе публичного выступления — и особенно дискуссии — держать курс на активное участие и интерес слушателей. Мне кажется, что к публичному выступлению не нужно долго готовиться, искать какие-то факты, учить речь наизусть — надо быть просто в курсе жизненных событий, знать кое-что интересное в данной области из необщедоступных источников и уметь импровизировать, обладать артистическим даром. И еще: я считаю, что если человек будет следовать вашим рекомендациям, прилежно их вы-

полнять, то все равно в дискуссионном деле у него ничего не получится, если он от рождения обладает неприятным голосом, невнятной дикцией и неинтересной внешностью.

Ну вот, с оценкой ваших уроков покончено, а теперь — о моих личных проблемах и неудачах в деле публичных выступлений.

Во-первых, не всегда удается сконцентрировать внимание аудитории на важном, но скучном сообщении. Во-вторых, когда приходится использовать в выступлении какие-либо цитаты или выдержки из печати, до слушателей не всегда доходит то, что именно хотелось подчеркнуть этой цитатой. Однажды был такой случай: в своем выступлении я со страшным усердием, соблюдая все интонации и даже жестикаулируя, прочел ужасно смешную цитату. Но никто в зале и не подумал рассмеяться. Оказывалось, ползала уже знакомым с этой цитатой, а другая половина просто ничего не поняла. А настроение читать доклад дальше у меня пропало.

Но это все не главные проблемы. Во время доклада зачастую возникают незапланированные ситуации: в зале вдруг оказывается страшно любопытный человек, и он начинает «вставать» свои реплики и вопросы. Это, конечно, хорошо, но у меня не всегда получается с ходу остроумно и правильно, да еще и не останавливая доклада, отвечать на все реплики и вопросы, то есть параллельно с докладом еще и дискуссию вести.

Часто бывает, что ответ на вопрос или реплику «созревает» в тот момент, когда уже поздно. Так и хочется «открутить» время назад.

А в результате не только с достоинством и юмором не отвечаешь на реплику, но и сбиваешься с доклада. Я, конечно, понимаю, что эти способности развиваются с приобретением большого опыта в общении и большой эрудиции, но, может быть, вы что-нибудь полезное посоветуете в своей школе?

Заранее благодарен и рассчитываю на вопрос — как научиться импровизации в процессе доклада (дискуссии)? — получить индивидуальную безвозмездную консультацию

(впрочем, в дальнейшем обязуюсь сообщать вам о своих успехах и неудачах, если вам это интересно).

Всего хорошего, удачи рубрике в «Ст. М.». С уважением, Алексей А., 19 лет.

Р.С. А вообще-то умеет публично выступать тот, кто на Арбате (в Москве) или у Казанского собора (в Ленинграде), или на улице Поморской в нашем городе сумеет собрать вокруг себя человека 10 слушателей, незнакомых ему. Я пока не могу. Рассчитываю на самоусовершенствование и чуть-чуть — на вашу помощь. Извините за почерк — писал в электричке.

Упражнение № 32

Пожалуйста, прокомментируйте это письмо. Сделайте сразу же, не откладывая журнал, сначала про себя, затем постарайтесь записать свое выступление на магнитофон. А еще лучше, если вы дадите это письмо прочесть кому-нибудь из знакомых и тут же начнете его комментировать.

Представим себе, что мы, занимающиеся в заочной школе «Учимся говорить публично», собрались все вместе. Перед нами выступил Александр Алексеев. С чем можно согласиться в его выступлении, а что может вызвать у нас разногласие? Какие мнения Александра (я говорю о его точке зрения) можно не только поддержать, но и развить?

Какова ваша точка зрения?

Попробуйте свое выступление после того, как вы его мысленно произнесли про себя, составить в виде плана на листке бумаги. Потом по этому плану произнесите речь и запишите ее на магнитофон. Затем расшифруйте выступление и пришлите в редакцию журнала. Я прошу вас обратить внимание на постскрипtum письма: Алексеев завидует тем, кто может собрать вокруг себя 10 слушателей. Он хотел бы быть способным на подобный акт, но не знает, как к этому подойти.

Даю совет. Для этого необходимо 9 рублей. Не волнуйтесь, эти же 9 рублей спустя три месяца вернутся к вам. Как? (Интриговать всегда полезно при выступлении.)

Сейчас поясню. Пожалуй-

ста, возьмите 9 рублей, сходите на почту и выпишите журнал «Ст. М.» 30 экземпляров на свое имя на один из ближайших месяцев. Скажем, на октябрь, ноябрь или декабрь. Спустя время вы получите эти 30 экземпляров. Берете стопку журналов и, взяв с собой на всякий случай одного-двух товарищей, отправляетесь на любую перекресток вашего города и начинаете продавать журнал. Ваша задача — продать 30 экземпляров журнала по 30 копеек. (Как видите, 9 затраченных рублей должны к вам вернуться, вы в этом заинтересованы.) Как вы начнете продавать журнал? Может быть, для этого вам придется выкрикивать названия некоторых статей, опубликованных в номере, или остановиться только на одном материале, который привлечет внимание читателей. Составьте заранее фразы рекламного характера.

«Не проходите, остановитесь! Те, кто ни разу не читал «Студенческий меридиан», могут сейчас ошибку исправить! 30 копеек — и журнал у вас в руках!»

Я дал несколько фраз для примера. Вы, конечно же, должны составить фразы интересное, с учетом времени года, места, где вы будете его продавать, прохожих, которые будут проходить, студенты ли это, школьники...

Впрочем, прежде чем составлять фразы, необходимо внимательно прочесть и рассмотреть журнал, и тогда фразы легко родятся.

Итак, первая задача — привлечь покупателей (привлечь — это та самая первая фраза, которую надо научиться произносить. Привлечь — это побороть свою стеснительность и начать выкрикивать. Привлечь — это уметь говорить с незнакомыми людьми. Привлечь — это, может быть, просто стоять, но вдруг к вам кто-то подойдет и начнет рассматривать, и вы должны первым задать какой-нибудь вопрос, чтобы вызвать ответную реакцию, а затем продолжать беседу).

Вторая задача — постараться как можно больше удерживать внимание тех, кто подойдет к вам. Обязательно начать разговор. О чем?

Повод у вас есть: вы продаете журнал, люди к вам подошли, дальше все зависит от вашей инициативы и умения. Нельзя научиться плавать, не входя в воду. Так и здесь: нельзя научиться говорить, не начиная общаться. Забудьте о робости, стеснительности, неловкости. Вы продаете журнал, это ваша работа. Как только вы так отнесетесь к заданию, как к работе, так вам его будет легче выполнять.

Можете говорить о журнале и проблемах студенчества. Можете начать беседу о политических событиях в вашем городе, в республике, в стране и в мире. Можете говорить о проблемах своего микрорайона, института, дома. Словом, говорите о чем хотите. Но главное — го-во-ри-те!

А не опасно ли? А вдруг милиция?! Не опасно. Подойдет милиция, покажите журнал и объясните, что выполняете задание. А поскольку журнал вы будете продавать за номинальную стоимость — за 30 копеек — то никаких нарушений (и вы, и я чтим Уголовный кодекс) у вас не будет, следовательно, привлекать к ответственности и делать вам замечания не имеют права.

Главное для вас — побороть стеснительность, закрепить уверенность и доказать себе, что вы можете. Вы вернете себе не только 9 потраченных рублей (можете выписать и 50 экземпляров журнала, на 15 рублей, можете и 100, на 30 рублей, чем больше, тем лучше, и я думаю, что журнал вы продадите, ибо в розницу он практически не поступает, чем больше времени займет у вас эта операция, тем большего вы добьетесь).

Да, сначала вы испытаете неловкость. Но как только вы произнесете первую фразу 10 раз подряд, сначала шепотом, затем чуть-чуть громче, наконец, громко и можете даже переходить на выкрик, у вас сразу появится азарт.

Это упражнение контрольное. Более года, как мы с вами занимаемся, — пора сдавать экзамен, пора мне принимать зачеты. Считайте упражнение зачетом. Чтобы я мог действительно его вам поставить, пожалуйста, пришлите отчет о выполнении упражнения в редак-

цию. 9 рублей за урок, но деньги к вам вернутся.

В конце нашего урока короткие ответы на вопросы.

Первое. Стал ли я народным депутатом РСФСР, об этом милое меня спрашивают? Нет, меня не избрали. Почему? Во всех удачах благодарить обстоятельство, во всех неудачах винить только себя. А объяснять причины мне долог.

Второе. Если начаты занятия не с первого номера, а лишь в этом году?

Ничего страшного. Хотя, конечно, хотелось бы, чтобы вы начали в библиотеке первые выпуски нашей школы и все-таки выполнили все упражнения. Результат будет лучше.

Третье. Можно ли заниматься без магнитофона?

Можно, но значительно сложнее. Лучше все-таки проявить инициативу, договориться с кем-нибудь и хотя бы время от времени, но записывать свою речь на магнитофон.

Четвертое. Будет ли издана отдельная книжка школа «Учимся говорить публично»?

Я этого хотел бы. Если какие-нибудь издательства проявят интерес, с удовольствием буду с ними работать. Обращаясь и к читателям, если среди ваших знакомых есть издатели, предложите им, поступит предложение от издательства, с удовольствием вступлю в деловые переговоры.

Пятое. Нельзя ли все-таки проводить уроки и по телевидению, хотя бы по учебной программе?

Я выступил с этим предложением, говорила с руководством телевидения и учебной программы.

К сожалению, понимания не нашел. Видимо, не сумел убедить. Если хотите, напишите на Центральное телевидение, главному редактору учебной программы, руководству Гостелерадио, может быть, вам удастся убедить руководство в полезности этих курсов.

АНОНС — 1991

Раскрываем карты

Если хотите научиться выигрывать в преферанс, дайте зачет...

Код на концерте — «преферанс».

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе

Игорь Акимов, Виктор Клименко

Продолжение. Начало в № 10—12 за 1988 год, № 1, 3—7, 10, 12 за 1989 год и № 5, 7, 9 за 1990 год.

7

Талант решает задачу только оригинально

Для раба поведение таланта пахнет блажью. И в самом деле: задача решена; опыт показывает, что решена она неплохо — полученная гармония устраивает всех; так на кой ляд сходить с асфальтированного шоссе, продираться через рывины и колючки — искать другой путь?

Очень просто: если механизм таланта находится в рабочем состоянии, он не может не работать. И если нашему умелцу приходится выполнять работу раба — действовать шаблоном (при этом механизм таланта крутится вхолостую), он оказывается во власти скуки. Сразу. Еще не приступив к работе, а лишь познакомившись с тем, что ему предстоит делать, — с первого же мгновения он понимает, что попал на прокрустово ложе.

Скука — это знак отрицательных эмоций. Вы еще не поняли, что она здесь, а она уже присосалась, как вампир, и ваш энергопотенциал стал стремительно таять.

Психомоторика при работе шаблоном функционирует на холостом ходу. Но она не может без действия! Ей требуется мысль — и чтобы заполнить огромную пустоту, она ищет занятия и впечатления на стороне (разговоры, мечты: все чувства — вместо предмета работы — начелены вовне).

Критичности делать нечего, и она (пока энергопотенциал позволяет) начинает вытаскивать из памяти задачи, от которых еще вчера пренебрежительно отмахнулась. Либо вовсе отключается (когда скука истощит энергопотенциал).

Мораль: путь наименьшего сопротивления — гибельный для таланта. (Зато для раба и потребителя — это идеальная дорога.)

Значит, вынуждаемый работать шаблоном талант оказывается перед дилеммой:

1) если он примирится с обстоятельствами, идет на ком-

промисс, он должен пройти через дисконформ; шаблон ему не с руки — и причиняет страдание, как слишком узкий ботинок; но талант терпит это, теряя энергопотенциал, пока энергетически не окажется на уровне рабов, когда шаблон перестанет его раздражать; это значит, на месте стертой в самый первый момент раны образовалась мозоль;

2) если он остался верным себе, идет наперекор обстоятельствам, — он решает задачу по-своему (понимай так: растоптал узкий ботинок).

Талант дает оригинальные решения не потому, что стремится именно к ним — оригинальность возникает сама по себе. Потому что любая оригинальность — в материале задачи, а не в таланте. Он ее обнаруживает и фиксирует — только и всего.

Например, если писец стальное перо у раба начинает драть бумагу — раб его выбрасывает. Талант может поступить точно так же — если его интересы далеки от этой темы. Но таланта от раба отичает то, что он может задуматься: отчето так произошло? И тут же найдет ответ: перо стерлось. Следующий шаг естественный: а что сделать, чтобы оно не стиралось? Ответ напрашивается: повисить твердость. Он наплавляет на конец пера слой иридия — и перо становится «вечным».

Обыкновенная талантливая работа.

Раб учился писать, макая перо в чернильницу. И даже не задумывается, что процесс может быть каким-то другим. Талант «ленив» — и потому, чтобы не макать каждый раз, переносит чернильницу в стержень ручки. Потом — как вы помните — он наплавил на перо иридий. Наконец — чтобы чернила не вывалились и иридий тратился экономней — вместо пера вставил шарик...

Где таились идеи самписки, «вечного» пера и нового писчего инструмента? В голове таланта. В том, с чем он работает. В материале.

Но талант потому и талант, что смог более точно выявить его функциональность. Повисил КПД функциональности материала хотя бы на 1 процент — уже талант.

8

Кстати, гений от всего этого отказывается — и от самописки, и от шарика. И знаете — почему? У него с талантом разные методы действия. Если талант подступает к задаче насками, то гений решает проблему сразу (а уж задачу — тем более!), и записывает то, что ему уже известно (пусть даже только ему одному), — гению скучно. Даже переписывать только что (!) открытое — и то сопряжено со скукой. Не зря Сократ не оставил нам ни слова: как истинный гений, он был слишком «ленив», чтобы записывать свои бессмертные мысли; и, как истинный гений, он не был тщеславен (ведь тщеславие — это чувство бывшего потребителя, переболевшего апсией и теперь претендующего на территорию всех людей, которые его окружают).

А кто не помнит известного случая с Паганини? Скрипач вышел на сцену, изготвился играть, постоял, постоял — и вдруг ушел. Когда к нему бросились за кулисами: что случилось, маэстро? — он спокойно объяснил: а зачем еще раз играть, ведь я только что всю пьесу исполнил в уме...

Вот почему, если гений вынужден много писать, он возвращается к старому способу: ставит чернильницу и пишет перьевой ручкой, макая перо через каждые несколько слов. Он приходит к этому бессознательно, чувственно. (Для окружающих это — причуда; он же искренне считает, что просто любит писать таким старомодным способом: видите ли, лучше получается.) Зачем он это делает, вы уже знаете: таким действием он спасается от скуки.

Если вас смущает малость такого действия, даже видимая ничтожность его, вы это зря. Бессознательно — спасаясь от монотонности — мы постоянно поддерживаем себя такими действиями. Следовательно, для психомоторики (и для души, и для памяти, и для мысли) нет малых действий; есть большой ущерб, если мы лишены защиты этими малыми действиями. Если ребенок вертится за партой, находит себе посторонние занятия, даже просто без нужды листает книжку, этими действи-

ями его организм старается спасти от скуки свой энергопотенциал. Если мусульманин умеет и любит размышлять, он не расстается с четками.

Между прочим — о себе. До чернильницы и пера мы не дотянули, остановились на авторучках. Но сущность нашего письма та же: через каждые несколько слов — задумываясь над очередной их порцией — мы закрываем авторучку колпачком. Разумеется, не для экономии чернил; просто это действие (закреть — открыть) вносит разнообразие в процесс письма и подзаряжает наши аккумуляторы.

Сам проситя закон дискретности талантливой работы:

ЭПК таланта диктует его режим работы: он не глотает задачу сразу, а обкусывает мясо дисконформта маленькими кусочками, пока не останется чистая кость гармонии.

Так устроен человек: продуктивно он действует только квантами. Без разнообразия его жизнь превращается в муку.

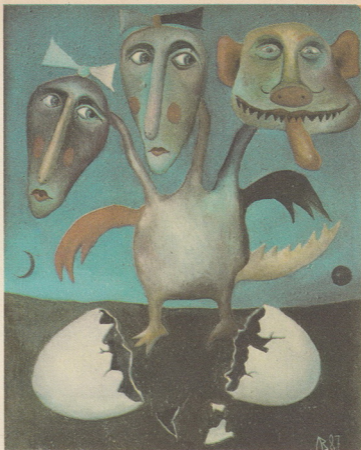
И чем выше уровень его ЭПК — тем острее его потребность в новизне. Тем невыносимей для него даже малейшая вынужденная скука. Потому что любая новизна прибавляет свободы — и любая скука убивает ее.

Быстрые на ум читатели уже ерзают, вертятся у них на языке вопрос: а что же Достоевский? тем более — Лев Толстой? Ведь гении — бесспорно, а сколько написать успели — миллионы слов! Значит, не «ленились»? И не скучно было писать? Почему?

Потому что гениальный писатель пища — мыслит. Для него писать и мыслить — неразрывный процесс. Не зря про таких говорят: его мысль — на кончике пера.

Конечно же! — гениальный писатель много думает до. Терзается. Ищет. Составляет планы. Но сел писать — и все планы рассыпаются, первые же страницы сдвигают центр тяжести произведения; что-то начинает выпирать, что-то скукоживается — и потом выбрасывается за ненадобностью. От чего это происходит?

Как вы обратили внимание, здесь сосуществуют две формы: состояние и процесс. Состояние

возникает от решенной проблемы и воплощено в идее или плане. Или их сочетании. Оно — целостность. Процесс — это действие по материализации состояния. Он — дискретен. Каждая мысль, каждая фраза — это маленькая задача, которую гений решает походя. Он успевает решать их в самом процессе письма. Теперь вы поняли, отчего ему не скучно писать? Задачу, даже самую маленькую, предвидеть невозможно; мы замечаем ее, лишь ощутив ее укол. Значит — пища — гений реагирует только на очередную укол. И понятия не имеет, каким будет следующий. Он идет на свет, но каждый его шаг — это шаг в темноту. Потому что здесь работает закон творческого действия: задача порождает задачу (а проблема — проблему).

Если решенная задача вызывает ощущение законченного действия, значит, это была не задача. Задачи и примеры из школьных и студенческих учебников — это всего лишь головоломки на тренировку применения известных правил. В них учащийся выполняет чужую волю. И при этом теряет энергopotенциал. Истинная задача требует от самого человека волевого импульса и расплавляется за решение, отдавая свой энергopotенциал.

Следствие: не бывает чужих задач; задача всегда твоя личная.

А как же назвать то, что порождает или предлагает тебе другой?

Это приказ. И если даже он облечен в форму просьбы (например, ребенка к родителю) — от этого сущность не меняется. Потому что он навязывает исполнителю свою волю. Лишает его свободы.

Для тех, кто и теперь не видит разницы между заданием и задачей и считает это просто игрой в слова («мне шеф дал задание — и я улучшил функциональность материала на 1 процент»), разжевываем: задание — это «что» сделать, а задача — это «как».

Задача — всегда «как»!

Примечание.

Не исключено, что среди читателей найдутся шустрики, которые решат, что авторы здесь не додумали (золото приняли за кусок меди), или не поняли,

что перед ними закон, — и сами поспешат сделать заявление: вот, мол, я открыл закон истинности задачи: истинная задача беременна новым качеством. Если лезть из кожи, лишь бы запечатлеть еще один закон, можно и так повернуть дело. Но у нас в заглавнике еще так много полновесных законов, что этот случай мы не хотим поднимать столь высоко, обозначив его скромно: признак истинности задачи.

9

Но мы так и не разобрались с гениальным писателем до конца. Мы договорились, что до того, как сесть за письменный стол, он придумал — постиг — осознал нечто. Потом начал воплощать это в слова — фраза за фразой, задача за задачей, — ему интересно, да вот только получается не то, что он задумал, а совсем, совсем другое. Почему?

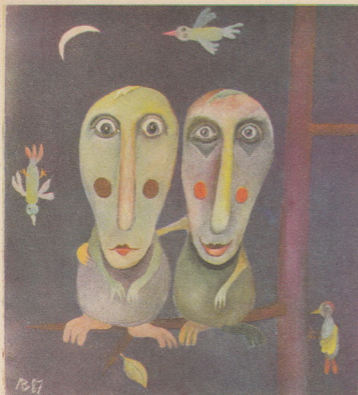
Потому что образ, который он пытается материализовать в тексте, не был им додуман до конца, не превратился в мысль. Банаальная трактовка, которую мы обычно слышим в таких случаях: не хватило материала, и теперь писатель добирал необходимый материал в процессе письма. Истинная причина: энергopotенциал был меньше массы проблемы — и поэтому приходится накапливать его (щелка задачи) в процессе работы.

Следовательно, гению нет необходимости специально собирать материал. Для нормально творческого процесса ему нужны лишь: 1) достаточно высокий энергopotенциал и 2) понимание проблемы.

В зависимости от энергетической наполненности его понимание проблемы останавливается на одном из трех уровней.

1) Ощущение.

При этом гений знает точно:

истина здесь (точно так же талант ощущает по улоку: здесь задача). Он ее не видит, но чувствует — как черную кошку в темной комнате. Значит, у этого чувства нет ни формы, ни границ; есть только направление.

2) Образ.

Гений осветил комнату — и увидал кошку. И понял, что перед ним именно кошка. Небольшая. Черная. Сидит в углу. Но больше ничего о ней он сказать не может.

3) Идея.

Он знает об этой кошке все.

И вот представьте, что наш гениальный писатель решил поделиться своим: 1) ощущением либо 2) образом либо 3) идеей с публикой. Что при этом произойдет?

В первом случае он будет двигаться на ощупь, и все его напряжение, вслушивание, сотни лишних нащупывающих движений — все ошибки будут воплощены в тексте. Вот почему «писать мучительно трудно», вот почему бесконечно мараются страницы и выбрасываются (если накопил энергопотенциал) уже готовые варианты.

Во втором случае, предчув-

ствуя (но не признавая себе в этом), что сущность предмета ему пока неведома, гений с предельной добросовестностью воссоздаст то, что видит. Там больше напряжение, здесь — внимание. Он ставит на то, что в какой-то момент количество перейдет в качество. И тут его судьба зависит от того, куда он свернет с развилки: 1) если его гонит чужая воля, необходимость писать, и он делает это через силу — он растратит энергию и потерпит фиаско; 2) если же он работает, подчиняясь только потребности творить, решенные по ходу задачи выведут его к истине.

В третьем случае, владея предметом — свободно, — он кратчайшим путем ведет читателя к истине. Каждая его фраза (решенная задача) ясна, неожиданна и интересна. Страницы его рукописи почти не знают правки. Его книга — совершенная гармония, значит, ее энергопотенциал будет подпитывать рабов — положительными эмоциями, потребителя — чувствами, таланты — задачами еще много поколений.

Итак, мы выяснили, что гениальному писателю (математику, естествоиспытателю) важно лишь одно: видеть цель. Его работа — это движение к цели, которую он видел с самого начала. И маршрут движения зависит лишь от того, насколько он цель видит ясно. (Он может долго блуждать и путаться, но едва идея выкристаллизуется, маршрут становится практически прямым, хотя каждый шаг на этом маршруте — шаг в неизвестное.)

А как же быть с теми писателями, которые работают по плану? Например, известно, что Золя вначале составлял подробнейший план романа — и лишь затем пунктуально его выполнял. Где здесь свобода, если он видит не только цель, но и каждую ступеньку? Может ли быть такая комбинация: пока формируется цель — работает гений, когда реализуется цель — работает раб?

Скажем сразу: гений не может работать как раб — это ему скучно. Если он не имеет возможности спастись от монотонности решением задач, он не будет работать вообще; если его все же вынудят к монотонной работе, он быстро растеряет свой энергопотенциал и окажется среди рабов.

Значит, гений не может работать по плану.

Зато с этим неплохо справляется талант.

Когда он решает задачу? Когда составляет план. Задача решена — он в комфортном состоянии. Чем теперь занят талант? Ведь не может быть так, чтобы механизм таланта лишь по необходимости включался; уж если он работает, так работает постоянно, это мы усвоили давно.

Он занят тем, что поддерживает комфортное состояние.

Талантливый человек не может не работать; но ведь дураков нет, никто специально работу себе не придумывает; значит, в комфортной ситуации механизм таланта нацелен на сохранение комфорта. Человек работает ровно столько, чтобы успеть к завтрашнему дню полностью восстановиться. Раз он при этом не решает задач, он и не знает мгновений свободы. Но он ото дня ко дню освобож-

дается — и живет в предвкушении того единственного мгновения свободы, которое ждет его в конце пути.

Пусть простят нас любители детektivов, но гении детektivов не пишут. И даже не придумывают: скучно. Потому что в детektivе нет проблемы. Даже задачу в них редко обнаружишь. Чаще всего это головоломка, собранная из стандартных блоков. Максимальная задача, которую способен решить детektivщик, — это обман интеллектуальных чувств. А поскольку он пишет по заранее составленному строжайшему плану... все остальное про него вы уже знаете.

А теперь мы ответим на один вопрос, который мучает многих наших читателей уже давно: как создается текст, который вы в данную минуту читаете? Как

вообще пишется эта книга?

Здесь нет ни сложностей, ни секретов.

Конечная цель вам известна: природа таланта. Конкретно: концепция ЭПК. Которую вы уже тоже представляете — с первых же страниц книги. Если бы мы писали по плану, вы бы давно бросили эту книгу, потому что вам это было бы скучно: составив наш алгоритм реализации материала, вы бы предугадывали почти каждый наш шаг, и если бы поначалу самутверждались угадками, то очень быстро это бы вам надоело. Но вот вы прочли уже не одну сотню страниц — и продолжаете читать. Мало того — мы готовы биться об заклад — что вы почти никогда не угадываете не только поворотов нашей мысли, но даже и содержания следующего абзаца. О чем

это говорит? — О том, что мы не знаем его содержания. А следующую нашу фразу предвидеть вы можете? Нет? И мы тоже.

11

Текст, который вы сейчас читаете, оригинален потому, что оригинальны задачи, решаемые нами на каждом шагу. А наша — авторская — забота сводится лишь к одному: чтобы решения задач преподносить вам в простой и ясной форме. Чем точнее мы решили задачу, тем решение проще; чем больше энергии вложили в информационное переложение этого решения, тем оно для вас яснее.

Продолжая это рассуждение, любой разумный человек неминуемо (а самое главное — самостоятельно) придет к мыс-

ли, что если человек оригинальничает — это не талант. Мысль не бог вещь какая ценная, а все же мысль, к тому же известная нам давно. И вот почему-то нам показалось обидным, что эту мысль, к которой мы приставили читателя буквально носом, кто-нибудь примет за свою. Ну — вот такая минута слабости; как видите, и у нас случается. Возможно, будь мы в лучшем энергетическом состоянии, выйдя мы на это место с утра, полные сил, — может, мы б и скинули его, как шубу с барского плеча: пусть дойдут своим умом да получат удовольствие... Но сейчас уже вечер, мы устали, щедрости у нас побавилось — и потому мы перекручиваем этот кусок мяса на своей мясорубке: отведаете, дорогие читатели, наших котлеток...

Почему талант оригинален?

Потому что нестандартен его подход к работе. Пусть вся его оригинальность — это отражение оригинальности, обнаруженной им в материале. Мы судим о таланте именно по этому результату. Значит, оригинален или нет — зависит от нашей (желательно — объективной) оценки.

Станет ли талант оригинальничать?

Талант — никогда. Даже если он захочет произвести впечатление, он это сделает своей работой. Этого достаточно. И талант знает, что этого достаточно: его чувство меры утверждает его достоинство, его и без того высокую цену. Он талант — и уже тем интересен.

Кто в таком случае оригинальничает?

Человек на уровне чувств. Потребитель.

Зачем ему это нужно?

А как же! Ведь он должен действовать, а инструмент у него такой неудобный, такой неэффективный: шаблон. Дай ему волю — он тут же удрал бы от этой работы подальше. Но обстоятельства вынуждают его оставаться здесь. Как спастись от монотонности? Напоминанье у него для этого есть два приема:

- 1) он *разрушает* монотонность работы чередованием шаблонов (там, где раб покорно работает одним); его великодушная память позволяет это делать в огромном диапазоне;
- 2) он *отключается* от моно-

тонности (и работает одним-единственным шаблоном), замкнувшись на зрителей, от которых и получает положительные эмоции. Следовательно, он должен произвести на зрителей впечатление. Сделать это ему не стоит большого труда: он отыскивает в своем багаже самый неожиданный для зрителей шаблон — и работает по древнему правилу потребителей: «Новое — это хорошо забытое старое».

Потребителю важен результат (но это не конечный продукт, к которому он равнодушен; для него результат — только удовольствие) — вот почему он оригинальничает. Таланту важен процесс — вот почему он оригинален.

Между ними — не различие в нюансах; между ними — пропасть.

Примечание. Не сомневаемся, что для некоторых читателей различие понятий «продукт» и «результат» сопряжено с трудностями. Мы привыкли небрежно обращаться с языком, превращая к прилизанности, расплывчатости, многозначности понятий. Принцип — «главное, чтобы тебя поняли» — работает лишь на самом примитивном уровне. И на этом уровне знак равенства между «продуктом» и «результатом» — вполне уместен. Авторы не могут позволить себе роскоши, чтобы каждый читатель понимал их «по-своему». Мы хотим, чтоб вы понимали нас «по-нашему», чтоб вы понимали именно то, что мы хотели вам сообщить.

В таком случае давайте усложнимся, что «продукт» — это нечто реальное, существующее вне нас. Оно имеет форму и содержание; его можно увидеть, пощупать, услышать, обонять — либо все это сразу. То есть «продукт» — это некогда решенная задача.

«Результат» — это субъективная оценка «продукта»; он зависит от личного «аршиана» (мерки) каждого из нас. Конечно, в тех аспектах, где «продукт» поддается точному измерению, «результаты» сближаются; и все же — практически — равными они не бывают никогда.

Продолжение следует

Я называл его Гугуем...

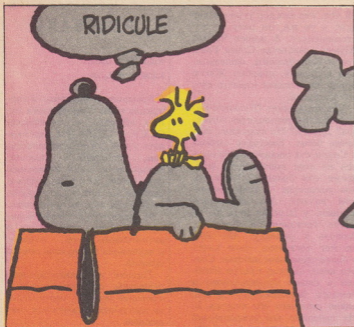
Леня Воронцов — создатель своеобразной страны, так же, как Уолт Дисней — «отец» Диснейленда. Вот что сказал Леня о Гугуях: «Когда я был маленький и еще плохо разговаривал, над моей кроваткой висело стилизованное изображение пингвина. Я не знал, что это пингвин, и называл его Гугуем. Потом я вырос, но слова «Гугуй», «Гугуистий», «Гугуйчик» и другие остались. Что же характеризует Гугуя: не только вытянутое лицо, но и открытая душа, а также некоторая грусть, вызванная несовершенством жизни. Гугуй часто совершает глупые, даже на первый взгляд абсурдные действия, но через них он познает себя и окружающий мир. Иногда он бывает лиричен, иногда любит весело пошутить. Это лишь некоторые из моих наблюдений за Гугуем. Но вот за что его люблю, но никогда не бывает лжым».

Все это вы и сами можете видеть на его работах. Еще мне показалось, что хоть страна и выдуманная, она очень здорово похожа на наше общество. Да, пожааауи, можно выразиться и глобальней, на весь наш мир. Персонажи картин в гротескной форме передают жизненные ситуации.

Леня не заканчивал никаких специальных художественных заведений. Рисовать учился сам, иногда помогали знакомые профессионалы, к счастью, оказавшиеся хорошими художниками. Умение видеть мир наверное, врожденное чувство, как говорить «от бога», или оно есть или его нет.

В любом случае это только начало пути. Но как уже сейчас видно — яркого, самобытного дарования. Только бы не слазить.

Сергей Кузнецов

КОМИКСЫ

Снупи — американская Каштанка?

Пожалуй, пришло время издать сборник афоризмов, принадлежащих самым известным четвероногим литературным героям. Помните, например, классическую фразу Каштанки: «Так жить нельзя, лучше застрелить-

ся». А вот еще одна глубокая мысль: «Одни рождаются людьми, другие — собаками. Мне, например, повезло». С таким убеждением уже сорок лет живет на страницах 2200 газет и журналов, выходящих в 68 стра-

нах, сотен альбомов, пленках видеокассет, на миллионах открыток симпатичный висюлхуй щенок Снупи.

Даже у нас почти в любом городе можно встретить очаровательную москвичку, киевлянку или харьковчанку, облаченную по летней жаре в майку с длинномордым профилем этой самой знаменитой собаки XX века. Снупи и впрямь не знает себе равных. Он играет в хоккей и теннис, следит за медицинскими новостями, коллекционирует произведения искусства. Он то воображает себя летчиком-асом, то задумчиво следит за падающими листьями, а то вдруг принимается за написание очередного романа, который традиционно не идет дальше привычно интригующей фразы: «Однажды темной и ненастной ночью...»

Да, Снупи знаменит. Вероятно, не меньше, чем Микки Маус, но с мышонком, власт-

вующим в мультипликации, ше-нок изначально поделил сферы влияния. Правда, на основе комиксов о Снупи уже сняли несколько фильмов и даже поставили пьесу на Бродвее. Известен Снупи и за пределами нашей Земли, поскольку его имя было торжественно присвоено отделяемому модулю американского космического корабля «Аполлон-10».

А там, где слава, там, естественно, и очень большие деньги. Но внимание, советские кооператоры, падкие на пиратское использование ходовой международной символики! С 1958 года строго выдаются лицензии на коммерческое использование незабвенного образа неунывающего Снупи. На сегодняшний день их выдано больше тысячи. Причем выданы они в обмен на кругленькую сумму в 1 миллиард долларов! Ни одна рождественская открытка и ни один свитер с профилем щенка-попайота (разговаривает он с читателями на десятках языков) не может появиться на рынке без согласия «отца» Снупи американского художника Чарльза Шульца.

Утверждают, что родной дядя предугадал судьбу годовалого Чарльза, прозвав его «Спарки» в честь популярнейшего в 20-х годах персонажа... комиксов. Не в силах, очевидно, противиться року, Шульц, серьезно занимавшийся в юности рисованием, отправился в Нью-Йорк, где 2 октября 1950-го (готовьтесь отметить день рождения Снупи) и появилась впервые серия комиксов о веселом щенке.

С тех самых пор Чарльз Шульц практически не отделяет себя от собственных рисованных персонажей, переживающих по его авторской воле романтические и окрашенные мягким юмором приключения. Впрочем, как утверждают, иногда и хвост крутит собакой. Во всяком случае, именно Снупи сорок лет диктует распорядок дня своего хозяина, «стаскивая» с него одеяло и заставляя практически ежегодно в семь часов утра садиться за письменный стол. Ежедневный «план» Шульца — пять серий комиксов и плюс цветная полоса для воскресных номеров. Себя самого художник определяет достаточно просто:

«Я тот, кто каждое утро рисует одно и то же, ни разу не повторившись». А живет Чарльз Шульц в местечке Санта Роза, что в Калифорнии, отшельником и творит, подобно Жюлю Верну, не покидая надолго своего кабинета.

Что же движет Шульцем-машинной для производства комиксов? Деньги? Но художник сказочно богат. Ежегодно любовь к Снупи ста миллионов читателей на всех континентах приносит ему более ста миллионов гонораров в конвертируемой валюте. По некоторым данным, у Шульца чуть ли не пятое состояние в Америке. Любовь к ремеслу? Но ведь он мог посвятить свою кисть и более серьезным жанрам. Скорее всего Шульц просто влюблен в своего трогательного и немного беззащитного щенка, давно ставшего его вторым Я. Не случайно его откровенный ответ на сакраментальный вопрос, что же такое счастье, звучит совершенно обезоруживающе: «Счастье — это иметь маленькую, но преданную собачку».

Что же, пример Чарльза Шульца, короля комиксов, не только заразителен, но и весьма поучителен. Для того чтобы добиться успеха в комиксах, необходимо следовать главному условию, выведенному всем творчеством знаменитого американца: работа должна стать образом жизни. Во всяком случае, как и наш классик, Шульц мог бы сказать своему близкому приятелю: «Знаете, какую шутку выкинул вчера со мною Снупи: он принялся писать книгу под названием «Вы уверены, что всегда правы?»

Михаил Щипанов

Болит? — Помогите себе сам

Очередная подача практического курса Мака-Иова Риго посвящена лечению остеохондроза. Начало в следующем номере. Публикация этой главы рассчитана автором на несколько подач.

«Дайте шанс каждому...»

С большим энтузиазмом я воспринял идею о проведении акции «Друзья по переписке. СССР — США». Но участвовать в ней для меня оказалось, увы, непосильной задачей. Кроме нескольких банальных фраз о том, где я живу, учусь и сколько мне лет, ничего другого из себя выдать не смог.

Я понял, что сотворил большую глупость, когда бегал с английского. А он — язык — и переписка мне нужен сейчас позарез.

Письма с комментариями редакции, опубликованные в прошлом номере, натолкнули на мысль предложить вам следующее.

Расширьте рамки акции. Позвольте участвовать всем желающим. Дайте шанс каждому.

Пусть сочинение о себе я напишу по-русски, но зато — обещаю — оно будет интересным, с юмором.

Пока же книга выйдет, я уже поднаберусь в английском. Пройдет ведь не меньше семестра. А я буду и на занятиях по языку ходить (охотников у нас немного, так что занятия получатся почти индивидуальными), и самообразованием что-то доберу.

Прощу по-христиански: дайте шанс.

А. К., Москва

От редакции. Мы не стали раскрывать инициалы автора этого письма, так как человек не приметный, юмористические его рассказы читали. Знаем и другое: он убедился на своей шкуре, что английский ему до зарезу нужен, что он выполнит свое намерение его изучить.

Теперь по существу предложения А. К. Посоветовавшись, мы решили еще раз раздвинуть рамки акции, и в связи с этим обратили внимание в Условиях конкурса на новый, специальный раздел.

Конкурс проводится в помощь школьникам, учащимся ПТУ и техникумов, студентам в Советском Союзе и учащимся школ и колледжей в США, желающим наладить между собой дружескую переписку на английском языке.

В конкурсе будет не менее 10 тысяч победителей! Именно такое число участников акции попадает на страницы первой в мире книги «Друзья по переписке» объемом в 400 страниц. Ее выпуск будет осуществлен в 1991 году на американской издательской базе.

5000 советских призеров получают от организаторов конкурса американские сувениры.

Кроме того, в ходе заочного тура определятся 50 финалистов, среди которых в очном конкурсе будут выявлены те, кто совершит месячное путешествие по СССР и месячное путешествие по США во второй половине 1991 года.

Главных победителей будет не менее 10 (5+5) человек. Кроме того, надеемся, что за оставшееся до финала время мы найдем еще спонсоров, и число главных победителей таким образом увеличится.

А теперь — доработанные (в том числе и с помощью читателей), уточненные условия конкурса.

Три «технических» условия конкурса:

— вы должны быть не старше 19 лет (на момент отправки своего сочинения);

— вы должны быть учащимся (школы, ПТУ, техникума, вуза; заочники и вечерники также могут участвовать в конкурсе);

— вы должны быть подписчиком «Студенческого меридиана» на 1991 год.

Содержательные условия конкурса:

Вам надо написать сочинение объемом не более 250 слов о себе, своей жизни, учебе, семье, друзьях, увлечениях... Словом, о

чем угодно. Лишь бы это было интересно сказано.

Сочинение должно быть написано черными чернилами, разборчивым почерком на английском языке. В конце сочинения буквально одной или двумя фразами добавьте небольшое послание «Всем друзьям мира». К английскому тексту приложите экземпляр полного русского перевода, разборчивым почерком. Еще лучше, если все тексты будут отпечатаны на машинке.

Выберите одну-две ваших фотографии (черно-белые, размер не более 9×14).

Пообещайте себе и нам, вашим друзьям, ответить на все письма, которые вы получите (это условие, кстати, не такое простое. Каждый читатель опубликовавший адрес в «Ст. М.», получает до 1000 откликов. Но, к великому нашему сожалению, не все отвечают на письма, и даже не все отдают их в школы, интерклубы — то есть тем, кто на самом деле хочет переписываться).

Вы должны рассказать об условиях конкурса всем вашим друзьям и знакомым. Привлечь их к участию в нем. Кроме того, на отдельной страничке надо написать:

а) сколько друзьям вы рассказали о конкурсе;

б) и, кроме того, назвать, если, конечно, можете, имена своих знакомых, принимающих участие в акции «Друзья по переписке» по вашей «подказке»;

в) на этом же листке напишите, где вы учитесь.

Сделайте с подписной квитанции, на которой оформлена подписка годового комплекта «Студенческого меридиана» на 1991 год, ксерокопию (на наш взгляд, сейчас это самый простой вариант копирования документов).

Теперь каждую отправляемую нам страничку и фотографию аккуратно сверху надпишите, указав имя и фамилию, дату рождения и полный (с почтовым индексом) ваш адрес.

Таким образом вы должны отправить в редакцию:

— сочинение на английском языке,

— его копию на русском языке,

— фотографию (или две),

— листок, на котором написано, где вы учитесь, а также список ваших друзей, участвующих в конкурсе,

— ксерокопию подписной квитанции на 1991 год.

К этим пяти составляющим добавьте обыкновенный почтовый конверт за 6 копеек с четко написанным вашим адресом (с почтовым индексом). Конверт нужен в всякий случай, если у нас вдруг возникнут к вам вопросы.

Теперь все это вложите в конверт и отправьте по адресу: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5а, «Студенческий меридиан». С пометкой «Друзья по переписке. СССР — США».

15 ноября с. г. — последний день для отправки вашего сочинения (и сопутствующих материалов). Тех наших читателей, кто уже выслал свои сочинения, просим дослать в срок до 15 ноября все вышеобозначенные материалы.

Особая категория конкурса:

Те читатели, кто не может пока свободно писать по-английски, но хотел бы попасть на страницы книги, чтобы найти себе друзей по переписке, могут прислать только русский вариант сочинения.

Все остальные условия конкурса (фото, место учебы, список друзей, копия квитанции) остаются для этой категории обязательными.

Дополнительная информация

В книге «Друзья по переписке» будет специальный раздел для инвалидов, желающих переписываться.

Tauna Rose Woolery, 11-17-1983 315 Dean Drive, Rockville, MD 20851-1144.

My name is Tauna. My Mom and Dad, Laura and Chuck, gave me this name. Tanya. This is how I was called by my Russian friends, who stayed in our house last summer. I like their Russian names, Olga, Andrei and Yuri. I wish I could give you a sticker from my favourite book about Care Bears. My Daddy told me your country animal is a Bear. I bet you think that is funny. I do. I have a pet hamster. I named him «Cottonball» because his white fur feels like cotton and when he goes to sleep he cuddles up in a ball. He is very little and doesn't do harm to anybody. We also have a fish named Alex and take care of our friends Australian dog named Katie and a sheepdog named Pudgi. What kind of pets do you like? We live in Rockville, Maryland, not far from Washington DC. Our neighborhood is very quiet with lots of trees. The last place we lived in an apartment was very noisy. My brother's name is Jake. He is four years old and can't take part in the contest. He litters. I don't like that. I think mother earth doesn't like it. When you go outside to play, pick up trash when you find it and after you play. I love my brother, Jake, but sometimes his ears don't work - because he doesn't listen. My Mom is very good to me and very cute and a funny honey. My Grandmother won a writing contest. She writes kids stories to children. What kind of stories do you like to read? I wish I could read them sometime. My Dad tries to help people who are poor. I wish that we can give a job to the poor people and that we could buy the things that they sell. Then they could have enough money to buy food for themselves and their children. I wish our governments would try to save the world and help all the people. I would like you write me about yourself on a post-card.

Tanya Andresyan, 10-14-1979 USSR, Patigorsk, 357528, Toljatti Str., 165.

Would you like to have a pen friend from the USSR? Then it may be me? Who are you? I am Tanya, almost 11 years old. I love English, learn it at school, read about English speaking countries and dream to see America. I would be glad to show you my country. I think that the USSR and the USA are prominent countries and, children, must become real friends and do people a lot of good. I live in Patygor'sk, a nice town in mountains, a famous mineral spa. The nature is very rich here. My town is bright in summer and white in winter, green in spring and golden in autumn, it is surrounded by a five-head mountain Beshtau, many picturesque hills, and by wonderful legends about them. Do you like legends? It happened long-long ago, when here lived tall and brave people. In one family there was a beautiful young girl, Mashuk by name. She loved a fearless boy - Beshtau. But the girls parents had their own plans upon her marriage. They had promised Mashuk to a rich old Elbrus. The young people tried to run away, but they were caught. The infuriated Elbrus struck Beshtau five times with his sharp dagger, but the dying boy killed his rival too, stabbing him twice. And both of them, and the crying girl and her cruel parents turned into mountains. The slopes of the mountains are covered with forests, which are full of wonders, and the birds sing their sweet songs there, and the highest peaks are in silver snow caps. I hope you will like our places, our poems and songs, and fairy-tales. I've read a lot of fairy-tales and other kind of literature. Sometimes I make up stories by myself and tell them to my younger sister. All the very best to you, my new friend. Best wishes to American children from my friends. They also believe that we have much in common, and we can have a lot of fun together.

ДРУЗЬЯ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Авторы этих сочинений — две Тани. Одна — из маленького городка Роквилл в США, другая — школьница из Пятгорска. Надеемся, что знакомство с их письмами поможет вам лучше оценить свои силы.

Мы должны с удивлением признать, что пока писем от школьников не так много, как ожидалось. Видимо, ребята стесняются и не очень верят в себя.

А может быть, за лето вы совсем забыли английский?

В таком случае мы просим учителей помочь своим ученикам в работе над конкурсным заданием. Кроме того, здесь нелишним будет напомнить: учителя, чьи ученики напишут интересные работы, будут награждены специальными призами.

Поскольку в этом году возникли опоздания в доставке журнала, а затем и с подпиской на него (ни то, ни другое от нас не зависит), по согласованию с американской стороной мы продлеваем срок отправки сочинений на конкурсе до 15 ноября с. г. (включительно).

Дорогие друзья! Мы хотели бы от вас узнать: как интересны участвуют в нашем конкурсе и его пропаганде? Напишите нам об этом.

Разъяснения к плакату

Еще весной американской стороной выпущен плакат (обложка № 7), который, к сожалению, содержит теперь уже отчасти устаревшие условия конкурса и адрес только штаб-квартиры в США. Именно его текст опубликовал «Ровесник» в № 8 с. г.

Все, кто отправил свои сочинения прямо в США, не волнуйтесь! Наши партнеры перешлют их нам, ибо итоги конкурса для советских участников будет проводить жюри «Ст. М.».

Главное для вас — выполнить все условия конкурса, опубликованные нами в № 9, 10.

Желаем вам успеха!

Учительница 26 лет из Австралии, которая мечтает выучить русский, хотела бы начать переписку на английском языке со своими коллегами из СССР.

Mr Skott Williamson
12 Maru Street
Jimboomba Qld 4280
Australia

14-летняя финская школьница надеется найти друга из Москвы, которого просит написать ей на английском языке.

Tiina Määttä
Hakalantie 40
88610 Vuokatti
Finland

Футбольный фанат из Италии, которому недавно исполнилось 17 лет, стремится познакомиться с друзьями по увлечению во всем мире.

Chiti Andrea
V. a Montalese 17
51 100 Santomato (Pt)
Italia

Если в прошлые годы мы полагали много предложений о переписке из Ганы, то теперь пальма первенства принадлежит нашим молодым читателям из Шри-Ланки. Предлагаем несколько адресов, по которым надо писать по-английски.

A. Chandananda
Ubhauwapikavamaia,
Aluthgama, Bandavagama,
Sri-Lanka

K. Tinasir
Anandodaua Pivivena
Mulgampola
Kandu
Sri-Lanka

A. de Sibv
N. O. 24,
Poovnawatte,
Kandu,
Sri-Lanka

Поиск партнера

Многие читатели жалуются на то, что не получают от-

вет от своих зарубежных сверстников.

Мы знаем эту проблему. Именно поэтому в конкурсе «Друзья по переписке. СССР — США» ввели как непременное условие обязательство каждого его участника откликнуться на все полученные письма.

В то же время нам показало интересным предложение, прозвучавшее у некоторых наших читателей, которое Алик Кошаев из Уфы выразил так: «Я мог бы заплатить умеренную сумму (до 20 рублей) за адреса американского, аргентинского, итальянского сверстников, присланные из редакции только мне. Либо заплатил бы за публикацию моего адреса на страницах журнала. По-моему, от этого была бы польза всем: редакции, советским и зарубежным читателям. Попробуйте сделать такое хоть разок».

Предложение А. Кошаева принимается.

Согласно действующим расценкам за публикации рекламных материалов, объявлений мы устанавливаем следующий курс:

— для советских читателей — 10 рублей (школьникам, учащимся ПТУ и техникумов, студентам), 40 рублей (для всех остальных)

— для иностранных читателей — 10 долларов США.

Наш расчетный счет — № 000608804 в Кировском отделении Промстройбанка г. Москвы, для «Студенческого меридиана».

Первые объявления советских читателей в рубрике «Друзья по переписке» появятся в № 1 за 1991 год. Если хотите успеть в № 1, то срочно присылайте свой адрес, краткие сведения о себе, своих интересах, а также квитанцию о почтовом переводе на счет нашего издательства.

Андревон Жан-Пьер,
Кузен Филипп

На войне как на войне

Рассказ

1

— Позвонили. Откроешь? — Мелани кричала из кухни, где уже возилась с готовкой.

Я сидел в гостиной, в кресле, перед выключенным телевизором. И думал, включать его или нет. Было то ли половина седьмого, то ли без четверти семь вечера — я только что вернулся после трудов дневных. Звонок прозвучал снова.

— Откроешь или идти мне? — снова крикнула Мелани.

Это моя супружница. Мы женаты уже двадцать один год, мне сорок пять, ей сорок. У нас четыре отпрыска. Кто может так настойчиво звонить в этот час (в этот час, в семь часов...)?

У меня нет никакого желания идти открывать дверь. Я выдохся. Сегодня я сделал шесть клиентов, две премии точно, а одна весьма вероятно. В страховании надо прыгаться, исходить сапожной, строить улыбки, иметь хватку (в свое время я думал, клиента надо хватать), не испытывать страха.

— Раз ты не идешь, иду я, — сказала Мелани после третьего звонка.

Настойчивый. Поганец! Как страх агент... Я постукиваю по пульта управления телика, но никак не решаюсь включить его. Что там увидишь? Глупые игришки, удручающие новостишки? Я устал. И счастлива, что сегодня четверг, канун пятницы, которая, как говорят, канун субботы.

В глубине квартиры слышно, как Мелани открывает, затем доносится голоса, едва пробивающиеся через рев рок-музыки Клока (пятнадцать лет), который крутит свои кассеты по соседству, в комнате, где живет вместе с Фердинандом, еще не вернувшимся домой.

Кто же может звонить в дверь в семь часов вечера? Я скоро узнаю это, я в отчаянии — шаги приближаются по коридору.

— Роже... — Голос у Мелани совсем сжался, застрял комком в горле.

Я поворачиваюсь к ней — она стоит на пороге гостиной с визитером позади нее — и машинально нажимаю на кнопку дистанционного пульта. Визгливый голос певицы-савойки вдруг заполняет комнату, перекрывая далекие сирены полиции.

Мелани выглядит крохотулей рядом с высоченным типом, загородившим весь проем двери гос-

тиной. Я автоматически вскакиваю на ноги. Тип одет в зеленатый боевой комбинезон, доб затенен длинным козырьком фуражки а-ля Бижар, на погонах красуются три золотых капитанских галуна.

Я стою лицом к нему. И уже знаю, что он обьявит мне.

2

— Господин Роже Гуло... — начинает он. Потом замолкает, кривит рот в похолой на улыбку усмешке, показывая из-под усов волчьи клыки, и исправляется: — Я хочу сказать... старший сержант Роже Гуло!

Я выпрямляюсь, выпячиваю грудь, чувствую, как мое тело принимает стойку, более или менее похожую на стойку «смирно». Знающей свое дело тенью Мелани выключает телевизор, потом уходит в соседнюю комнату, чтобы остановить кассетник Клока. И не слышны ли теперь в бархатной тишине какие-то скребики, доносящиеся из нашей комнаты, расположенной напротив гостиной? Ну, конечно... похоже на шкрябанье лопаты по скалистой земле, или шарканье ногтя по шкурке, или скрип крючка дантиста, ощупывающего полый зуб.

Я не успел определить природу шума. Капитан приблизился, под его сапогами с подковками потрескивает паркет — он подошел совсем близко, он выше меня на голову, меня обволакивает его запах — смесь пота, черного табака, сладковатой туалетной воды, грубого сукна, обработанного цавелевой водой.

— Старший сержант Роже Гуло... — повторяет он, — а вернее... (он снова колеблется, усмехаясь в усы) старшина Роже Гуло!

На моем лице, наверное, появилось выражение удивления. Волк превращается в лису, он вынимает из нагрудного кармана небольшую книжницу в бежевом переплете, два или три раза хлопает ею по левой ладони, открывает, морщит веки, читает, сначала зрчками, потом вслух. Я знаю, что это за книжница — это мой военный билет.

— ...Хм... вам за образцовое поведение на фронте во время предыдущих операций приказом командующего гарнизоном Девиз-Голгофы присвоено звание старшины.

Он протягивает мне билет, чтобы я собственными глазами мог удостовериться в неожидан-

ном повышении в чине. По правде говоря, вот уже десять лет — если не одиннадцать? — я прозябаю в подчиненных, жую в старших сержантах, в звании-недоноске между солдатским и унтер-офицерским чином. Где же справедливость, хоть я ни разу и не пожаловался? Разве я не принял участия в достаточном количестве кампаний? Не проявил ли за это время некоторого мужества? Разве мое поведение не заслуживает похвалы со стороны командиров?

Теперь капитан меня целует (говорят: лобызает меня), то есть его девая щека на мгновение касается моей правой щеки, и наоборот, но я ни разу не ощущаю скользкости его губ. Во время этого прикосновения я ощущаю лишь запах туалетной воды.

Краем глаза я вижу Мелани, появившуюся в проеме открытой двери, позади нее стоят Клок (пятнадцать лет, длинные волосы, как у девицы, — предмет моих частых упреков) и Галеа (семнадцать лет, прекрасна, как икона, с короткой стрижкой, как у мальчика), которая до этого сидела у себя в комнате, работая над курсовой или делая вид, что работает. Я подмигиваю им всем троим. Но момент, если не торжествен, то и не подходящий для шуток. Момент...

— Момент серьезен, старшина Гуло, — заявляет капитан, отступив на шаг и спрятав мой военный билет в нагрудном кармане, откуда извлекает другой рукой помятую синьку, которую развернул на ладони.

Вздревнув брови, я становлюсь параллельно офицеру. Я констатирую (хотя уже догадался), что на синьке изображен план нашей квартиры и нанесены несколько заштрихованных синим цветом полос и несколько красных изогнутых стрелок.

Я чувствую пронзительный взгляд офицера у себя на затылке. Сколько же времени потратило это чудовище, чтобы выложить то, чего я уже ждал целых десять минут. Наконец время подошло. Сейчас он скажет. И он говорит: — Старшина Гуло, началась война!

3

Война!

Старое привычное слово, старая шутка, которую периодически извлекают из сейфов, где хранится история дома, старый зверь с побитой шерстью, который три или четыре раза в год сует свою черную и ослизлую морду в простыни моей постели, подогретое блюдо, которое приходится выжирать до хрящиков, кислое питье, которое надо пить, пока не унешься.

Ну и что! Война — это война, приказы — это приказы, кошка — это кошка, а хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я склоняюсь над синькой, мои глаза уже следят за коричневым указательным пальцем капитана, скользящим из комнаты в комнату, как толстая серая крыса по лабиринту.

— Наши разведывательные службы сообщили о подозрительном передвижении войск на уровне двора, в основном в ночное время, — говорит офицер, едва не протыкая лист бумаги пальцем. — После углубленной проработки в ГУНО стало ясным, что альпийские части противника пытаются осуществить прорыв через северный фасад со двора. Их задача — ваша спальня, окна которой

слабо защищены простыми шторами из пластмассовых пластинок. Если противник сможет закрепиться в этой комнате, ситуация станет угрожающей, ибо он займет прочные позиции позади вашего массивного шкафа «Конфорам», вашей кровати «160», ваших двух кресел «Вандербильт», вашего комода «Амикооп»...

Ладонь офицера проносится по чертежу с севера на юг, как будто совершает молниеносный прорыв, наступление Аттилы, исторический блицкриг, ночное вторжение сумгуль орд.

— Укрепившись на захваченных позициях, противник получает возможность продвигаться по вашей квартире с главным направлением удара в сторону плохо защищенного коридора, большие пожароопасные бульвар Османа и делящего на две части ваш лишенный обороны фронт. Что вам следует делать, чтобы сдержать натиск? Думайте! (его ладонь сжимается, превращаясь в кулак, ощипывающийся жесткими фалангами и с силой опускающийся в самый центр синьки — во все стороны разбегаются складки, словно трещины от воронки, образовавшейся после падения тяжелой бомбы)... Считайте, что между провалом двора и верхней частью дома ваша квартира служит укрепленной Вобана, Китайской стеной, Атлантическим валом. Вам следует держаться, старшина Гуло! Во что бы то ни стало, даже до высшей жертвы, если понадобится!

Последняя фраза капитана прогремела в бархатной тишине гостиной, как сотни органических труб под сводами собора. Я чувствую, как вздрамывает моя грудь, как напрягаются мышцы. Я устал, это так. Я изможден, высохан, вымотан. Геморрой терзает меня изнутри, изва ждал желудка, артрит пилит мой левый локоть, не оставляя меня в покое, привычная простуда конца недели першит в гортань, глаза колет от того, что я слишком долго дышал выхлопными газами, а черепушка чешется там, где опасные листья перхоти собираются вокруг поредевших деревьев моих волос...

Но я никогда не уклонялся от исполнения своего долга. Я, Роже Гуло, сорока пяти лет, страхгент первого класса в «Сезарьени» (созданный Жюлем Ламперером в 1901 году), честный супруг, честный отец, я, Роже Гуло, сержант-резервист дивизии Девиз-Голгофы, не срейфалю перед наступающими событиями.

Удержат позиции? Я их удержу!

Но я кое-что слышу: напротив меня, за закрытой дверью нашей супружеской спальни, раздаются новые шумы. Это уже не настойчивое шкрябанье, которое настрожило меня несколько ранее. Это — серия глухих несильных ударов, словно молоток вгоняет гвоздь в сырое дерево, словно пестик дробит сою в керамической ступке, словно пятки пляшут на оливах в чане масляной мельницы. Сомнений нет, враг уже там. Враг там, на стенах здания, он карабкается, карабкается, как отвратительный зверек, оставляющий гноиные аллергические следы на шкуре дома, вошка, тянущая за собой на своем вертикальном пути золотуху, герпес, желтуху.

Капитан склоняет голову. Он понял, что я знаю, он знает, что я усмалал.

— Вам ясно, что пора разрабатывать диспозицию и занимать позиции, — говорит он мне. — Но вначале я должен закончить кое-какие формальности. Разрешите?

Властно (это в нем есть, в говнюке) он садится посреди комнаты перед низким овальным столиком, который я называю аперитивным столиком и вокруг которого стоят надувные кресла. То, на которое он уселся, я вижу это, проседает под его массой. Я подхожу к нему, когда он уже достал из кожаного планшетки, висящего у него на поясе, пачку синек и раскладывает их на столике. Тоже чертежи квартиры, но они без всяких пометок — его грабля указывает на них.

— Каждый час вы будете наносить на эти карты детали операций...

Я утвердительно киваю. Затем он достает бланк с шапкой Министерства Городской войны: приказ о моей мобилизации — я должен на нем расписаться, что я и делаю табельной шариковой ручкой, которую он протягивает мне. Наконец из его сумки вываливается последняя пачка документов — шесть бежевых пакетов, на каждом из которых написано имя одного члена семьи и стоит штамп *секретно*.

— Ваши личные назначения... — шепчет мне капитан.

И именно в этот серьезнейший момент (который соответствует тому моменту, когда я вручаю своему новому клиенту новехонкий полис) за спиной матери, брата и сестры возникает Фурмий, моя старшая дочь, из разверстой пасти которой вырывается:

— Что за похоронное собрание? Когда жрать будем?

Мелани и я одновременно восклицаем, сообщая ей важную новость.

— Фурмий! Ну что ты? Война!

Фурмий — крупная девица лет двадцати, толстогуздая и толстозадая, с рыжими от хны волосами; она занимается политической слева, имеет любовников, работает по воспитанию умственно отсталых детишек. Среди четырех моих отпрысков она менее всего похожа на меня.

Но Фурмий уже заметила, что совершила ошибку, ее крупный влажный рот складывается в улыбку, ее выкрашенные синей тушью веки опускаются на сине-зеленые глаза, она извивается в своих слишком тугих джинсах и исчезает в глубине коридора.

Капитан, совсем комифло, даже не шелохнувшись, не прокомментировал появление Фурмий. И все же в воздухе реет едва заметное смущение, и, чтобы оно окончательно не ступило, я предлагаю офицеру аперитив. Он соглашается. Что он выпьет? Мелани направляется к бару, встроенному в электропроектирователь, возвращается с бутылками, наливает португальскому капитану, мне с палец виски, с ноготъ вермута себе. Мы чокаемся, капитан расслабляется, он — сплошная улыбка, его клыки выглядывают из-под усов, как осколки стекла из соломки.

— За войну! — со смехом восклицает он.

— За войну!

Я поддакиваю ему без всякого смущения. В страховании привыкаешь ко всему подходить с хорошей стороны, переламывать недобрую фортуну добрым сердцем. И именно в это наиболее живительное мгновение (после подписания контракта мы тоже зачастую поднимаем тост) в коридоре слышится грохот подкованных буги, и последний представитель семейства ураганом врывается в гостиную с воплем:

— Семейный сбор, что ли! С голодухи умираю! Когда будем жрать?

Фердинану семнадцать. Он студент первого курса юрфака. Из всей четверки он больше всего похож на меня, и я вижу, что это сходство будет увеличиваться с годами, несмотря на его манеры и речь — временное проявление его возраста. И все же Мелани и я одновременно восклицаем:

— Фердинан! Ну что ты! Война, малыш...

Малыш, который перерос меня на полгодовы, злобно дергает подбородком и сжимает кулаки.

— Опять? — цедит он, окидывая косым взглядом невозмутимого капитана. — Последняя была три месяца назад!

Он преувеличивает. Полгода, будет точнее. Но поскольку он уже вылетел из комнаты на своих жердах, обтянутых велюром, я не стал его поправлять. К тому же капитан встал, протянул мне руку (не как подчиненному, а как... Другу, да-да, другу), я взял ее и пожал, а затем проводил его до двери — он шел по коридору, грохая подкованными сапогами.

— Дети... — начал я. Но он жестом остановил меня.

— Молодежь должна перебеситься, — снисходительно сказал капитан.

— Если камень катится, на него мох не садится, — добавил я, когда он переступал порог.

— Один бездельник лучше, чем двое убийц, — ухмыльнулся он и захопнул за собой дверь.

— Вкусный десерт лучше скорлупы, чем напрасно сгноить, — говорю я в пустоту. И чувствую, как рука жены ложится в мою, а ее заплаканное лицо утыкается мне в плечо. Время великих фраз закончено. К делу! Как в свое время сказал один великий генерал. Я снимаю со стены рожок, который еженедельно надравивает наша арабская прислуга, и играю общий сбор.

4

Теперь я вернулся в гостиную. Теперь все они собрались вокруг меня: Мелани, моя жена, само достоинство и спокойствие в своем синем повседневном платье, с серебряными нитями в волосах, похожими на крохотные галуны; Клок, мой младшенький, который нервно закручивает в кольцах свои девчоночьи волосы; Галеа, моя младшенькая, в которой ловкая женщина уже проклеивается сквозь неловкого подростка; Фердинан, старший сын, чей лоб морщится от сосредоточенности; Фурмий, старшая, бросающая на меня злые, презрительные, ироничные взгляды.

Я вскрываю первый пакет — на нем написано мое имя — и читаю:

Старшина Розе Гуло.

Назначение: подвижный пост в коридоре.

Задача: управление и координация операциями контрастаплиния; тактическая поддержка первой линии.

Я киваю, знакомою всех с приказом, вскрываю второй пакет с именем моей супруги.

Старшая капталыня Мелани Гуло.

Назначение: кухни.

(Я обращаю особое внимание на и — высокий стиль!)

Задача: изготовление боеприпасов, ремонт оружия, различные тыловые работы.

Я обмениваюсь кивками с Мелани, уже приквашей к этим задачам, и вскрываю третий пакет.

Капитал Фердинанд Гуло.

Назначение: коридор, вторая линия обороны.

Задача: заградительный огонь артиллерии, минирование.

Домовой солдат Клок Гуло.

Назначение: гостиная, первая линия обороны.

Задача: изнурение авангарда противника.

Пятый...

Домовая солдатка Фурмий Гуло.

Назначение: собственная комната.

Задача: нервная разрядка боевого состава.

Я усмехаюсь (единственное, на что способна Фурмий) и вскрываю шестой пакет.

Домовая солдатка Галеа Гуло.

Назначение: ванная.

Задача: санитарка.

Итак, все в норме, и я могу лишь в душе похвалить эффективность высшего командования, которое всегда умеет разместить right man (или right woman) in the right place. Конечно, назначение моего младшенького немного огорчает меня: первая линия обороны означает, что Клоку придется принять на себя атаки противника и получить дырку в шкуре, если понадобится. Ну и что! На войне как на войне...

— Вопросы есть? — спрашиваю я, глядя прямо в глаза каждому из своих подчиненных.

— Мам, а не пожрать ли нам перед началом? — спрашивает Фердинанд.

— Ты дурач, что ли! — вставляет Клок, прежде чем я успею открыть рот. — Разве можно воевать с полным брюхом, плохо будет, если продырявят кишки...

— Вы получите свои боевые пайки до полудня, — тихим голосом разякает Мелани.

— Восемь часов, время новостей, — бросает Фурмий. — Может, есть смысл послушать и узнать на всякий случай, обвалился ли подарочек только нам или всему кварталу...

Она начинает меня раздражать. Еще немного, и она заявит, что отправляется в Центр Помпиду на выставку сюрреалистов в то время, как отец с матерью останутся под пулями. Я все же заявляю ей по возможности ровным тоном:

— Фурмий, мне не следовало бы тебе повторять, что с момента объявления войны мы имеем право только на новости, исходящие от генеральной ставки. Поэтому будь добра поступать так, как и остальные члены семьи — отправляйся на свой пост, приведи себя в боевую готовность и исполняй долг...

К моему величайшему удивлению, она не возражает. И удаляется вслед за своими братьями и сестрой. Остается только Мелани, она порывисто бросается ко мне, прижимается и обнимает меня. Я ощущаю ее круглый живот своим животом, а ее мягкие груди распластываются на моей груди. Ее рот присасывается к моему — мы обмениваемся долгим поцелуем, от которого у меня в душе все переворачивается. Нам не нужны слова, чтобы выразить привязанность друг к другу, спявшую нас семейную солидарность. Перед врагами, перед противником мы выступаем как две руки одного тела, как два желудочка одного сердца.

— Теперь иди, — шепчу я ей на ухо.

И она уходит, а по ту сторону двери раздаются голоса. Шелкают сухие приказы, резкие и хриплые, приказы отдаются на иностранном языке. И топот ног. Беготня, шум передвигаемой мебели и вылетающих из пола паркетин — там роют траншеи. Я быстро бегу в коридор.

5

Стенной шкаф, где в мирное время хранятся боевое обмундирование и припасы, находится в самой глубине коридора рядом с входной дверью. Там же стоят металы, порошки, гутаин, обувные аксессуары и прочие хозяйственные принадлежности. Когда я оказываюсь у шкафа, металы валяются на полу, и я, конечно, спотыкаюсь. Согласен, война, но можно же навести хоть какой порядок! Но я не делаю никаких замечаний: еще придет время показать свою власть, когда начнутся настоящие бои.

Поскольку я последний, то должен переждать сутолоку, иначе не добраться до своих вещей. Вешалка, на которой висит мой боевой комбинезон, упала, и моя прекрасная форма валяется на старой обуви. Я поднимаю ее и натягиваю поверх выходной белой рубашки. Она пахнет чистотой, ее хорошо отчистили после последней войны, а Мелани заштопала дырку на правом рукаве от поганого осколка снаряда. В карманах катаются пористые шарики — нафталин, — я вынимаю их и складываю на полку. Когда я затягиваю пояс, то замечаю, что едва могу застегнуться на крайнюю дырочку! Боже! Надо все же заняться физкультурой, хотя бы час в день тратить на бег или полчас каждое утро, в крайнем случае, по воскресеньям перед началом рабочей недели. После войны, падлой буду, не забуду. Я не считаю нужным снимать брошки, ткань на них прочная и выдержит военную кампанию, а потому натягиваю поверх сияющие сапоги, которые еженедельно надраивает Мелани. Затем вооружаю на башку легкую-тяжелую каску (ну и весит же она!) и затягиваю ремешок под подбородком. Затем извлекаю из шкафа рюкзаки, я едва отыскал его под старыми половыми тряпками, застегиваю ремни. Какая тяжесть эта штуковина! Меня это каждый раз удивляет. Интересно, что в нем лежит — бидончики, котелки, горные ботинки, складные лопата и кирка, шерстяная шапочка-шлем на случай зимы, рукавицы, пилотка, фуражка, портянки? Черт его знает. Мне ни разу не довелось проверить. Но рюкзаки являются частью табельного боевого снаряжения, и я должен его таскать без жалоб. Всегда может явиться инспекция, и в случае отступления от устава полагаются весомые санкции — 500 или 1000 франков штрафа, либо понижение в звании (по-моему, говорят именно так?), или, если служишь (ха-ха! служишь) мразь, то могут и выставить из дома, такие случаи мне известны. Наконец я застегиваю портупею накрест через грудь, а она весит прилично со своими пулями с медными наконечниками. Беру свой кинжал командос, проверяю, легко ли он скользит в ножнах и хорошо ли заточено лезвие (я знаю, что Мелани носила его к точильщику две недели назад, после того, как посадила на нем зубурину, нарезая окорок на годовщину добычи Фемистокла), и вешаю его на пояс. Добавляю фляжку, аптечку первой помощи, пустую кобурку

револьвера, который отдал в ремонт три дня назад, поскольку блок воспользовался им как молотком и попортил ствол и мушку, а сделать обещали на будущей неделе. Жаль — это прекрасное оружие: шестизарядный «Смит и Вессон» 1953 года, калибр 9 мм. Тем хуже. На случай ближнего боя у меня есть гранаты... Чертовщина! Где же эти пакостные гранаты? Я же помню, что уложил их в эту пустую коробку из-под обуви. Их нет. Там? Тоже нет. Тут? И тут нет. Бардак, где же гранаты? Я уже готов крикнуть Мелани, когда наконец нахожу их в сапогах для верховой езды мадемуазель Фурми. Это что, проделки дорогого чада, которое не нашло ничего лучше, чтобы придать форму своим говнодавам? Или виновата мадам Зерби? Я выясню это. Остается последний предмет моего обмундирования, мой полуавтоматический карабин «Гарант», который я разбираю, смазываю и собираю каждое воскресное утро и в погоду, и в непогоду. Прекрасное оружие, доказавшее свое превосходство на Гуадалканале. Американское, но все же прекрасное, не будем шовинистами. Я щелкаю затвором, который скользит с легкостью поршня в цилиндре «Феррари». В стволе уже сидит первая круглоголовая пуля, ждущая удара ударника. Я закрываю затвор, снимаю предохранитель. Прекрасная механическая штука! И так, я полностью готов. Полностью? Нет. Обернувшись, замечаю две последних принадлежности, лениво болтающихся на верхних крючках вешалки между шарфами и зимними пальто — бинокль, необходимый для точного определения занятых противником позиций, и радиотелефон, необходимый для связи со своими подразделениями. Перекидываю их ремешки через голову (с большими трудностями из-за поганой каски) и бросаюсь в коридор...

И все же на мгновение — точно, на мгновение — застываю перед настенным зеркалом, чтобы оценить, как я выгляжу в боевой форме. Неплохо! Даже совсем неплохо! Конечно, брюхо висит над поясом (см. бер), а каска то и дело сползает на глаза, но во всем остальном совершенно военный вид. Черт возьми, солдат и выглядит иначе, чем страхового агента! Я наливаюсь гордостью. А ведь еще час назад я подыхал от усталости. Зато теперь могу влезть на Эверест, не вынимая рук из карманов; я на пуантах обойду всю Францию; я переплыву Атлантику, шевеля всего одним мизинцем. Запах винки придает сил мужчине. Они еще увидят, эти негодяи, как я их разделаю!

Я подмигиваю себе, тут же получаю ответ и пускаюсь в путь на фронт, как вдруг ощущаю катастрофу — одна деталь вдруг бросается мне в глаза: *я все еще ношу старые галуны старшего сержанта!* Вот они, на моем левом рукаве... Три сопли, которые я терпел без ропота несколько лет. Но разве я могу идти в бой, отмеченный знаками различия низшего, чем у меня, чина.

— Мелани! — кричу я, бегом врываясь в кухню.

Моя супруга на боевом посту, сарделька в своем комбинезоне, требующем перелицовки, но по-прежнему достойная и очаровательная. Я сразу замечаю, что она привинула стол к стене и уже приспособляет стиральную машину к выпуску снарядов. На столе кухонный комбайн «Мулинекс» и электрокофеварка «Калор» уже превращены в пулемобайн и гранатосборку. Мелани не теряет

времени даром. Родная моя! Я также заметил, что она извлекла из духовки (подготовленной для сварки осколочных мин) жаркое, любовно приготовленное для вечернего ужина, но которое, увы! нам не придется отведать. Родная моя Мелани!

Она уже волнуется, осведомляется о причине моего вторжения. Я разъяряюсь недоразумение в трех словах.

— Не волнуйся, дорогой, сейчас все сделаем, — произносит она, ласково улыбаясь мне, отчего ремешок тяжелой каски взрывается ей в сонную артерию. Она мгновенно срезала ножицами устаревшие галуны; затем схватила две пустые гильзы, сунула их под пресс, получила две плоские полоски, перетянула их посередине окрашенной конопелью ниткой. Славная, славная, славная Мелани! Вот у меня и есть галуны старшины, которые она сама и приспособила на мои погоны.

И я снова на пути к фронту, откуда до меня доносится смешанный с нервными автомобильными гудками с улицы Сантонж раскатистый грохот артподготовки — снаряды, кажется, крушат посуду, стекло, керамику. Кто ведет огонь? Противник? Наши? Надо поспешить. По дороге я все же осматриваю наши позиции: Фурми на своем месте, лежит на постели; она скинула джинсы, белый треугольничек трусиков на ее загорелых бедрах сразу привлекает взгляд — они словно путеводный знак; но она даже не глянула в мою сторону — курит и читает журнал «Ф-Магазин». В ванной Галеа освободила туалетную полочку от гребенок и духов и расставила пузрыльки с йодом, с морфием и прочими лекарствами первой необходимости; гладильная доска уже лежит поперек ванны — походный операционный стол готов. У широко распахнутых двустворчатых стеклянных дверей гостиной занял позицию Фердинан, перед ним противотанковые ракеты, гаубица 45-го калибра и полевая пушка 88-го калибра.

Я подмигиваю ему, прошу подготовиться к заградительному огню по моей команде и, согнувшись под тяжестью обмундирования, смело проникаю в комнату, которая сотрется под взрывами вражеских снарядов. Ибо противник начал сражение, а теперь ведет артиллерийский огонь на изнурение. Дым от взрывов, затянувший гостиную, сокращает расстояния. Я глотаю дым и начинаю кашлять. Над моей головой раздается характерный свист. Я едва успеваю залечь позади розового канапе в стиле ампира, которое Мелани (сумасшествие) купила в честь моей последней годовщины, и снаряд, снаряд большого калибра, взрывается позади меня — со звоном валится разбитая посуда. Несколько осколков пролетают мимо меня и вонзаются прямо в буфет. Гадь!

Я сразу попадаю в самую гущу битвы.

6

Который час? Четверть девятого. Сполочни, похоже, атаковали ровно в восемь, пока я заканчивала последнюю подготовку. Эти бои не потеряли времени зря. Прижав бинокль к глазам, я пытаюсь сквозь просветы в дыму определить положение. Эти русаки неплохо потрудились! Цельная дверь, отделявшая гостиную от нашей спальни (вначале была одна огромная комната, которую мы разделили надвое), превратилась в лохмотья, болтаю-

щипсе от каждой взрывной волны. Стена в нескольких местах буквально усеяна дырами (мои чудные обои с цветочным рисунком!), образовавшими ряд бойниц, в которых торчат страшные стволы пушек 92-го калибра и спаренных пулеметов калибра 12,7 мм. Эти китайцы порабатали руками воюю! Артиллерийский заградочный буквально перерезал комнату надвое и надвое разрезал мой ковер из длинноворсовой козьей шерсти — теперь это две обугленные змейки, упрятавшиеся в провалы паркета. А среди осколков, устилающих пол, я узнаю остатки великоленной вазы эпохи Мин, которую моя мать приобрела на выставке в «Самаритенках» — десять или двенадцать почерневших обломков. Ох, уж эти арабы, не очень-то любовно они относятся к культуре!

Я исхожу слюной от злости, когда впереди раздается треск очередей из ручного пулемета. Ориентируясь на грохот, я вижу Клока, который удерживает первую линию обороны между продырявленными пластиковыми пуфами и опрокинутым столиком для аперитивов. Но кто же стреляет? Я хотел было обратиться к нему по радио, но вдруг заметил как бы плавящиеся в дыму нереальные силуэты в касках — они продвигаются вперед, в районе книжных полок начался пожар (о мои «Плеяды!») — над ними вздымается розовый ореол цвета настоящей семги. Когда поэты уязвлены в самое уязвимое место, они воспевают жаркую красоту боя...

Но довольно художественных воений: наши позиции могут быть обойдены, мой младшенький попадет в окружение, в плен, в концлагерь. Я целюсь в один из розовых силуэтов, стреляю, один силуэт падает, покачнувшись. Еще один! И еще один! Я еще не потерял верную руку и острый глаз. Боши отступают и скрываются позади холма из радиокомбайна и шкафика для пластинок. Три китайцы на ковре (если так можно сказать); эти туземцы научатся уважать меня. Правда, завтра разворчитс мамаша Зерби, когда ей придется заняться уборкой: она ужасно не любит выметать трупы, опять придется давать ей на чай.

За каковой-то первой наступления последовало затишье. Но война и состоит из этого: стана коротких перестрелок и долгих затиший, которые больше всего и действуют на нервы. Что они готовят, эти тевтонцы? Я уже знаю, ядрена вошь! Из нашей спальни доносится характерный ляг, он нарастает, заполняет все звуковое пространство гостиной раздражающим звоном наполненных маслом резервуаров и стрекотом ржавых вязальных спиц — танки! Это — танки... И тут же из красного полушарика (я, естественно, потушил весь свет во фронтальных комнатах) высовывается тупое рыло с длинной пушкой 88-го калибра первого танка, который выползает из моей спальни, выломав кусок стены. Уверен, два моих стеклянных комодика XVIII века в привете! Но времени на сожаление не остается! Позади первого танка (который, покачиваясь, додавливает остатки радиокомбайна за 12 000 франков), появляется второй, третий, четвертый... Они пошли ва-банк, эти крысы! Я вызываю с помощью радиотелефона Клока и приказываю ему дунить по гусеницам этих гадов с помощью противотанковых ракет... В красном зареве догорающей библиотеки (все Гонкурские премии с 1945 года, переплетенные в шкуру зебу, превратились в прах) вспи-

хивают мигающие огоньки от танковых пулеметов, и пули 11-го калибра разлетаются по комнате, срезая углы еще стоящей на ножках мебели, сбивая гипсовые украшения с потолка, разбивая несколько оконных стекол... Проклятые мешки с дерьмом! Надо было закрыть ставни... Но вот первый танк вылезает на позицию Клока. Что он театлит! Скорее... я посылаю приказ Фердинану открыть заградительный огонь... Он отвечает, что понял. И тут начинается! Рываюк все стволы одновременно — снаряды и ракеты с полым зарядом свистят над моей головой... Как он дупит, малыш!.. Первый танк вспыхивает... А где же мой младшенький?.. Если только... но нет! Я вижу, как он выбирается из-под обломков столика и пуфиков, добегают до меня, стреляя на ходу назад, и утыкается мне в бок. Ранен? Несколько царапин — кровь стекает по его юношеским прыщам. И тут я не стесняюсь, чтобы обругать его. Чем ты занимался, идиотина? Чтобы эти воши сели тебе на спину, чтобы ты их мог передать?.. Он просит меня заткнуться, его гранатомет заело, в нем было мало старого засохшего пюре. «Старого засохшего пюре?» — удивленно переспрашиваю я... Но времени на рассуждения нет, на войне всегда не хватает времени, два увешанных танка несутся на нас, а за ними целая свора пехотинцев, не менее роты, они бегут плотной кучей и дупят из автоматов по куче. А поскольку куча — это я с Клоком, мы отвечаем одиночными выстрелами и не впускаем! Дополнительная работа для мадам Зерби! А вот и третий танк вылезал свои внутренности после попадания снаряда Фердинана...

7

Двойная дверь гостиной превратилась в пламенную пасть, которая гримасничает в полумраке, смякая и размакывая польхасные губы. В коридор китайскими тенями впрыгивают солдаты и прижимаются к стенам, поливая поле боя пулями из автоматического оружия и бросая осколочные гранаты. С потолка сыплется гипс, стены покрываются шрамами — видна даже иссеченная плоть кирпичей. Я прычусь позади пробитого радиатора. Я удручен. Обошл! Нас обошл!.. Я так надеялся на своих ребят! За это с меня можно сорвать и новенькие галуны! Надо действовать. Я вызываю Клока и Фердинана по радиотелефону. Первый занял оборону в комнате Гаеа, слева по коридору, а Фердинан отвел свои орудия в комнату напротив, которую делит с Клоком.

— Перекрестный огонь! Перекрестный огонь! — ору я.

Мне трудно оценить, сколько утекло минут, долгих, как часы... Приглушенный рев тяжелых орудий, раздражающий треск автоматического оружия, сухие разрывы гранат, стоны раненых, хрипы умирающих... А! Пуля рикшетом выбивает мне три коренных зуба. Но боль не в счет — надо держаться. Клок сообщает, что ему оторвало гранатой левую руку. Не в счет — надо держаться! Фердинан попал в бедро осколком. Не в счет. Надо держаться! И мы держимся *И мы выдержали!*

Настоящее чудо. А вернее, результат разрабатанной мною тактики, которую без огрехов применила наша спянная команда, мои малыши и я. Это результат нашего упорства и, скажем, нашего мужества. Во всяком случае, враг не про-

шел. Сволочи отступили, заняли позиции, оставив на поле боя — у самого входа в гостиную — десятки трупов (мадам Зерби!). В плотной темноте, царящей в этой части квартиры, слышится скрежет тяжелых предметов, которые тянут или толкают, грохочут молотки, доносятся приказы на иностранном языке. Фрицы строят крепость из остатков мебели гостиной. Но нам удастся выбить их оттуда, мы отгоним их до края квартиры, мы одержим окончательную победу!

Я воспользовался передышкой и забежал в ванную, чтобы Галеа подлечила мне челюсть. Она осматривает меня, сообщает, что выдох у меня еще тот (не сомневаюсь), вырывает остатки коренного зуба с помощью щипчиков для бровей, прижигает рану зажигалкой для сигар, накладывает повязку из мастики, пропитанной морфием. Десять часов уже пробило, и я запоняю две первые синьки с планом операций, возвращаюсь на позицию, занимаю оборону и приказываю Клоку отправиться на лечение руки. Он убегает и через полчаса возвращается с великолепным подвижным протезом, который Галеа (ну и умелица) соорудила из растяжной части сушилки для белья и пружин ее щипцов для завивки.

8

Теперь назад отошли мы, то есть укрылись в прочном и хорошо обороняемом тупичке маленького поперечного коридорчика рядом с сортиром и кухне с одной стороны и ванной, вернее медпунктом — с другой.

Я кашляю и плачу, Клок кашляет и плачет, а тяжелые и малоподвижные облака отравляющих газов, вероятно, едкой горчицы, расползаются по всей квартире.

— Мелани! Окна! — едва нахожу я в себе силы крикнуть, и мы с Клоком падаем на пол у дверей медпункта, где Фердинан заканчивал сборку полевой мортиры (орудия передовой линии пришлось временно оставить) из сливных труб умывальника.

— Где Галеа? — прошептала я между приступами кашля.

— Отдых воителя, — коротко ответил Фердинан, устанавливая свое орудие в боевое положение. И заорал:

— Снаряды!

Мелани тут же появилась с охапкой шишковатых снарядов, явно сооруженных из наших тефлоновых кастрюль. Но на войне как на войне! И славный малый, не обращая внимания на недостаток воздуха, начал дупить по входу в коридор, через который пытаются просочиться гротескные силуэты в противогазах. Наконец появляется Галеа в юбке задом наперед, с помятым и мокрым личиком. Красный крест защитил ее от насилия смугляков. Она наклоняется над нами, прижимает к нашим носам тампоны (мне кажется, это ее прокладки), пропитанные щавелевой водой, затем прочитывает нам глаза «Биотермом», кремом от морщин. Уф! Стало полегче — сквозняк, устроенный Мелани, выгнал большую часть вражеских отравляющих газов.

Мы можем возобновить бой, закрепившись бок о бок позади ванны. Но я не могу не сдержаться, чтобы не шепнуть Галеа, которая превращает свой швейный набор в набор первой помощи:

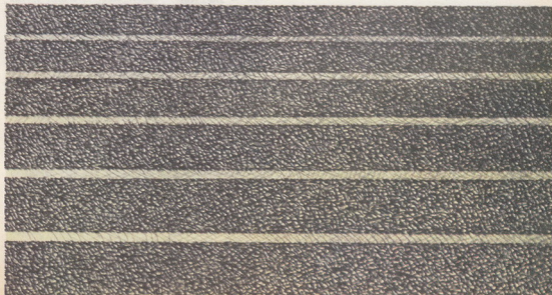
— Могла бы и побыстрей!

— Мы, женщины... — начинает она.

Но на ванную обрушивается ураган огня, и из двадцати дырок в подогревателе начинает хлестать вода. Зная трудности, можно позаботиться и о слесаре! У меня нет времени рассуждать с Галеа, на удар надо отвечать ударом. Битва длится уже долго, исход ее неясен. Мелани из кухни сообщает, что не знает, из чего вертеть снаряды, в доме осталось всего одна кастрюля и сковорода. Я велю ей переплавлять вилки, ножки табурета, миксер, дуршлаг. На войне как на войне! И если понадобится, то в рукопашном бою отгоним эту гниль к концу коридора, до спальни, на улицу! Я чувствую яростный настрой, надеваю кинжал командос на карабин и кричу:

— Примкнуть штыки! Вперееееееед!

И, высочив из-за обломков ванны, мы втроем бросаемся на вражеских пехотинцев в противо-

газах, а те, удивленные нашей яростной атакой и нашими криками, в беспорядке отступают, неловко пытаются отбиться от наших штыков.

Я протыкаю одного — он извивается на моем лезвии, как дождевой червь, перебитый надвое киркой (черт подери, кровь из его раны залила мои гражданские брюки), но тут начинает звонить телефон.

9

— Мелани! Ответь! Телефон! — кричу я, оппихивая ногой изломанный труп боша.

На меня нападает еще один негр, я ему вскрываю брюхо. Ну вонюча от его кишков. Не могу сбегать в сортир, гад? А телефон звонит по-прежнему. Мелани, наверное, совсем затыркалась. Приходится идти мне.

— Продолжайте, ребята, без меня!

И бегу в конец коридора. Телефон стоит рядом с входной дверью. Я снимаю трубку.

— Алло?

— Господин Гуло? — Из трубки доносится грубый голос, пытающийся сохранить любезный тон.

— Я самый. С кем имею удовольствие?..

— Удовольствие вы, может, и получаете, папенька... — ревет голос, перестав соблюдать вежливость, — но не очень-то думаете об удовольствиях соседей...

Теперь я узнаю голос — голос соседа снизу, Леона Глухаря, старого мудака на пенсии, который ворчит всегда и на всех.

— Послушайте, господин Глухарь...

— Никаких «послушайте!» Вы знаете, который час?

— Э... — мычу я, пытаюсь глянуть на наручные часы. — Уже за полночь?..

— Ноль часов двадцать четыре минуты! И вы устраиваете шум в такое время? Вы знаете, что это продолжается уже несколько часов? Вы совершенно не заботитесь о сне честных людей, господин Гуло! Честные люди, настоящие французы, уже спят в полпервого ночи, господин Гуло! И не устраивают гулянок...

— Гулянки! Ну это уж слишком, — я возмущен и заявляю ему напрямик, — господин Глухарь, некогда вы защищали наши колонии! Могут вам сообщить, что у нас в полном разгаре война! Мы не развлекаемся, господин Глухарь! Мы сражаемся за правое дело — за дело всех жителей нашего дома. Вы должны были бы...

— Татата! — обрывает он меня с руганью. — Война! И вы еще говорите о войне! Развлекалки! Я в свое время...

Больше я не стерпел. Я обрываю разговор без извинений и возвращаюсь на фронт. Руконашная завершилась, мы закрепились друг против друга: противник по-прежнему прычется позади баррикады из обломков всей мебели гостиной, но я вижу, что он продвинулся на несколько метров и окончательно перекрыл доступ в комнаты Галеа и Фердинана; с нашей стороны Фердинан и Клок роют траншею посреди коридора сразу после отвлечения к медпункту. Работа трудная, мои ребята взломали плиты, а теперь вскалывают с помощью щипцов для льда и лопаточкой для тортов, пытаясь углубиться в кладку между двумя этажами. Я присоединяюсь к ним и сырным ножом

выскребываю гравий из цемента, как орешки из мондмарской нуги.

Наконец после более чем часа упорных трудов мы можем усесться на корточках в траншее, откуда торчат лишь запыленные верхушки наших касок. Противник не двинулся с места. Над полем боя висит многотонная тишина, которая взрывается либо великими победами, либо страшными поражениями. Воздух наполнен дымом, воняющим свинцом, ипритом, окисью углерода, серой, подгоревшими блинами — Мелани полком доставила нам полевой рацион, мы одними губами жуем блины (отравительные), окуная в дрянное итальянское вино. Все мы спрашиваем себя: что нам готовят эти макаки? С вражеской позиции, из-за мрачного блока, из которого торчат ножки светильников и сломанных стульев, каждые четверть часа взлетает фиолетово-красная осветительная ракета, взрывающаяся к темному небу коридора и медленно оседающая, вроде светлячка, тонущего в луже грязного масла. На мгновение тишину разрывает звонкий голос — Фурми в своей комнате поет «Алиди Марлен».

Но что это за глупые повторяющиеся удары рывають эту ночь ожидания? Я не могу никак уточнить их природы и смысла. «Морзянка?» — намекает Фердинан. «Термиты?» — спрашивает Клок. «Польтергейст?» — добавляет Фердинан. Я напряженно прислушиваюсь — по абу течет пот, в висках стучит. Шум прекратился, время словно зависло. И с запозданием у меня в голове щелкает.

— Они сделали подкоп под наши позиции! Они заложили мины! Все взорвется! Назад!

Но я опоздал на целую вечность.

Едва я выкрикнул слово «Тревога», как пол под нашими ногами взлетел вверх. Меня словно сдуло порывом ветра. Странно, но уши мои ничего не слышат. Я оглох и, конечно, ослеп, ибо перед моими широко открытыми глазами сплошная чернильная тьма. От удара мое тело припилилось к доске с бутылочными осколками, тысячами лезвий вонзившимися в мою кожу. Боль терзает меня со всех сторон одновременно. Особенно в области груди, слеза, где злые челюсти вьются в мою плоть. Горячая и липкая жидкость стекает между пальцами. Меня здорово задело, сомнений в этом нет. Уплатил ли я взносы в соцстрах? А этот гад, доктор Менар, в отпуске... Я уже не в силах ясно мыслить. Мне кажется, что истерзанное болью мое тело развалится надвое. Я сжимаю зубы, чтобы не завопить. Но боль сильнее. Мой рот раскрывается, и из него вырывается вопль. Я воплю, пока смерть не обнимает меня своими ледяными руками.

10

Я открываю глаза. Меня окружают неясные тени. Я лежу на ложе из роз, с веток которых забыли срезать шипы. Может, я уже в раю воителей? Но нет... Зрение проясняется, тени высвечиваются, я узнаю, глядя снизу, свою жену и обеих дочерей. И я лежу не на ложе из роз, хотя шипы по-прежнему вгрызаются в мою плоть, а на операционном столе в медпункте. К моей левой руке подоседала капельница изготовленная из пластмассовой бутылки из-под растительного масла «Лезье», наполненная красной жидкостью с

запахом уксуса. На грудь наложена толстая повязка вся в красных потеках. Я с трудом дышу, в мои бока все также вливаются острые зубы. Далекие нервные очереди ручных пулеметов подчеркивают звуковую вязь продолжающегося боя, которую нарушают взрывы гранат и снарядов.

— Что случилось?

— Эти простые слова, с трудом вырвавшиеся из глотки, вызывают продолжительный приступ кашля; кусание челюсти в грудной клетке становится вдвое злее.

— Ты был тяжело ранен во время взрыва мин... — усталое лицо Мелани склоняется надо мной. — Клок и Фердинан выкрутились — первый с вывихнутым бедром, а второму оторвало ухо. У нас выбили из траншеи, потерял весь коридор. У нас остались только ванная, сортир и кухня. Наши сыновья держат оборону совсем рядом. Они укрылись за электропитой, которую подтащили ко входу в кухню. Но мне больше не из чего готовить боеприпасы. Думаю, что мы проиграли эту партию...

— Ничего не потеряно, пока не потеряна честь, — выдавливаю я из себя, и меня снова пронзает боль. Я спрашиваю, повернувшись к Гаеа: — А каково мое состояние?

— Кроме многочисленных осколочных ранений средней тяжести, ты получил три дюйма чугуна в левое легкое. Четыре миллиметра ниже, и твоему насосу конец. Тебе повезло. Ты потерял литра три крови, но мне удалось остановить кровотечение, заткнув дыру быстрохватывающейся рыбьей мукой. И, как смогла, зашила тебя леской. Через пару часов встанешь на ноги.

— Через два часа! — я нахожу в себе силы воскликнуть. — Ты хочешь сказать, через пару минут. А вообще, который час?

— Четверть шестого, — говорит Мелани, кивая головой в сторону открытого окошка ванной, где над крышами начинает занимать бледная заря.

Выернув шею, чтобы разглядеть зарю, которая несет победу либо поражение, я встречаюсь глазами с Фурний, которая стоит чуть в стороне от моего ложа страстей.

— А ты что тут делаешь? Ты что, не можешь оставаться на своем посту?..

— Ты что, не петришь? Маман же тебе объяснила, что мы потеряли почти всю квартиру... И мне пришлось выдержать натиск этих гадов. Меня изнасиловали пятьдесят три раза. Я, конечно, не жажду, но я переполнена...

Она отворачивается, держа раскрытую ладонь на животе. Вульгарность этой девицы поражает меня постоянно. После войны придется с ней серьезно поговорить с глазу на глаз. А пока есть и другие дела. Превозмогая боль, я привстаю, спуская ноги на пол, хватаю карабин, прислоненный к гладильной доске, на которой возлежало мое израненное тело. Все идет кругом в разрушенной ванной, но головокружение носит временный характер. Надо возвращаться на фронт, боши не пройдут. На войне как на войне!

— Друзья мои, — начинаю я, делая ударение на и, — требую от вас последнего усилия, чтобы загнать Советы в глубь их степей. Эти макаки уже и так нагадали у нас под носом. За мной, и мы их пощипаем за зады, и не пальцами. Вперед, за...

Но я не успеваю выкрикнуть «победу». У самого

входа в ванную раздается оглушительный взрыв, и стенка, на которой висит шкафчик, разваливается. Град пуль дмряют последние уцелевшие трубы. Из развалин возникают Клок и Фердинан — они в крови от глаз до носков. Они указывают вверх, откуда в перерывах канонады доносятся характерный рокот винтов и знакомый свист воздуха, рассекаемого передней кромкой крыла.

Противник ввел в бой авиацию!

11

Под пулеметными очередями и разрывами восмисоткилограммовых бомб, испещривших воронками плитку пола (хоть бы они не пробили перекрытия навскиво! Отец Глухарь может прикатить вместе со своим ружьем!), мы шестером образум каре в кухне, укрупившись за огромным деревенским столом. Крепкий, как скала, дуб без единой царапины прошел все войны. Под столешницей толщиной в пять сантиметров и наощенной клеенкой, прочной, как сантовья кожа, мы прижимаемся друг к другу, приплюсываясь к пняющему запаху пыли, пороха, крови и картофельных очисток (мусорное ведро полчило свою порцию). Мы сидим плотно, как кирпичи в стене, как атомы в веществе, как листья артишока. Мы ощущаем себя сильными, неуязвимыми, великоленной шестеркой. И наши соприкасающиеся тела образуют в своей непоколебимой плотности ту бронзу, из которой были отлиты тела бойцов крепости Массеада, орлиного гнезда Монсегюра, берлинского бункера.

Над нашими головами кружат самолеты.

Их два — две «штуки» с прямыми крыльями и фюзеляжем, окрашенным в защитный цвет, под цвет обоев квартиры. Они кружат под самым потолком, вокруг плафона, резко отворачивают от полочек с приправами, задевают шкафчик с крупами, разбивают плотные облака мучной пыли, сливающиеся в одно сразу после их прохода.

Иногда они пикируют один за другим, включая сирены, сбрасывают бомбу, которая ударяется о плитку пола, выбивая тучи осколков, которые со свистом разлетаются в разные стороны, звеня, ударяясь о стол, который буквально встает на дыбы на своих четырех ножках, но не сдается. За бомбами летят вдогонку пули, находящиеся на пути последние уцелевшие стаканы и тарелки.

Иногда один из нас высовывается из-под стола, наводит оружие на цель, стреляет и ныряет обратно. Надо беречь пули! У меня в карабине остались последние пять патронов, гильзы которых изготовлены из пластиковых картушей для чернил Ватерман, вместо пули — старая засохшая оливка, а вместо пороха — тонко смолотая рисовая мука. Другие вооружены не лучше. Только у Фердинана достаточно боеприпасов для зенитного пулемета, который он достал из-за холодильника — его забыли там во время последней войны.

Славный малыш! И из этого пулемета ему удается сбить одну фрицевскую железяку, хотя он и использовал весь запас патронов. У него под брехом, усеянным портретами звезд хард-рока (он замаскирован под обои комнаты Клока и Фердинана), появляются языки желтого пламени, затем его накрывает плотное облако дыма. Пилот выбрасывается, но поздно. Его парашют запутывается в липкой бумаге для мух, свисающей с по-

толка, стропы его перекручиваются, и наист тяжело падает рядом со столом, где его с помощью мялки для пюре приканчивает Клок. «Штука» врезается в раковину для мытья посуды, срезав крылом, перед тем как разбиться, сушилку, где сушилась последняя целая чашка.

Из шести глоток вырывается вопль победы. Я от радости даже замочил брюки. Я уже не ощущаю ран и целую пахнущий пеплом рот Мелани. Но опьянение победой длится недолго. Второй самолет на бреющем полете проходит над столом и сбрасывает двухтонную зажигательную бомбу. Нас тут же окутывает ураган пламени. Мы задыхаемся, слепнем, мы в костре.

— Все в сортир! — кричу я.

Мы все вместе выскакиваем из-под нашего горящего убежища, наши волосы трещат, одежды горят, дым валит изо всех пор, у нас на пятках сидит вражеская пехота, мы оббегаем дверь кухни и ныряем в дверь клозета, я захопываю ее за собой и накидываю крючок. Самое время. Пуш стучат по створке. Галеа, чьи белые одежды санитарки пылают, ныряет прямо в очко. Фурмий дергает за ручку — Галеа спасена. Но ситуация весьма напряженная. Враг у наших дверей. У нас больше нет боеприпасов. Сейчас шесть утра, а магазины открываются только в два. Значит, посылать вестового еще рано. Мы едва можем двинуться в этом крохотном пространстве. Фердинан уместился над резервуаром с водой, Галеа по-прежнему по талию торчит из очка, Фурмий и Мелани соорудили себе укрытие из старых газет, мы с Клоком стоим по обе стороны двери, рука моего младшенького застряла в валике для бумаги, и он никак не может высвободиться. Из всего оружия у нас осталась цепочка, которой Фердинан орудует как нунчаки, метала и вантуз, которыми можно воспользоваться в рукопашном бою, а также бутылка с едкой жидкостью, которая окажется доброй гранатой во время последнего приступа. Мы не позволим прикончить нас как мышей в крысоловке. Мы попытаемся вырваться отсюда, и если Боже поможет нам...

Но я чувствую, что перед тем как совершить последний отчаянный бросок, я должен подбодрить свои войска небольшой речью.

— Друзья, не буду вам пудрить мозги и вешать лапшу на уши. Во время этой кампании мы были на высоте и в самом низу. Сейчас мы скорее внизу. Но если досталось нам, то еще больше досталось врагу... И если он еще злобствует, то только из-за жуткого презрения к жизни, которое характерно для бошей, желтых, красных, негров, арабов, небритых и прочих вонючегонов. Друзья... ибо мы и на самом деле друзья, объединенные одним идеалом, собравшиеся вокруг меня в эти трагические и великие времена, а вовсе не подчиненные... Друзья, я прошу вас о последнем усилии. И если это усилие закончится высшей жертвой с вашей стороны, я знаю, вы пойдете на нее с безоблачной душой. Ради защиты наших кровных интересов, ради семейной жизни, ради свободы предпринятия, ради страхования, ради квартиры и квартплаты, за мной, вперед!

Грохают аплодисменты, но я останавливаю их мрачным жестом руки. Спокойно, с кривой усмешкой в правом уголке губ (левый уголок изодран), я поднимаю крючок, широко распахиваю дверь и выставляю вперед сортирную метлу.

В разрушенной квартире, где дымки над затухшими пожарами выглядят в виде знаков вопроса, царит сверхъестественная тишина. Я не вижу ни единой живой души, но враг там, настороже. Позади почерневших стен, кирпичных и каменных завалов, баррикад из обугленной мебели — глаз врага прислушивается к нам. И в момент, когда я собираюсь отдать приказ об атаке, вдруг ревет усиленный мегафоном голос — понять почти ничего нельзя, настолько искажен наш прекрасный французский язык глоткой мерзавца.

12

— Солдатки и солдаты квартиры справа на третьем этаже в номере 5 по улице Сантонж! — ревет голос. — Вы прекрасно сражались. Но теперь битва должна прекратиться. Она стоила слишком многих жизней, и продолжение ее бесполезно, поскольку вы в нашей власти... Я требую, солдатки и солдаты, выйти из вашего укрытия по одному, без оружия и с поднятыми руками. Вы сохраните честь, и с вами будут обращаться по гуманным законам войны... Солдатки и солдаты, я жду вашего ответа.

Ответа на подобное оскорбление? Я могу дать только один. Оно вылетает, это короткое слово из шести букв, которое до меня произнес некий знаменитый генерал в столь же тягостных обстоятельствах.

Я открываю незащищенную грудь, прикрытую лохмотьями комбинезона, из-под которого выглядывает нательное трико, под огонь врага. Но огня нет. Может, эти слоняные жабы боялись открывать огонь по почти безоружному человеку?

И я шагаю вперед, слыша шаги своих родных — они грохочут по полу разгромленной квартиры, ибо знаю, что мои войска бесстрашно идут по пятам за мной. Вражеские позиции молчат. Но к топоту наших шагов примешивается сначала далекий, затем усиливающийся рев, который мне хорошо знаком. Высоко, спрятавшись в облаках, которые скрывают потолок, прямо по курсу идет одинокий бомбардировщик — он проходит над нашими позициями и исчезает в безлюдном пространстве двора. А я вижу, как на парашюте над нами спускается единственная пузатая бомба — она покачивается от утреннего ветерка, врывающегося в разбитые окна. Тайное оружие?

— Ложись! — успеваю крикнуть я.

Бомба касается земли одновременно с нами, в нескольких метрах от нашей позиции, около входа в маленький поперечный коридорчик. И двери ада распахиваются во всю ширь.

Не веря себе, в ужасе, но одновременно испытывая поэтический восторг, я вижу, как на уровне пола вспыхивает правильный шар такой яркости, что я должен на несколько секунд закрыть глаза, чтобы они не растаяли, как два шарика масла на сковороде. Шар с ревом вздымается к потолку, а над ним ведьминскими лохмами распускается черный гриб. Все вокруг меня дрожит, жара становится невыносимой, набегают гром, терзают мои барабанные перепонки, поднимается ураганный ветер, ударяет прямо в нас, унося за собой гравий и осколки стекла, кусочки дерева и гипса, гвозди и гайки, внутренность книг и обрывки одежды, дольки картофеля и апельсиновые корки, зерна риса, пережаренную муку, обугленные овсяные хлопья, горящую гидрофильную вату, зу-

бья расчесок, волосы, шкуры, смятые баночки из-под гуталина, обгоревшие листки личной записной книжки, обломки пластинок 33 оборота, крошки электропровода, мышиные хвостики, пахнет из муравьев, крылья моли, сосисочное мясо, хлопья простокваша, сопли, кровь, слезавшееся дерьмо...

Я не дрогнув, выдерживаю этот ураган. Я знаю, что за ним последует невидимый ливень, ужасный и безжалостный — ливень нейтронов и протонов, который вопьется в мою плоть в поисках притаившихся раковых опухолей.

В обход Клинбанкурской конвенции по квартирным войнам противник использовал атомное оружие.

13

О последующем почти нечего сказать.

Из-за притупления наших ощущений после атомного взрыва противник захватил всю квартиру, поставив во всех стратегических точках часовых. Мелани, именно она, храбрая женщина, супруга и воетельница, очулась первой и поставила в главную ставку Деву-Голофы.

Капитан явился почти сразу, было уже больше семи, и квартал проснулся в визге мусоруборочных машин и воплях консержек, в полицейских свистках и мяуканье кошек. Капитан потерял свой вчерашний гордый вид, у него распух глаз, щеки были небриты, фуражка сидела боком, комбинезон был в пятнах от шампанского, от него несло борделем. Он отправился на переговоры во вражеский штаб, и, пока я заполнял синьки и писал рапорт на официальном бланке в пяти экземплярах под копирку, он осматривал поле боя. Не уцелело почти ни одной перегородки, и из кухни, где я сижу, я вижу насквозь почти всю квартиру — как нашу спальню, где свалено тяжелое оборудование канавок, так и сортир, где был последний пункт нашего сопротивления и где из очка торчит наш холодильник, унесенный туда ядерным взрывом.

Капитан, похоже, прочел в моем взгляде невыразимую печаль, недостойную воетеля потерю духа, ибо он склонился надо мной (я отшатнулся — от него несет икрой и девицами) и сказал:

— Что вы хотите, старшина... На войне как на войне! Но вы исполнили свой долг, и только это идет в зачет! Поверьте мне! (Он вздымает указательный палец к потоку в дырках.) Я не забуду отметить в рапорте, и, кто знает, через несколько лет... (Он стучит по моему плечу, где еще остался совершенно новенький галун.) Две лейтенантские сопля!

Лейтенантские? Я не верю своим ушам, забитым грязью. Я вскакиваю, выплываю вперед болящую грудь. Капитан хитро улыбается и добавляет:

— А пока, в любом случае, как следует из законов войны, небольшой вражеский гарнизон под командой офицера и трех унтер-офицеров разместится у вас в квартире... Но успокойтесь! Противник наш весьма корректен и будет вести себя скромно. На период оккупации от вас требуется обеспечить их едой, крышей, чтивом и траханьем. После полудня явится химическая команда, чтобы проверить уровень радиации — уверен, минимальный — противник использует только чистые бомбы. Что касается убытков, то поступите как обычно... Думаю, все сказано, и мне пора удаляться. До скорого!

Капитан прикладывает ладонь к фуражке, перешагивает через выбитую из рамы входную дверь, выходит на лестницу, где сталкивается с уже работающим австралийцем.

Я некоторое время продолжаю сидеть на мусорном ведре, единственным, что осталось целым из мебели в кухне. Я обескуражен, лейтенантские сопля мне вдруг кажутся очень далекими. Над полем битвы царит атмосфера угрюмого согласия, пустого спокойствия, которое неизбежно наступит после ожесточенной битвы, когда солдаты выныривают из кошмара с глазами, широко открытыми на действительность, в их сердцах бьется лишь одно — я остался жив.

Но я должен встряхнуться. Я встряхиваюсь. Что касается русаков, то сопротивление мы еще успеем начать, организуем маки в самых удаленных уголках квартиры. Вечером надо будет осмолить все по поводу оплаты убытков. Иллюзий у меня никаких — спецсоцстрах уже отстал на три войны, опять придется залезать в отложенные денги...

— До вечера, папашка!

Клок шмыгнула мимо меня, хромая из-за вывихнутого бедра, прижимая папку своей рукой с протезом. Этот славный малыш отправляется в лицей. Уверен, он перейдет в первый С.

Затем уходит Гаея, не забыв поцеловать меня в тяжелую каску, которую я еще не снял. Славная, славная девица. Она получит свой аттестат!

— Привет, папашка!

Через дверь без двери уходит и Фердинан, он отправляется в институт. Он оделся с иголочки и, если бы не кровавая повязка на оторванном ухе, никогда нельзя было бы догадаться, что он участвовал всю ночь в тяжелейшем бою. Славный, славный, славный малыш...

Наконец уходит и Фурмий — она только махнула мне рукой. Мне удастся встать на ноги. Почти восемь утра, мне пора на работу — сегодня пятница, последний рабочий день, нужно повкалывать и всучить шесть полисов, в крайнем случае четыре.

Я пробираться в ванную (или то, что от нее осталось), спотыкаясь о тела негров, которые еще не подобрали гарнизон башей. Я снимаю боевое облачение, пропитанное потом и кровью, мне удастся побриться с помощью котелка, куда набрал воду, струйкой сочащуюся из продырявленного крана, и кинжала командос — я смотрю в осколок зеркала, застрявшего в щели стены, затем писаю в дырку в стене. На край свалившейся ванны Мелани уложила чистую рубашку, уцелевший серый пиджак, бордовый галстук, пару вычищенных штиблет. Славная, славная, славная Мелани!

Выйдя из ванной, чистый, как новенькая монета, и одетый с головы до ног, я сталкиваюсь в коридоре с ней — у нее накола в волосах и метала в руках. Ей придется потрудиться, чтобы подготовиться завтра к тещинному визиту. Но я знаю, она сделает все!

Я еще раз целую ее, она желает мне успешной работы, я тоже, и бросаю ее на лестницу. И все же я не очень-то горд — эту войну, хоть кричи на всех перекрестках иное... мы все же проиграли. А арабы, следовательно, практически ее выиграли.

Но в следующий раз мы их поимеем!

Перевод с французского Аркадия Григорьева

Евгений Степанов

* * *

Городской народ
По делам спешит:
Кто-то вверх идет,
Кто-то вниз бежит.
Кто-то увидал
Два зрачка родных —
Больше никогда
Не увидит их.

Юрий Архипов

* * *

Хор мальчиков. Закрывать глаза и
слушать!
Со сцены им не видно этих слез.
И мальчики спасают наши
души,
Как снег и небо, как восторг
берез.

Хор мальчиков, где каждый
голос вечен,
Высокий, как прозрачная
звезда,
Поет, как будто зажигает
свечи,
Которые не гаснут никогда.
Я вспомню этот голос над
судьбою,
Там, где весь мир хрустально-
голубой...

* * *

Когда я был моложе, чем
страданье,
Чем ложь предавших, но
любимых глаз,
Я думал, что вокзал —
для расставаний,
А сам встречал надежду
каждый раз.

* * *

Начнутся дожди. Ни плаща,
ни зонта.
Уже не согреют пальто и метро.
Как хочется жить,
но погода не та,
И хочется счастья,
но время не то.
Дожди золотые уже не блестят,
И ветер не просит,
а гонит с пути.
И сердце и руки согреться
хотят,
Но где эта дверь,
чтоб к себе не войти...

Борис Колымагин

Сон

Лишь только утро — сон уйдет,
все на круги своя вернется
и груз обыденных забот,
как камень, в душу окупнется;
и жизнь опутает, смеясь
над тем, что обмануло ночью, —
но, где-то в глубине таясь,
сон позабытый кровотоцит...

Так, средь житейских дряг и
бед,
мы все беспамятней и глуше, —
но — сном забытым — детства
свет
издалека глядит нам в душу.

Виктор Пронин

Ветры

Веют ветры дальние
по дороге в школу,
вольное смешавшие
с гарью городской.
Горные да травяные,
прокотившие круто,
бьются ветры дальние
в окна института.
Бродят ветры давние
в каменной пустыне,
где веда я за руку
маленького сына.
Важные, столичные
в селах, на распутьях,
дут ветры дымные;
гнут травы, путаясь...

Владимир Максимцев

* * *

Изменчива природа дня.
Природа ночи бесконечна.
А время наше скоротечно,
Как жидка вешнего ручья.

Сова метнется из дупла,
Ворона заскрипит пугливо...
Но соловьиной ночи диво
Исчезло. Сказка умерла.

Однако катятся ручьи
Через коряги, камни, корни...
Они ничьи! Еще ничьи!
Они запомнят сны свои
И русла новые заполнят!

В автобусе

В автобусе старуха злая
О чем-то смутно говорила.

Вокруг, плечами пожимая,
Глаза смущенно отводила.

Седая вся. Одета странно.
Руками машет, пальцем тычет.
Бормочет нудно и несладно,
Как будто бы ребенок хнычет...

— Уехал сын... Корова
сдохла...
Молчат, не вытянешь ни
слова...
На старости совсем оглохла...
Срамно... А тут еще корова...

Сосед в очках, свернув газету,
Подальше пересел: стыдится!
И только мне старухе этой
Хотелось в ноги поклониться!

Игорь Тюленев

* * *

Плачет женщина над страницей
Тихо, тихо, почти не дыша,
А за окнами носится птица
Или чья-то шальная душа.
Потому ли, что жизнь
быстротечна
И не все, что в душе, — на
устах,
Плачет женщина, ночь
бесконечна,
И опять что-то в мире не так...

* * *

Не таи вселенскую печаль,
Не мути очей слезой невольной,
Знаю, что терять друг друга
жаль,
Но зорить чужие гнезда —
больно!

Потому-то бог меня простит,
И укроет русская долина,
Но душа, как осенью рябина,
Заживо у ног твоих сгорит.

Колесный пароходик

Та река,
Словно белка
В огромных колеслах,
От старяния бела,
Бьет по лопастям, и
Пароходик несется,
Расступается мгла.
Обнажается берег,
Изученный с детства,
Слышу говор друзей,
Пароходнику плыть,
А колесам вертеться
Все быстрой и быстрой.

Изучаем спрос

Вслед за сборником «Час ноль» наши партнеры-книгоиздатели готовы выпускать в серии «Библиотека «Ст. М.» (в 1991–1992 гг.) следующие книги и сборники.

— А. Лосев. «Трагедия интеллекта». Избранные философские страницы.

— В. Астафьев. «Пастух и пастьуха». Повесть.

— В. Пиккуль. «Миниатюры». Рассказы. Повести.

— В. Пиккуль. «Нечистая сила». Роман.

— Дж. Давиташвили. «Слушаю свои руки». М.-И. Ризо. «Болит? — Помоги себе сам». Сборник советов по мануальной терапии и самоисцелению.

— Н. Алешкина. «Английский — без переводчика». Усовершенствованный курс английского языка.

— И. Акимов и В. Клименко. «О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе». Повесть-практикум о воспитании таланта, воли, целеустремленности.

— М. Анчаров. «Повести». Сборник.

— Дж. Чейз. «Роковая ночь». Повесть.

— Б. Акимов и О. Терентьев. «Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы».

Укажите также, какие книги, кроме названных, вы хотели бы приобрести в серии «Библиотека «Ст. М.»:

Просим определить, что вам хотелось бы получить в первую очередь. Нужно подчеркнуть. Свободные строчки заполнить разборчиво. Вырезать и направить в редакцию.

Библиотека «Ст. М.»

Вы помните, читатель: «Ст. М.» в № 7 проанонсировал издание своеобразного книжного приложения к журналу. Нашими партнерами в его создании выступают информационно-творческое объединение Союза журналистов СССР «Простор» (г. Харьков), издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», издательство «Социалистична Харківщина» и другие полиграфические предприятия.

Увы, время вносит коррективы в наши планы. Редакция, публикуя анонс, полагала, что подписка на периодические издания начнется, как обычно, в августе. Но сроки ее переносятся. Поэтому мы продлеваем срок сбора заявок на сборник «Час ноль» (о чем было сообщено в № 8 «Студенческого меридиана»). Повторяя анонс «Библиотеки «Ст. М.», мы снова публикуем отрезной талон «Заявка на книгу», который ждем в редакции не позже 1 ноября (наш адрес: 125015, г. Москва, ул. Новодмитровская, дом 5а, редакция жур-

нала «Ст. М.»). Вместе с талоном-заявкой пришлите, пожалуйста, ксерокопию (или дубликат) почтовой квитанции, свидетельствующей об оформленной годовой подписке на «Ст. М.» на 1991 год.

Одновременно напоминаем условия получения той или иной книги нашей серии. Главное из них — подписка на журнал на 1991 год, и вот почему. Публикуя в нынешнем номере «Заявку на книгу», как и экспресс-анкету «Изучаем спрос», мы только определяем вашу реакцию на предложение, собираем предварительные заказы. Основные же талоны-анкеты, которые позволят претендовать на книги серии «Библиотека «Ст. М.» (естественно, тоже отрезные), будут публиковаться в журнале начиная с январского номера будущего года. Тогда же мы расскажем, каким образом вы, являясь нашим постоянным читателем, сможете стать обладателем понравившейся книги.

Итак, спешите! Подписка на «Ст. М.» — прекрасная возможность пополнить свою библиотеку.

Заявка на книгу

Название — «Час ноль». Сборник фантастической и детективной прозы

Авторы — Р. Брэдбери, А. Азимов, С. Брюсло, А. Кристи, Ж. Сименон, Ж.-К. Дюнак, М. Леблан, В. Набоков, В. Черняк, А. Молчанов и другие

Фамилия _____

Имя, отчество _____

Адрес _____

Место работы или учебы _____

(должность, курс) _____

С какого года подписчик «Ст. М.» _____

Дата оформления подписки на «Ст. М.» на 1991 г. _____

Номер и адрес почтового отделения _____

Вырезать и вместе с копией бланка подписки на 1991 год отправить в редакцию

Рубрику ведет Александр Слюсарев

ФОТО СЕРГЕЯ ЛЕОНТЬЕВА

«Опыты жесткой фотографии» — это исследование жизненных ситуаций, которые визуально практически не существуют. Не существуют в том виде, который предстает человеческому взгляду в реальной обстановке. «Реально» существует то, что выявляется тем светом, который нам привычен.

Нельзя, конечно, утверждать, что свет «флеша», «блица», «вспышки» или, как ее называет Сергей Леонтьев, «светкалицы» — сколько-нибудь необычен, но возникает он только по желанию фотографа и позволяет ему высветить то, что он хочет, и вполне определенным образом.

Леонтьев исследует человека в большей степени, чем ситуацию, в которой человек находится, и исследует его без ложного пиетета. Человек оказывается перед «светкалицей» и объективом камеры застигнутым врасплох — он не успел под-

готовиться к съемке, и это лишает его той защитной оболочки, свойственной нам перед фотографическим аппаратом. Мы обычно принимаем либо «парадный» вид, либо ведем себя предельно неестественно — начинаем хохотать, кривляться, а то и вовсе теряться.

«Опыты», а это первая часть серии, еще не стали исследованием исключительно лица, ситуативность в какой-то мере сохраняется, но явно чувствуется внимание именно к лицу человека и его выражению.

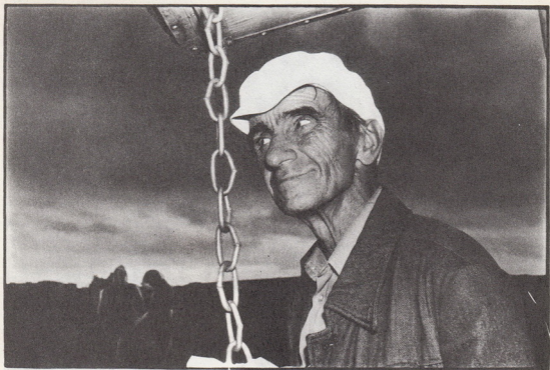
Съемка с «флешем» — вещь в фотографии известная с давних пор, его применяют, когда света мало. Одним из самых ярких фотографов, использовавших «вспышку», был американец Виги, снимавший полицейскую хронику в 50-е годы. Любопытно, что где-то в то же время он приезжал в Москву и встречался с нашими фотожурналистами. Письменных

свидетельств этого не встречал, а было бы интересно.

Другим известнейшим автором, применявшим вспышку, была Диана Арбуз, тоже из США. Может быть, именно она и оказалась тем автором, который на многие годы вперед определил пути использования этого метода. Ей подражали многие.

Сейчас, когда мощные импульсные лампы с автономным питанием позволяют снимать в самых разнообразных ситуациях, думаю, небезинтересно узнать, как этими возможностями пользуются авторы, что их привлекает, какая ситуация, явление. И какой отклик все это вызывает у зрителя.

Серия Леонтьева часто воспринимается отрицательно. Как это, мол, можно так относиться к человеку? Но ведь возникает и другой вопрос — почему мы позволяем себе быть такими, какими не хотим себя видеть?

Пора и нашим читателям познакомиться наконец с благородным жуликом Арсеном Люпенем, неким коктейлем из черт Энди Таккера и Эркюля Пуаро, настоящим на классическом галльском темпераменте. Тем самым Люпенем, который задолго до Остапа Бендера испытал спортивный азарт «отъема денег» у сомнительных миллионеров и подобно Деточкину щедро раздавал экспроприированное беднякам. Жан-Поль Сартр считал Люпена новым Сирано, выбравшим уголовную дорожку. Впрочем, судите сами...

Морис Леблан

Солнечные зайчики

Детектив

— Рассказали бы что-нибудь, Люпен? — Мой приятель молчал, но я решил настоять на своем. — Я вас очень прошу.

— Ну хорошо. Возьмите карандаш и листок бумаги, пишите: 19-21-18-20-15-21-20.

— Зачем?

— Пишите же, вам говорят!

Глаза Люпена, еще за минуту до этого равнодушные, теперь напряженно следили за чем-то, происходящим за окном. И вдруг я понял: Люпен, без сомнения, считал солнечные блики, пульсирующие на потемневшем фасаде дома напротив. Солнечные зайчики время от времени исчезали на несколько секунд, но затем, после равномерных пауз, вновь начинали свой танец где-то на уровне третьего этажа. Совершенно автоматически я сам считал вслух:

— Пять.

— А, так вы поняли, — оживился Люпен. — Прекрасно!

Когда игра солнечных зайчиков окончательно прекратилась, я позволил себе пошутить:

— Не кажется ли вам, что ради нескольких цифр мы бесплодно потратили время?

— А знаете что, попробуйте заменить каждую цифру соответствующей ей в алфавитном порядке буквой. Вместо единицы — А, двойки — Б и т. д.

Я подчинился его странной просьбе и вскоре вывел по буквам: необходимо избегать опасностей особенно столкновений с силами пртивника а также...

— Да здесь полно грамматических ошибок. К тому же эти откровения, которыми с нами весьма странным способом поделилась какая-нибудь курхарка, вряд ли нас приведут к чему-либо.

Люпен некоторое время в задумчивости рассматривал листок, затем прошелся по комнате, закурил:

— Не могли бы сейчас же позвонить барону Репштейну и предупредить, что я навеваю его около десяти часов вечера.

— Барону Репштейну, тому самому...

— Да-да, тому самому финансисту и спорт-

смену, владельцу Этны, лучшей беговой лошади нынешнего сезона, ставшему совсем недавно жертвой собственной жены. Впрочем, эта история не является тайной. Жена барона, известная своею страстью к роскоши, исчезла две недели назад, прихватив с собою три миллиона наличными и коллекцию драгоценностей княгини Берни, которую баронесса незадолго до того одолжила якобы под предлогом ее скорой покупки. Полиция преследовала беглянку по всей Европе, и это было, поверьте, нетрудно, поскольку госпожа Репштейн и в бегах продолжала жить на широкую ногу, соря деньгами и разбрасывая бриллианты. Наконец, в Бельгии баронессу, казалось, арестовали. Однако задержанная, против которой были собраны на первый взгляд совершенно неопровержимые улики, оказалась некой Нелли Дарбел, актриской на выходах. Со своей стороны, барон назначил премию в сто тысяч франков тому, кто укажет место нахождения его жены, и даже продал свои скаковые конюшни, особняк и родовый замок, чтобы, как он обещал, возместить ущерб княгине.

— Газеты сообщают, что как раз завтра деньги должны быть вручены. Правда, я не вижу никакой связи между несчастьем барона и нашими солнечными зайчиками.

— Вы правы, не стоит предупреждать барона. Есть в этой истории одно обстоятельство, которое не дает мне покоя. Почему расшифрованная вами фраза осталась незаконченной? Пойдемте, эта загадка требует немедленного решения.

Вскоре мы подошли к зданию, откуда, по нашим расчетам, неизвестный должен был подавать заинтересовавшие нас сигналы.

— Скажите, — обратился Люпен к консьержке, — нет ли среди ваших жильцов знакомых барона Репштейна?

— Ну как же! Господин Лаверну, секретарь барона. Я хожу к нему убирать обувь. Только он, бедняга, уже две недели болен. Как это случилось с баронессой, он так и слег.

— И что, не встает совсем?

— Не знаю. Доктор запретил мне его навещать.

Он и ключ у меня забрал.

— Кто забрал?

— Да доктор же. Он навещает господина Лаверну по два раза в день. Минут двадцать как ушел. Знаете, такой старичок с бородкой и в очках.

— Ладно, ведите нас к Лаверну. Третий этаж, налево?

Люпен без труда открыл дверь каким-то извлеченным из кармана инструментом, и мы вошли. На ковре, раскинув руки, лежал человек, лицо которого было искажено страшной гримасой.

— Мертв, — констатировала Люпен после непродолжительного осмотра.

— Но ведь ни капли крови.

— Да нет же, смотрите, — Люпен показал мне на груди покойного две или три красные капли, — Лаверну схватили за горло и буквально укололи в сердце. Я сказал «укололи», поскольку форма раны действительно напоминает след удара длинной булавкой.

Скажите, — обратился Люпен к причитавшей тут же консьержке, — у Лаверну нет ли среди соседей приятеля, с которым бы он сживал в кафе, обменивался бы газетами?

— Есть. Господин Дюлатр. Он живет на этой же улице, дом 92.

Нужный нам дом оказался небольшим приземистым строением с винной лавкой, занимавшей весь первый этаж. Ее хозяйки как раз курили на пороге.

— Господин Дюлатр? Полчаска как уехал. Да, очень спешил и взял такси. Он был слишком взволнован и потому, наверное, буквально кричал шоферу: «В полицейское управление».

— Черт возьми, — произнес в раздумье Люпен, — сватка будет жестокой. Отправляйтесь-ка, друг мой, спать. Завтра я, быть может, расскажу вам все, если это не будет мне стоить жизни.

Впоследствии я узнал, что уже минуты через три после нашего разговора Люпен позвонил в дверь обслуги барона Репштейна. Барон, высокий широкоплечий мужчина, одетый с дорогой элегантностью, принял Люпена в своем кабинете.

— Вы что-то знаете о причинах исчезновения моей жены?

— Дело в том, что ваш секретарь Лаверну, которого тайный агент доктор обрел фактически на двухнедельный домашний арест, сумел с помощью световых сигналов передать важную информацию своему приятелю Дюлатру. Однако за этим занятием он был застигнут и жестоко убит.

— Убит? Кем?

— Я же сказал — доктором, имя которого мне неизвестно. Впрочем, Дюлатр, надо полагать, осведомлен в этом деле гораздо лучше меня, поскольку, не дожидаясь даже окончания передачи информации, он отправился в полицейское управление.

— Ну и каков же результат всех этих действий?

— А результат таков, что в настоящее время ваш дом окружен полицейскими, которые, без сомнения, ранним утром войдут сюда, чтобы арестовать убийцу.

— Убийцу Лаверну?

— Что вы, господин барон, когда Дюлатр отправился в полицию, он еще не знал о печальной судьбе своего приятеля. Речь идет об убийце вашей жены.

— Да вы с ума сошли! Полиция в настоящий момент буквально по пятам следует за моей женой.

— О, нет. Полиция взяла след совершенно

другой женщины — сообщницы убийцы. А сам он, прекрасно понимая, что Лаверну не мог не знать правды, угрозами принудил этого беднягу к молчанию, а раз застав его за передачей информации, хладнокровно убил.

— Так, значит, Лаверну убрал доктор? Кто он, этот гений злодейства?

— Да вы же! Только ваша фигура позволяет выстроить все обстоятельства дела в стройную логическую цепочку. Вы убили баронессу, чтобы попросту отделаться от нее и прогулять миллионы в компании с другой женщиной. А бородка, очки, согбенная старческая походка — это все маскарад. Вы сильный человек, господин Репштейн, и баронесса, естественно, не рискнула бы вас ослушаться. Ведь именно по вашему настоянию она продала часть своих безделушек, да к тому же попросила книжницу прислать ей предназначенные к распродаже драгоценности. Очевидно, что не ваша жена, а ваша сообщница пустилась в тот роковой день в путь, отвлекая на себя внимание нашей славной полиции. Да и как было полиции не искать по всей Европе баронессу, если вы лично установили крупную премию за поимку собственной жены. Надо вам сказать, что эти сто тысяч франков, природно врученные нотариусу, просто гениальный ход. Ну не может же человек, столь активно стремящийся помочь поискам, глать. И вас оставили в покое, не мешая потихоньку распродавать скаковые конюшни, имущество и спокойно готовиться к бегству.

— Кто же вы? — спокойствие и на этот раз не изменило барону.

— Считайте, что вы посланец судьбы, пришедший, чтобы погубить вас или, наоборот, помочь спастись. Послушайте! Три миллиона, которые баронесса якобы у вас похитила, драгоценности, книжки, деньги, вырученные от продажи недвижимости, — все это здесь: у вас в кармане или в сейфе. Ночью, переодевшись, вы улизнули бы поанглийски, чтобы присоединиться к своей любовнице, вероятно, той самой Дарбел, что арестовали в Бельгии. Все было на мази. Но разоблачение Лаверну привело под ваши окна дюжину полицейских агентов. Вы влипли, барон. Однако я могу помочь. Один мой телефонный звонок, и под утро два десятка моих друзей без лишнего шума снимут это оплечение. А в уплату — сущий пустяк: раздел этих денег и драгоценностей. Идет?

— Я, кажется, начинаю понимать. Это шантаж, — барон опустил руку в карман.

— Шантаж или нет, но у вас нет выбора: кошелек или жизнь. Иначе эшафот. Ну что, договорились?

Резким движением Репштейн выхватил револьвер и выстрелил два раза. Однако Люпен, предугадавший действия своего собеседника, сначала отскочил в сторону, а затем бросил барону в ноги, опрокинув его на ковер. Остальное было делом техники. Барон так и остался лежать со связанными за спиной руками. Обшарив его карманы, Люпен извлек связку ключей и направился было к сейфу. И в этот момент до него донесся странный шум. Слуги! Исключено. Их мансарда через два этажа. Люпен прислушался. Привлекшие его внимание звуки доносились снизу. Полиция! Засыпав выстрелы, полицейские решили не дожидаться утра и теперь барабанили во входную дверь.

«Так,— сказал себе Люпен,— нельзя допустить, чтобы эти господа воспользовались плодами твоих многотрудных усилий. А для этого необходимо за двадцать секунд вскрыть сейф, секрет которого абсолютно неизвестен. Думай: шифр содержит четыре буквы. Четыре буквы. Четыре буквы. Хотя бы одна запятая. Впрочем, одна все-таки есть. Конечно, старик Лаверну! Ведь не зря же он рисковал со своим оптическим телеграфом». Люпен осторожно набрал буквенный шифр замка и стал подбирать ключ. С третьей попытки дверь сейфа поддавалась. Вдруг, словно отброшенный невидимой силой, Люпен отскочил назад, ноги его подогнулись, тревожно звякнула связка ключей в дрожащей руке. Страшная картина открылась перед его взором: во чреве сейфа согнутое пополам, словно излишне громоздкая кладь, было втиснуто полураздетое тело молодой женщины... разбросанные светлые волосы... кровь.

— Баронесса,— прошептал Люпен,— чудовище!

Развернувшись, он нанес каблуком удар поверженному убийце:

— Эшафот тебе обеспечен.

Внизу на призывы полиции открыть дверь откликнулись наконец слуги. Медлить больше было нельзя...

— Ну и какого вы мнения о бароне Репштейне? — подвел итог своему повествованию Люпен.— Как обманчива бывает внешность! Выглядел он вполне порядочным человеком.

— А миллионы, драгоценности княгини? — не удержался я.

— Они были в сейфе. Там и остались. Вы удивлены? Но я не мог приблизиться к зловонному сейфу, этому грубу. Еще минута, и я мог бы потерять сознание. Но главное испытание заключалось все-таки в другом.

— Вы имеете в виду шифр замка? Как же вы его, в конце концов, раскрыли?

— Удивительно, что я не разгадал этот код заранее!

Ведь он содержался в разоблачительном послании бедняги Лаверну. Помните об орфографических ошибках в восстановленной вами фразе? Ясно, что секретарь барона мог только преданно передать «необходимо», «опасность» с «т», «особенно» без второй «н», а в слове «пративник» заменить «о» на «ав». Как только вы обратили внимание на эти орфографические странности, у меня сразу же возникло подозрение. Я соединил эти четыре неверно поставленные буквы и получил слово «Этна», кличку знаменитой лошади, гордости конюшни барона Репштейна.

— И что, одного слова было достаточно?

— Достаточно для того, чтобы сразу выйти на след барона, имя которого благодаря многочисленным газетным публикациям было у всех на слуху. А затем уже в кабинете у сейфа навести меня на мысль, что это, вероятно, и шифр замка, поскольку Лаверну не мог не знать страшного содержимого сейфа в кабинете своего хозяина.

В самом начале же я решил, что у Лаверну должен быть приятель, с которым он обычно проводит время в кафе за разгадыванием разных газетных ребусов и шарад, и, видимо, они наовчинились поддерживать, не выходя из дома, оптическую связь.

— Бог мой, как просто!

— Очень просто. И это происшествие еще раз продемонстрировало, что в открытии преступлений важную роль играют не столько анализ фактов, наблюдение, дедукция, логика рассуждений, сколько интуиция... интуиция и интеллект. А Арсен, простите за нескромность, в полной мере наделен и тем и другим.

Перевод с французского Инны Камардиной

1991 ГОД — АНОНС

Юрий Анненков. Дневник моих встреч

Эту книгу, имеющую подзаголовок «Цикл трагедий», написал знаменитый русский художник Юрий Павлович Анненков (1889—1974).

При упоминании этого имени, надеюсь, читатель вспомнит два замечательных анненковских портрета Анны Ахматовой, ну и самое яркое, классическое его произведение — иллюстрации к «Двенадцати» Александра Блока, которые поэт очень высоко оценил.

Но, к сожалению, зная хоть отчасти художника Анненкова, советский читатель не имел представления о его литературном наследии. А оно весьма значительно. В двух томах (более 600 страниц), по сути, заключена художественная летопись трудных

революционных лет.

Анненков тонкий психолог, он дает потрясающе меткие характеристики Блока и Замятина, Ленина и Троцкого, Малевича и Татлина, Мейерхольда и Ахматовой...

Вот вам лишь один извлекательный штрих из этой изысканной книги:

«Один из посетителей Горького в последние годы его жизни спросил его, как бы он определил время, прожитое им в Советской России?

Максим Горький ответил:

— Максимально горьким».

Читая Анненкова, испытываешь глубочайшее интеллектуальное потрясение. Знакомить читателей со страницами книги мы начнем с № 1 за 1991 год. Публикация сопровождается графическими работами Ю. П. Анненкова.

Советская перестроечная действительность, похоже, настолько очаровала западную молодежь, что она готова в нее даже поиграть. Беда, правда, что играть предполагается на поле блаженной памяти застоя. Во всяком случае, таковы правила настольного развлечения «Советская система», выброшенного на свободный западный рынок. Игра состоит в классическом передвижении фишек, сопровождаемом ответами на различные вопросы из нашей не столь отдаленной истории. Победитель, сумевший достичь конечной цели — звезды с портретом Маркса, объявляется Генеральным секретарем с правом на всевозможные отличия, награды и привилегии. Неудачнику же грозит неминуемая ссылка, в которой явно не обойтись без теплой шапки, безоговорочно отнесенной авторами к «советскому натюрморту».

Казалось бы, жизнь и приключения легендарного Казанова хорошо известны. Однако испанский историк Нестор Лухан открыл столько новых страниц в бытии этого соблазителя, что их хватило на целый объемистый том. Выяснилось, что, вопреки киноверсии Федерико Феллини, женщины отнюдь не являлись смыслом жизни итальянского авантюриста. Будучи широко образованным человеком, Казанова, свободно владевший несколькими языками, охотно брался за всевозможные шпионские миссии и, более того, одно время был даже двойным агентом, работавшим в Испании как на иезуитов, так и на масонов.

Художники исторически тяготеют к изображению обнаженной натуры. Семидесятилетний же американец арабского происхождения Джон Касере предпочитает изображать на своих многочисленных полотнах нату-

ру полуобнаженную, а точнее, полураздетую, прикрытую от нескромного глаза кружевами нижнего белья. Более тридцати лет назад Касере был вознесен к славе волной гиперреализма, одним из лидеров которого его до сих пор считают критики. Успех «бельевым фантазмам» художника сопутствует практически повсеместно: выставки Касере относятся к числу самых посещаемых, его полотна стоят многие сотни тысяч долларов. Специалисты в области современного художественного модернизма рассматривают творения Касере как чистой воды эротику в живописи, стопроцентно не имеющие ничего общего с пошлостью. Французская

пресса после состоявшейся недавно в Париже персональной выставки Касере назвала его «одним из самых чарующих художников современности».

Нет, это отнюдь не совпадение. Двадцативосьмилетняя актриса Александра Муссолини действительно находится в прямом родстве с дуче, будучи любимым ребенком Романо Муссолини, родного сына «первого фашиста», и Марии Шиконе, родной сестры Софи Лорен. Как все смешалось в этой Италии! И хотя Александра, эротическая звездочка итальянского кино, предпочитает особенно не афишировать свое происхождение, свадьба ее состоялась точно в день начала знаменитого похода Бенито Муссолини на Рим. Естественно, что такое случайное совпадение привлекло на скромное семейное торжество толпы зевак, которые и отправились вслед за актрисой к могиле дедушки. Сама Александра при виде семейного склепа не удержалась от слез, подтерпев свое ампула «чувственной героини».

Владимир Высоцкий:
эпизоды
творческой судьбы

Борис Акимов, Олег Терентьев

Год 1967-й

«С моей точки зрения, постановка фильма «Интервенция» — предприятие рискованное. Не по политическим соображениям, а по художественным. В политическом смысле все ясно, и сомнений быть не может. А стилистические задачи, которые стоят перед нами, очень сложные. «Интервенция» — это пьеса о том, как большевики-агитаторы отбирают у интервентов их армию, их солдат. Эта линия в пьесе решалась иллюстративным способом, который доминировал в нашем сценическом искусстве в годы, когда создавалась пьеса.

Сейчас такого внешнего показа событий мало. Поэтому для сценария мы взяли другую, более жизнеспособную часть пьесы: историю отношений сына банкирши Евгения Ксидиас и Саньки — девушки одесских предместий (...). Вся остальная часть пьесы используется нами как сложные, сгущенные обстоятельства, в которых центральный конфликт развивается гораздо острее, стремительнее и глубже.

Я люблю балаган, народные зрелища, условность, театральность. Мне хочется продолжать поиски в этом направлении. Поэтому в сценарии я искал условные сгущенные ходы (...). Я стремился выразить содержание не только через психологическую цепочку характеров, а через цепь аттракционов». (2)

«Я начал снимать Высоцкого в 67-м году, когда опыт его кинематографический был небольшой. Да и в театре им была сыграна [лишь] первая значительная роль (...). И, конечно, у меня были сомнения... Как же

мы встретились? Я в газете «Московский комсомолец» сделал заявление о том, что буду снимать новый фильм «Интервенция». Я хотел возродить традиции, с одной стороны, русских скоморохов, а с другой — революционного театра 20-х годов. И я обратился с интервью, надеясь найти единомышленников. И действительно, такие люди стали появляться. Первым пришел Сева Абулов». (1)

«Он с места в карьер начал рассказывать о Высоцком. Я почти два года не был в Москве и слушал его с интересом. Больше всего Сева говорил о его песнях. А вскоре появился и сам Высоцкий. Он был молчалив, сдержан. Но в том, как он нервно слушал, ощущалась скрытая энергия. То, что он будет играть в «Интервенции», для меня стало ясно сразу. Но кого? Когда же он зашел, я подумал о Бродском (...). Трагикомический каскад лицедейства, являющийся сущностью роли Бродского, как нельзя лучше соответствовал трагической личности Высоцкого — актера, поэта, создателя и исполнителя песен, своеобразных эстрадных миниатюр. Не случайно эта роль так интересовала Аркадия Райкина». (3)

«С Высоцким мы познакомились в Ленинграде на пробах к картине «Интервенция» режиссера Полоки [студия «Ленфильм», роль: Бродский (он же — Воронов), разрешительное удостоверение выдано 19 мая 1967 года]. Он мне сказал: «Я хочу на роль Бродского попробовать Володу Высоцкого». Я мало знала Высоцкого, но по тому, что я до этого видела, мне казалось, что это не его

роль, что героем должен быть человек высокого роста, мужественной внешности¹. А Полока говорит: «Ты знаешь, он так поет!..» Спрашиваю: «Ну при чем тут пение?» А он отвечает: «Нет, я так не могу, я не мыслю эту картину без него»...

Потом я пришла на пробу: действительно, Высоцкий очень смущался своего роста. Я была на высоких каблуках, он потребовал скамеечку, чтобы выровнять наш рост. Я, помнится, сказала: «Что это за герой с надстройкой?», но он упорно становился на скамеечку. В конце концов, пробу мы сделали». (16)

«Когда я впервые столкнулась с Высоцким — это было на пробах в «Интервенции», — меня поразило его голос. Он вошел, и его «здравствуйте» — это удивительно. Он никогда не кричал, он ворковал, даже не ворковал, а мурмыкал как тигр: «Здр-р-р-здравствуйте», — мягко так. Вообще у него была привычка — он всегда выходил на сцену съемочной площадки, поднимал руки вверх и говорил так: «Спасибо всем! До свидания». Или — «Здравствуйте!» Я впоследствии пробовала это перенять, но у меня ничего не получалось. Я уж лучше к каждому в отдельности подбоду. Но как это делаю Высоцкий, даже маститые актеры сейчас не могут. А он никогда никого не забывал, после съемки обязательно: «Спасибо, ребята!»...

Потом были большие дебаты на худсовете по утверждению нас с Высоцким. Меня никак не хотели утверждать на роль, потому что предлагался совершенно другой тип актрисы: красивая рыбка — тот стереотип революционерки, который существовал в те годы... Володю тоже не утверждали, но по иным причинам». (8)

«На роль Бродского пробовались и другие хорошие артисты. И на первый взгляд, может быть, их пробы выглядели убедительней. В общем, Володя Худовет проиграл, большинство было против. Ленфильмовцы были против по простой при-

¹ 21 мая 1967 года в московском Театре сатиры состоялся премьерный спектакль «Интервенция» с А. Папановым в роли Бродского.

чине: они считали, что он сугубо театральный актер, что он никогда не овладеет кинематографической органикой. Они говорили, что его достоинство — для театра, даже для эстрады. Я попытался спорить, но не выиграл. Тогда я сказал, что так, как Высоцкий, будут играть все актеры, что это эталон того, как должно быть в картине. Или же я отказываюсь от постановки». (1)

«Однако чем дальше, чем выше по чиновно-иерархической лестнице продвигались мои кинопробы, тем проблематичнее становилась вероятность его утверждения. Для руководства Высоцкий в это время был прежде всего автором известного цикла песен (назовем его условно «На Большом Каретном»). И все-таки Высоцкого удалось утвердить, прежде всего потому, что его кандидатуру поддержал крупнейший художественный авторитет тогдашнего «Ленфильма» — Григорий Михайлович Козинцев». (3)

«Я (...) столкнулся с ним очень поздно, к сожалению, в его последние годы. И, зная его только в последние годы, понимаю, сколько он мог дать как педагог. И еще хочу сказать о благородстве Козинцева: он не только помог утвердить Высоцкого, но и, когда с картинной стали происходить сложности, он тоже появлялся. Он вообще появлялся тогда, когда было плохо. И употребил все свое влияние, чтобы судьба картины была благополучной...

Я вообще думал о нем [Козинцеве] в связи с Шекспиром. Он говорил, что Шекспир и Высоцкий где-то близко, [«Так, как Козинцев знал Шекспира, мало кто знал. Помимо того, что он был режиссером, он был очень крупным шекспироведом» — Э. Рязанов.] Он говорил о том, что хотел бы снять фильм, где в главной роли — шекспировские роли — должен был Высоцкий. Хотя он не называл пьесы». (1)

«Мы с ним оба были утверждены на роль, хотя его утверждение проходило трудно. Но тогда он поразила меня тем, что больше переживал за Валеру Золотухина, так добиваясь, чтобы он играл моего «сына» — Женю

ку Ксидиас, очень ему полагал». (16)

«Мы оба недовольны были ролью Женюки, а на Женюку пробовался его большой друг Всеволод Абдулов. И Володя очень переживал. Приехал, попросил меня показать ему эту пробу. После просмотра пришел чернее тучи. И говорит: «Севочке эту роль играть нельзя. Он артист хороший, но это не его дело».

Привел Валерия Золотухина. Сказал: «Я с Севочкой поговорю, а Валерочка — то, что надо». В момент эмоционального взрыва, когда он стремился что-то внушить, он переходил на уменьшительные имена...

«Кто-то мне сказал, что это безжалостно. А я думаю, нет. Это очень трудно совершить — отказать своему другу. Это требует мужества!» (1)

«Хорошо помню первый съемочный день (...): во втором ателье «Ленфильма» стояла декорация с огромными кариатадами (...). В съемке были заняты несколько актеров, был и Володя, но он, по-моему, в этот день не снимался, а просто пришел посмотреть...

Эта съемка была как бы пробной: мы что-то отсняли, поставили гаалочку, что «начали съемочный период» (...), а в Одессу на натуре мы выехали (...) во второй половине июля. Почти вся киногруппа ехала поездом [но] Володя (...) с нами не ехал, он был занят в спектакле и прилетел потом отдельным. (7)

«Высоцкий приезжал (...) при первой возможности, даже если не был занят в съемках. Он появлялся, улыбаясь, ощущая себя «прекрасным сюрпризом» для всех присутствующих. Потом шел обряд обниманий, похлопываний, поцелуев: от переполнявшей его доброжелательности доставалось всем, в том числе всеобщей любимице, осветительнице Тоне [А. В. Иванова]. Затем Высоцкий шел смотреть отснятый материал». (3)

«Приходил счастливый после просмотра. Он вносил дух бригадной какой-то работы, коллегиальной, когда все были раскрепощены. Это всегда (...). Отсюда его подарки всем, отсюда участие в личной жизни...

Если у кого-то несчастье, он

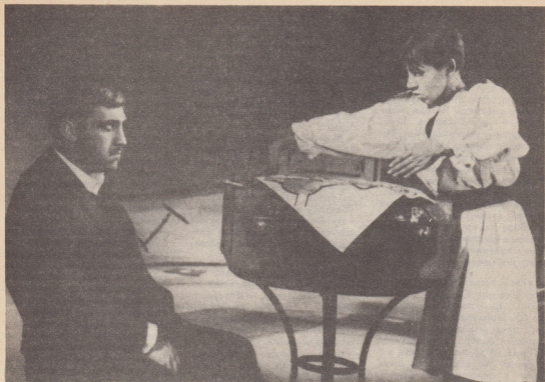
включался, доставал что-то, привозил и т. д. Хотя особых возможностей он тогда не имел. Были случаи паразитальные. Когда нужно было собрать на съемку людей, а людей не хватало, то он лез на эстраду и пел.

Однажды нас жена первого секретаря Одесского обкома пыталась выгнать со съемочной площадки, их жилой дом стоял рядом, мы им мешали: громкие команды раздавались. Володя туда пошел, что-то говорил, шумел, убеждал — нам разрешили». (1)

«В Одессе Володя снимался не много. Я помню его только в нескольких сценах: «Марш интервентов» — это когда французы вступают в город, а вся Одесса стоит на берегу и по-разному реагирует на это дело (...). Все мы работали в плавках, а бедные артисты маршировали или приветственно кричали, будучи одеты по полной парадной форме. Володя снимался в пиджаке и в галстуке. Рядом с местом съемок, в кустах, администрация организовала для актеров что-то типа душа. Володя прибегал и окатывался водой почти после каждого дубля». (7)

«Начало фильма: Одесса, колоннада, Воронцовский дворец — там это снималось. Пекло, страшный зной, жара невыносимая. Володя в костюме, в котелке, в корсете, в платье с драгоценностями, в шляпе, в мехе. Это было что-то невозможное! Там у нас играл один негр — он был министром культуры какой-то африканской страны, проходила практику у Товстоногова — и он упал в обморок во время съемок! Мы все были потрясены: «Как же так, Али? Почему? Ведь ты же — негр!» А он говорит: «Нет! Мы в такую жару не работаем...» Нет, конечно, сильное артиста среднерусской полосы — он все выдержит!...» (16)

«Еще помню Володю на съемках в порту, он там был занят в сцене на корабле (...) — у подполыщиков там была комната, как и в ней Бродский-Воронцов (...) переодевался, уходя от слежки. А остальные сцены с его участием снимались, по-моему, уже на «Ленфильме» после нашего возвращения из Одессы в конце сентября». (7)

«...У меня есть план!»
В. Высоцкий и Г. Ивлиева в
фильме «Интервенция».

«Задолго до его утверждения в «Интервенции» Высоцкий стал заниматься эскизами к фильму, выяснять, где будет натура. Встречался с композиторами, ходил на съемки других актеров (...). Вообще, когда (...) о нем говорят, что он был жесткий человек, я ничего не могу вспомнить. Я вспоминаю такую располагающую доброту, которая открывала людям. Все было свободно с ним, было всегда легко. Я только одного вспоминаю актера такой же щедрости, как он, — это Луспекаев. [Он] так же раздаривал детали, краски, как и Высоцкий. Я могу по каждой роли в картине сказать, что подсказывал Высоцкий даже для таких актеров, как Копелян, который был мастером...

Его партнерами были корифеи, просто букет замечательных актеров. Но его положение все равно было особое, хотя он не был в то время так знаменит и известен, как, скажем, в последние годы. В чем оно заключалось? В том, что он был моим сорежиссером по стилю. Мы за-

думали с ним мюзикла, но не по принципу оперетты, которая строится на чередовании диалогов и музыкальных номеров. Мы решили обойтись практически без номеров. Зато все действие насытить ритмом, и только в кульминации вдруг «выстрелит» номер. Решили ставить фильм так, чтобы не было просто бытовых разговоров, а все сцены, все диалоги были музыкальны изнутри». (1)

«Я там пел. Я писал туда песни, в эту картину (...). Их [музыку] писал композитор Слонимский на мои слова». (10)

«Однажды Володя пришел и говорит: «Вот, Санька, песню тебе сочинил...» Не мне лично, разумеется, а для моей героини. По идее, я ее должна была исполнять в картине². Но песня туда не вошла, вошла только музыкальная тема. Она начинается в кабаре, а потом лейтмотивом звучит в сцене погони». (8)

² Текст «Песни Саньки» опубликован в сборнике «Я куплет допов». — М.: ВТПО «Киноцентр», 1988.

«Мне бы хотелось, чтобы фильм был организован по законам музыкальной драматургии, чтобы в нем была использована пластика и даже балет. Жест и мизансцену я буду строить вместе с балетмейстером. Речь будет построена музыкально. Когда я начну работать с композитором, некоторые фразы будут ритмически меняться, в зависимости от музыки». (2)

«В одном из эпизодов руководитель подполья Бродский-Воронов танцует испанский танец. Это было сделано виртуозно. Геннадий Полока рассказывал, что балетмейстер, поставивший танец, очень высоко отозвался о Высоцком как о танцовщике...

Жаль, что в картину — даже в (...) реставрированный вариант — не вошло несколько эпизодов с участием Высоцкого». (17)

«У нас не было никогда никаких разговоров о том, как мы сделаем ту или иную сцену. Все это они с Полоком между собой обговаривали. Я помню жесты Высоцкого, когда он буквально на пальцах показывал Геннадию Ивановичу свои очередные задумки. Ну и, разумеется, в лю-

бой сцене он потом был ведущим». (8)

«У Высоцкого с Полокой сложились необыкновенно теплые отношения. Они подолгу о чем-то беседовали и просто искали общения друг с другом. Нам со стороны было просто приятно на них смотреть. Володя очень активно интересовался всем, что происходило в картине. Он приходил на съемки даже в те дни, когда сам не снимался. Садился, смотрел и — это запомнилось — очень ягно общался со всеми. Всегда был веселый, заряженный на работу, готовый помочь любому. В общем, весь он был, как ртуть, как такой комочек энергии, и все работавшие в картине старались быть к нему поближе». (7)

«Меня тогда поразило свободное общение Геннадия Ивановича и Высоцкого, совершенно не укладывающееся в рамки моих представлений о субординации актера и режиссера. (После, на других картинах, я с горечью убедилась, что была права в своих первоначальных представлениях, а их отношения дружеские — исключение. К сожалению, я с этим столкнулась на первом моем фильме. Почему «к сожалению»? Потому что к хорошему легко привыкаешь, а потом...) Полока его как-то ласково все время называла: Володечка, Вовочка, Володенька. Чувствовалась, что они хорошо знают друг друга и очень уважают. Какие-то творческие разговоры у них все время были. И меня это поразило: мой партнер что-то постоянно сам придумывает, изобретает, а режиссер вроде бы только кивает. Ну, например, в одной из сцен Высоцкий, вставая из-за стола, нечаянно, задевает головой лампу, висящую над ним. Самое естественное: ой, извините! или чертыхнуться. А он тут же говорит: «Вот! Гена, там еще есть подобная сцена, — так я и там ударяться буду». То есть он мгновенно нашел характерный ход. Или когда случайно вбежала в кадр собака, Высоцкий сразу: это находка!» (8)

«С самого начала, с первых шагов, он стал единомышленником режиссера (...). Высоцкий четко сразу уловил одну струну, которая его лично как артиста сближала с героем. Дело в том,

что Бродский — конспиратор. Он все время кем-то притворялся, то моряк, то грек... Он все время натягивает на себя разные личины, играет. И только оказавшись в тюрьме, перед лицом смерти, он вдруг испытывает освобождение и остается самим собой. И это, оказавшись, наслаждение, это — свобода.

Это очень поразило Высоцкого и в пьесе, и в сценарии. Он именно за это ухватился, считая, что здесь — соединение судьбы актера и героя. Он тут же решил, что нужно написать «Балладу о деревянных костюмах». Вот этой балладой должна кончиться роль и должна кончиться жизнь этого человека». (1)

«Я снимался в (...) Одессе, в двух разных картинах. Одна из них называется «Интервенция» (...). В этой картине я играл роль большевика-подпольщика Бродского — очень рискованного человека, который действовал в Одессе. Его фамилия Ласточкин была — это (...) просто переименовали фамилию в литературе. А это был известный (...) революционер». (9)

«Его именем названа улица в Одессе. Это был удивительный человек — вездесущий, такой неуловимый Янус. Его знали все, его искали, за него предлагали большие деньги интервентов, когда они пришли (...) в Одессу. А [он] (...) вместе с группой (...) — еще несколько человек (...) — проводили агитацию в войсках интервентов. И это закончилось полным провалом интервенции, потому что французские солдаты отказались стрелять в наших. И он был арестован. Его пытали, и потом его повесили (...). Он умирает с сознанием исполненного долга». (10)

«Я играю там (...) человека, который сделал (...) все, что возможно в этой жизни (...). И потому он идет на смерть без истерик, довольно спокойно, понимая: ну что ж, так пришлось. Он выиграл все-таки, несмотря на то, что погибает». (9)

«Летом 67-го в Одессе, где снималась натура картины, мы встретились с Высоцким (...). Невысокий, хорошо сложенный, выглядит старше и мужественнее своих неполных тридцати.

Разговаривая, смотрит в глаза собеседнику. Уважительно выслушивает. Быстро и четко формулирует свою мысль.

До «Интервенции» у меня за плечами был опыт работы в тридцати картинах (...) в качестве режиссера трюковых эпизодов (...). Постановщик трюков должен быть психологом, чтобы безошибочно определять психоэмоциональное состояние актера или каскадера перед съемкой, их готовность и решимость выполнить задуманное, а в непредвиденных ситуациях мгновенно принять правильное решение, часто единственное.

Чтобы выяснить, на что способен Высоцкий, начинаю завуалированные расспросы, но Володя, сразу поняв, куда я клону, стал меня успокаивать, утверждая, что все, написанное в сценарии, и все, что потребуется, он выполнит без дублеров. После первых же репетиций я убедилась, что мои опасения были напрасными. Володя не только легко повторял предложенное, но (...) и сам предлагал все новые осложнения действий». (17)

«К работе Высоцкий подходил очень ответственно. На себя, свои неудобства, внимания не обращал — главное, чтобы лучше получилась картина. Помню сцену в кабаке, где Бродский должен был прыгать с балюстрады. Высоцкий делал это сам. И в каком-то из дублей сорвался, полетел вниз. Было видно, что он очень смутился, когда упал. Но самое удивительное, он не прервал сцену. Была небольшая заминка, секундная пауза... и он дал знак продолжать. Мы все ахнули, замерли. И подбегать нельзя, узнать, сильно ли он ушибся, — съемка-то продолжалась.

Или когда он по бочкам бегал... Высоцкий долго ходил около них, просматривал, вымерял, что-то про себя рассчитывал. А затем уже при съемке, когда я замешкалась, — слышу, он кричит: «Да беги же ты!» То есть он успевал и сам играть, и за сценой следить — меня вести. Словом, все делал сам, хотя можно было воспользоваться услугами дублеров — они у нас были. И Геннадий Иванович говорил: «Володя, давай лучше ребенка сделают». А Высоцкий

отвечал: нет, нет, нет... Для меня это было первое столкновение с таким каскадерством». (8)

«В Одессе мы готовили сцену захвата контрразведкой интервентов Бродского и его товарищей в кабачке «Взятие Дарданелл», но этот эпизод снимался через несколько месяцев в павильоне «Ленфильма», где была выстроена декорация. Геннадий Полока задумал провести схватку на круглой танцевальной площадке, и мы начали репетировать. Но Высоцкий предложил использовать балюстраду балкона, с которого лестница спускалась прямо в зал. Он сказал: «Пусть за мной гонятся солдаты, я избегаю по лестнице, деремса наверху, я их разбрасываю, прыгаю через перила вниз, и здесь мы продолжаем сцену».

Я засомневалась. Высота перил около пяти метров. Площадка — в кадре; маты не положишь, а прыгать на дощатый пол опасно — недолго подвернуть ногу, но Володя так настаивал, что пришлось уступить. Все это он выполнил. Снималось несколько дублей, и в каждом он прыгал вниз, но в одном кто-то, испугавшись, крикнул: «Стоп!» Володя пытался в полете ухватиться за перила, но полетел на пол. Этот дубль и вошел в картину». (17)

И. Саввина и В. Высоцкий.
«Служили два товарища». 1967 г.

«Участие в этом фильме было для меня большой школой в плане опыта работы в кино. Стиль Полоки заключался в том, что он ничего не навязывал, не разъяснял: мол, ты сделаешь так... А Высоцкий прекрасно чувствовала себя в ситуации, когда на него не давили. Он все время искал свои ходы — наиболее естественное поведение человека, попавшего в определенную ситуацию. Но в то же время он все брал на себя, вел действие и партнеров увлекал за собой, то есть все начинали играть в его ключе. Так что в картине много режиссуры Высоцкого — Геннадий Иванович это позволял...

На съемках Высоцкий никогда не капризничал, всегда терпеливо ждал, когда его загримируют, побреют, оденут. А преобразиться ему приходилось часто: его старили — все время белым мелом седили виски, немного поднимали: каблуки делали очень большие, даже лавочки подставляли, когда в кадре партнеры были выше ростом.

Вообще он работал очень раскованно, свободно общался с актерами, с членами съемочной группы. Меня он сразу стал звать — Санька, никак иначе не называл. Хотя, честно говоря, сцены со мной ему очень трудно давались. Я тогда, конечно, не была еще профессиональной актрисой и действовала в кадре

чаще всего бестолково. Ну, казалось бы, простая сцена: я соскакиваю с машины, наклоняюсь над Высоцким, а он меня подхватывает и швыряет обратно на сиденье... Надо было, конечно, помогать ему. Делали несколько дублей. Сейчас, когда я смотрю крупный план, вижу: у него даже капельки пота на лице выступили от напряжения. Представляете: из очень неудобного положения, сидя, поднимать меня и швырнуть в машину, да еще несколько раз! В этом смысле я — ему, конечно, не помощница — он все брал на себя. Но главное, он никогда не бросил мне за все время съемок ни слова упрека — ни разговоров, ни взглядов косых (это на других картинах потом — страшно вспомнить!). Как с партнером, с ним работать было прекрасно. Никаких трудностей я не испытывала. Это меня раскрепощало и позволяло в конце концов успешно справиться с ролью...

Когда объявили, что завтра будет сниматься сцена в лодке, меня никто не спросил, умею ли я плавать. Я очень боялась. Боже, как я боялась! И сказать вроде неловко. Но я была такая послушная и исполнительная, что про последствия не думала, вроде бы утонуть — входило в программу и было не главным. А главное — как же я нырну, ведь не умею же! Я пошла к Геннадию Ивановичу, говорю: «А можно я «солдатиком» нырну?» — потому что «солдатиком» я бы еще смогла... Тот, видимо, не понял: мол, каким еще «солдатиком»? Прыгай как положено!

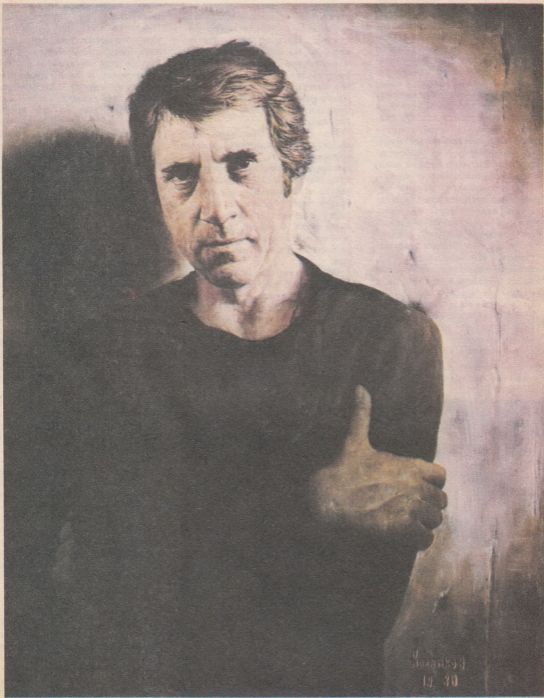
Но вот утро. Выехали. Высоцкий на веслах, впереди неподалеку режиссер с мегафоном. «Внимание! Мотор! Володя, правее лодку!» Высоцкий подгреб, как просили, и говорит мне: «Видишь, где камера?» — «Ви-и-жу». — «Как вынырнешь, плавь прямо на нее. Только смотри, не уйди из кадра. И сразу выныривай, потому что — секундомер...»

А я смотрю: воды ужас сколько — Черное море! Вдруг на полном ходу на нас несется катер, и у меня такое ощущение, что он сейчас в нас врежется. Я только ойкнула и ухватилась за борта. Высоцкий говорит: «Не бойся, это волны делают, ведь шторм...» Катер начинает

Владимир Высоцкий

«Мой Гамлет», 1980 г., 80x60 см, холст, масло. Художник Виктор Калмыков.

ходить кругами, лодка раскачивается. Тут команда: «Мотор! Приготовились! Пошла!»

Я как будто приклеилась к скамье, состояние жуткое. Но переселила себя, поднялась (прыгать надо). И тут он, видимо, все понял, спрашивает шепотом: «Санька, ты плавать-то умеешь?» А я уже рта раскрыть не смогла, только глазами сказала: Володя, прощайте, я не умею плавать — и пошла...

Я даже не нырнула, а как-то нелепо кувыркнулась (уж не знаю, что там стало с этими операторами!), как-то оказалась на поверхности, вдруг слышу: «Вперед! Не поворачивайся!» — и Высоцкий ныряет за мной. Чувствую — есть опора, он меня поддерживает, говорит: «Санька, не бойся, давай, работай, вперед, молодец...» И я первый раз в жизни на этом фильме освоила стиль «саженками» — у меня был такой тренер! Он меня поддерживал как-то, а сам в кадр не входил (он, видимо, знает границу кадра. И теперь я смотрю: на экране видно, что я плаваю, он сзади, но его не заметно. То есть Высоцкий и меня спасал, и съемку, — понял, что второй раз меня уже ни за что не заставишь прыгнуть). А потом меня втащили в лодку, накинули прорезину, и я долго не могла понять, что же произошло». (8)

«Окончили мы съемки, картина получилась двухсерийная. Когда ее показывали у нас на студии, все в восторге были — мы, конечно, пристрастно относились к «Интервенции», родное ведь, свое. И с нетерпением ждали выхода ее на экран. Но вдруг пошли слухи, что нашу картину замариновали, положили на полку. Почему?! Говорили, что, дескать, уменьшена роль подполка, что бандиты действуют лучше подполщиков, что Полока сильно отошел от сценария Славина и снял не юбилейную картину об Октябрьской революции, а какую-то клоуниаду-буффонаду. Говорили даже, что одному большому киноначальнику не понравилось, что главаря бандитов зовут Филиппом — он в этом усмотрел намек на себя...

Потом очень долго партийная организация «Ленфильма» требовала, чтобы картину показали нам и дали самим высказать

свое мнение. Чтобы мы сами смогли разобраться, что уж там вышло такого «анти». Нам обещали, но так ни разу и не показали. Вернее, был какой-то «застрыгнутый» просмотр, куда допустили лишь несколько человек из съемочной группы, а всей массе партийцев «Интервенцию» так и не показали. Потом долго ее доснимали, дорабатывали, но все равно фильмом не приняли в Госкино. А потом якобы вышел приказ вообще смыть все пленки. Я не знаю, как Полоке удалось сохранить один экземпляр...

Мы все очень переживали такое окончание нашей работы (...), но я не представляю даже, каково было все это вынести и Полоке, и Володе — ведь они всю душу вложили в картину и связывали с ней большие надежды. А получилось, что «Интервенция» очень осложнила их кинематографическую судьбу». (7)

«Мы не один год возились с картиной: озвучивали, переозвучивали — все варианты. Затем доснимали что-то и опять озвучивали — никак не могли закончить. Потом картину очень долго сдавали. Каждый раз приезжали какие-то комиссии, что-то выясняли. Меня спрашивали: как, мол, вам тут работаетесь? Чувствовался во всем этом какой-то подвох. Настроение у всех падало по мере того, как проходило время. Шли разговоры, что картину закроют, ощущалась какая-то безысходность...

Помню, мы приехали в Москву защищать фильм. Остановились у Высоцкого. Он жил далеко очень, где-то на окраине, в пятиэтажном доме. Скромная квартира, две комнаты (...). Мы просидели всю ночь не сомкнув глаз — Полока, Золотухин, я, Высоцкий, кто-то еще, — ждали следующего утра, когда должна была решиться судьба фильма. У Полоки на следующий день должен был состояться разговор в ЦК. Все очень переживали: Золотухин чуть не плакал, Высоцкий много курил, Полока молчал, но так молчал, что делалось страшно. Володя сочинил письмо в ЦК. Он просил от имени всех участников съемки не закрывать картину.

Утром Полока пошел в ЦК с

этим прошением. Но все было бесполезно. А то письмо, как рассказывал Геннадий Иванович, до сих пор осталось без ответа». (8)

«[Володя] очень был заинтересован в результате. Когда с картиной начались сложности (а я уже говорил, сколько он ставил на эту роль), для него было это потрясением. Он написал письмо в защиту фильма и попросил подписаться всех актеров. Именно актеров, не меня. И что было поразительно в этом документе — не было демагогических фраз, выражений, даже цитат из газет. Высоцкий этого себе не позволял. Он даже назвал его прошением, но ничего унижительного в этом человеческом документе не было». (1)

«Весть о том, что картину положили на полку, была для него тяжким ударом. В числе основных обвинений в адрес «Интервенции» было «изображение большевика Бродского в непопозвоительной эксцентрической форме».

Трудные наступали времена...» (3)

«Двух совершенно противоположных людей я играл одновременно, и снимали мы это в Одессе (...). Второй человек, который находится по другую сторону баррикад, — он действует тоже в девятнадцатом же году и тоже в городе Одессе, и тоже примерно в таком же возрасте. Только это был белогвардейский поручик Брусенцов». (9)

«Не предполагал совсем, что буду здесь так долго торчать, — думал, что буду в Измаиле, но тут на днях пришла «успокоительная телеграмма» — Не волнуйтесь... тчк. Ваши съемки — сентябре. Я был прямо в ужасе. Ведь в сентябре — театр и павильоны «Интервенция» в Ленинграде. Как быть? Дупак здесь, я ему сказал про «2-х товарищей». Он реагировал не бурно, и я малехо успокоился. Ладно! Бог с ним, а то и так голова кругом идет...

...А у Вити Турова во время этой злополучной поездки успел я чуть-чуть сняться, теперь должен лететь в Минск на 2 дня спеть на свадьбе «А вот явился к нам они — сказали «Зрастес. Спою и уеду, как спую, так

сразу и уеду... А что мне еще — спел, да уехал. Все эти поездки мелкие съемки хочу закончить до 20 числа, после чего поеду в Измаил и заставлю что-нибудь снять, чтобы было легче потом. Еще надо вспомнить себя на лошадях и познакомиться со своей новой лошадкой, которая будет играть Абрека. Это лошадь, которая в сценарии.

Мое утверждение проходило очень трудно. Т. е. все были за меня, а Гуревич, тот, что начальник актерского отдела на «Мосфильме», кричал, что дойдет до Сурина³, а Карелов тоже кричал, что до него дойдет. Тогда Гуревич кричал, что он пойдут к Баскакову⁴ и Романову⁵, а Карелов предложил ему ходить везде вместе. Это все по поводу моего старого питья и «Стряпухи» и Кеосаяна. Все решилось просто. Карелов поехал на дачу к большому Михаилу Ильичу Ромму, привез его, и тот во всеуслышанные заявил, что Высоцкий де, его убеждает, после чего Гуревич мог пойти уже только в ж...,, куда он и отправился незамедлительно...»⁶ (13)

«Режиссер Евгений Карелов, для которого мы написали сценарий фильма «Служили два товарища» [«Мосфильм», 1968 год. Роль: поручик Брусенцов. Фильм вышел на экран 21 октября 1968 года.— Лвт.], сказал, что хочет попробовать на роль поручика Брусенцова актера с Таганки Высоцкого (...). Впрочем, сам Карелов относился к своей идее с некоторой робостью. В кино действовало железное правило, каким должен быть поручик: эталоном служил аристократически красивый Говоруха-Отрок из «Сорок первого» в исполнении Олега Стриженова. Мы посмотрели кинопробу и поняли, что именно таким, как его играл Высоцкий, и должен быть Брусенцов. Да, невысокий, крижистый, какой-

то «непородистый». Зато в каждом движении — характер, яростный темперамент, а в глазах — тоска и ум.

Когда в просмотровом зале зажегся свет, оказалось, что пришел посмотреть на себя и сам Высоцкий. Он сидел, слегка смущенный, застенчиво улыбался и, по-моему, не очень верил в то, что роль отдадут ему: знал, что стереотип режиссерского мышления — великая и недобрая сила... (Надо сказать, что Карелов на всякий случай уже попробовал на роль Брусенцова и Олега Янковского. Получился совсем неинтересно: Олег играл на пробе всех поручиков, которых видел до этого в кино. А вот когда ему досталась в этом же фильме роль Некрасова, он сыграл его, по общему мнению, просто великолепно — и ни на кого не похоже)». (6)

«Судьба подарила мне радость сниматься в фильме Е. Карелова «Служили два товарища», в котором были заняты актеры, впоследствии ставшие ведущими актерами советского кино: А. Папанов, И. Саввина, В. Смехов, Ю. Бударайтис, Р. Быков, О. Янковский и Володя Высоцкий.

Сценарий Фридом и Дунским был написан прекрасно. Е. Карелов работал над фильмом с удовольствием, в легкой ироничной манере. Вообще, надо сказать, в этой компании было какое-то бурное присутствие интеллекта и юмора. Мне, человеку новому в кино и провинциальному, было очень интересно наблюдать все это со стороны.

Сперва моя проба была на роль поручика Брусенцова. Но то ли опыта не хватало, то ли таланта — пробу не прошел. Тогда предложили сыграть полковника Васильчикова. У нас образовалось трио: Высоцкий, Смехов и я — «белая гвардия»... К сожалению, монтаж потребовал подрезать сцену с Бароном, но вообще-то режиссер относился к сценарию бережно, почти ничего не переделывал.

Первая встреча с Володей была обычной — на съемках (в землянке). Появился невысокий человек с хриплым низким голосом, ничем меня, в общем, тогда актеры не поразивший, хотя от его друга В. Смехова я слышал восторженные отзывы о

Володе, как о прекрасном актере театра, о его Хлопуше и т. д. Теперь, когда прошло столько времени, когда многое пришлось переосмыслить, многим перекипеть, оцениваешь истинную величину его личности. Воистину, большое видится на расстоянии. Он был гениальный трубадур времени.

В перерывах между съемками Володя дарил нам свои песни, которые на нас производили удивительное воздействие: ведь время-то какое было — шестидесятые годы! После съемок Высоцкий с гитарой ехал в интерклуб, где пел, пел до утра...» (14)

«По-настоящему я познакомилась с Высоцким на съемках фильма «Служили два товарища», хотя в действительности мы были уже знакомы раньше, даже снимались вместе лет за пять до этого в картине «Грешница». Но, к стыду моему, я Володю напрочь забыла — и съемки эти, и его самого. Потом иногда сталкивались, и я еще удивлялась: молодой человек, совершенно мне незнакомый, так приветливо здоровается и разговаривает, словно хорошо меня знает. Это уже потом Володя напомнил мне те ранние съемки...

Самое смешное в том, что я знала: существует такой поэт — Высоцкий. Песенник. И пела его везде. Актер Высоцкий тоже был мне известен. Но эти две фамилии никогда в сознании не соединялись. И лишь когда мы начали сниматься — это был первый съемочный день — и в перерыве пошли перекусить (не в буфет — в комнату группы: бутербродики там какие-то, чай), то там стояла гитара. Володе ее дали, и он начал петь. Он был легким на подъем, особенно тогда: вот стоит гитара, он ее берет и поет. И первое, что я услышала от него лично, было «Лукоморье». Когда он спел, я в ту же секунду влюбилась в его песни. Ну абсолютно, понимаете? Вся целиком, без остатка. Вокруг тоже восприняли его пение с восторгом. Тогда он воодушевился, спел еще несколько песен (уже не помню сейчас, каких), и я, что называется «с открытой vareжкой», спросила: «Володя! А кто все это сочинит?» Он посмотрел недоумоно, и вся

³ Сурина В. Н. — генеральный директор киностудии «Мосфильм» (в те годы).

⁴ Баскаков В. Е. — заместитель председателя Комитета по кинематографии.

⁵ Романов А. В. — председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР (ныне Госкино).

⁶ Печатается с сохранением орфографии и пунктуации автора.

труппа с явным подозрением, что я немножко не в себе... И только поняв по моему лицу, что я не издеваюсь, а действительно — темнота непробудная в этом плане, он спокойно сказал: «Моя жена! Все песни мне сочиняет моя жена». Вот после этого до меня и дошло, что это один и тот же человек». (15)

«Поручик Брусенцов, которого я играю в фильме «Служили два товарища» (...) — человек очень талантливый, смелый, сильный, умеющий воевать и любить. Но только, к сожалению, он не понял, куда идет Россия, оказался по другую сторону баррикад (...). Он такой пир во время чумы (...) устраивает — свадьбу (...) перед самым отъездом. И как только оказывается на палубе парохода, понимает, что он теряет Родину. Он пускает себе пулю в рот на палубе уходящего за границу парохода. И он падает, и над ним смыкаются волны, и даже никто не обратит внимания: был человек — и нет человека». (9)

«Роль Брусенцова он сыграл превосходно, и, кажется, сам остался доволен этой своей работой. Правда, существует легенда, будто в готовом фильме линию Брусенцова по приказу начальства сильно сократили, вырезав все самое интересное. Жалко разрушить миф, но что поделаешь, приходится.

При окончательном монтаже выпали два небольших эпизода — и вовсе не по указанию свыше. Каждый, кто хоть немного знаком с кинопроизводством, знает: в отснятом материале часто возникает другой ритм, другие акценты — не те, что были в сценарии. Так и здесь: линия Брусенцова вылезла на первый план. Отчасти благодаря яркой игре Высоцкого, отчасти потому, что у Янковского и Быкова, игравших Некрасова и Каркина, по разным причинам выпало несколько сцен.

И чтобы исправить крен, режиссер — при полном нашем понимании и с нашего согласия — вырезал сцену в каюте катера, где Брусенцов объясняет сестре милосердия Саше (ее играла Ия Саввина), как важно после ухода из Крыма не потерять себя в каком-нибудь Лон-

доне или Лиссабоне, остаться Белой гвардией, быть, как пули в обойме, — всегда вместе, всегда наготове... Отличная получилась сцена! Но раз уж надо было чем-то жертвовать, мы решили — с болью в сердце — отказать от этого куска: характер поручика был уже «сделан» в других эпизодах.

А еще одну сцену (...) пришлось вырезать совсем по другой причине. В павильоне построили декорацию ресторана, куда разгневанный Брусенцов должен был въехать верхом на своем Абреке. Высоцкий играл хорошо, а лошадь плохо: шаркалоса из стороны в сторону, не хотела в нужных местах вставать на дыбы. Словом, эпизод не получился. Пришлось заменить его коротенькой и довольно суматошной сценкой на натуре, где Брусенцов подсакивает как какой-то веранде и выкрикивает оскорбления в лицо расте-рявшемуся генералу.

Вот и все. Других купюр не было». (6)

«Легенда» о значительном куйровании роли Брусенцова в фильме создана, видимо, не на пустом месте. Об этом неоднократно говорил в своих выступлениях сам Высоцкий, это подтверждают и его коллеги. Акт.

«...Роль (...), которую я сыграл в «Служили два товарища», — к сожалению, от нее осталась третья часть. Даже по этой части, кто видел, вы можете судить о том, что бы[л] это очень интересный образ (...) У меня [от него] почти ничего не осталось [в фильме] из-за того (...), [что] у нас [актеры] права голоса нет. [Когда] они посмотрели, получилось, что это [т] белый офицер — единственный, [кто] вел себя как мужчина. А остальные... Один там молчит, а другой все время пытается нас потешить (...). Очень проигрыва[ют] Быков и (...) Ян[к]овский, — но не они как артисты, а их персонажи рядом с моим. И поэтому что, значит, делать? — Ножницы есть (...). И почти ничего не осталось от роли. Я думал, что это будет лучшей ролью, которую мне удастся вообще сыграть когда-нибудь в кино. И так оно, возможно, и было бы, если бы дошло до вас то, что было снято. Но этого не случилось». (11)

«Я долго этот фильм не смотрела. По принципу «назло своей маме отморозила уши», потому что нашу лучшую сцену с Володей вырезали и выбросили. Мне ее так жалко, ну просто не передать! Как он там работал, сколько было любви, сколько нежности у этого Брусенцова. По фильму он резкий, озлобленный, а тут был нежнейший человек, любящий. И вот эту сцену вымарали. Я так тогда негодовала, была просто вне себя!

Это была так называемая «постельная сцена», но с очень серьезным разговором, в котором, в общем-то, и раскрывается характер этих героев — людей, перемотанных временем, — их трагическая судьба. Когда Карелов пригласил меня на эту роль, то я сначала подумала, что и играть-то там нечего. Но потом, поразмыслив, решила, что это, ну, как бы судьба Цветаевой, но без ее таланта. У женщины этой не было другого таланта, кроме таланта любить и быть женщиной. Ведь когда он застрелился, у нее ничего другого в жизни не осталось. Ничего. И — гибель.

А он — он тоже не представляет себе, как можно существовать без России, без Родины. А Родину у него отняли, распотпали. Поэтому он в результате стрелится.

И уж больно хорошая сцена получалась, где два человека, оба выброшенные из этой жизни, рвутся куда-то от своей земли, но, кроме нее, ничего другого не могут себе вообразить. И ничего у них не осталось, кроме их любви. И выбросили эту сцену именно затем, чтобы не показать, будто бело-гвардейцы могут так любить. Они на фоне других персонажей очень выигрывали, становились главными. Допустить этого было нельзя...

Готовили мы эту сцену долго. Никак не получалось начало естественным: формально чужие люди — и вдруг близость. Я в конце концов вспомнила свое естественное движение: еще в детстве, когда меня мама будила или тетя, я немедленно вскакивала, повисала у нее на шее, все еще продолжая спать.

Так мы и сделали. Все происходит в каюте парохода. Она прикорнула на диванчике, спит. Он появляется, присаживается,

дотрагивается до нее, чтобы разбудить. И это инстинктивное движение — обнять руками во сне. Когда она просыпается и видит себя в его объятиях, то уже поздно... Родное существо.

Кстати, в это время «Мосфильм» посетила королева, то ли ирландская, то ли бельгийская, — не помню. Она пришла к нам на съемочную площадку, и у меня даже где-то была фотография, на которой Володя демонстрирует ей бутылку водки, с которой он приходит ко мне в каюту. Очень занимательная фотография.

Сцена наша снималась на «Мосфильме» в декорациях. Получилось прелестно, все было восхищены. А когда она вылетела, то там дальше следует уже венчание, и становится просто непонятно: откуда это, почему? Какие-то эпизодики... Где они успели полюбить друг друга? А может, и не полюбили, а вообще неизвестно что... Жаль сцену. Володя ее тоже очень любил. Она делала характер Брусенцова шире, обаятельнее, мощнее, трагичнее». (15)

[Действительно, финал картины несколько смазан. В опи-

санный сцене было ясно показано, что без Родины Брусенцов не жить. Поскольку это осталось за кадром, становятся не совсем понятны его дальнейшие поступки, особенно самоубийство. Ведь на корабль-то, куда Брусенцов так рвался, — он попал. Не из-за лошади же он стреляет в себя? И уж тем более — не в лошадь! Хотя у многих зрителей сложилось, вероятно, именно такое впечатление. — Автор.]

«Почему-то все думают, что я в лошадь стрелял. И [даже] один пьяный человек ко мне подошел на улице и сказал: «Ты почему убил лошадь?!» Вот. Ну я, значит, сказал ему, что я не убивал лошадь. Но как-то странно получается, что все-таки об актерах больше всего судят по тем фильмам, которые они сделали (...), отождествляется личность актера и того персонажа, которого он играл». (12)

[К сожалению, эти заблуждения — и застреленная лошадь, и характеристика игры актера — находят свое отраже-

ние и в некоторых серьезных исследованиях специалистов-кинокритиков. — Автор.]

«Высоцкий (...) в фильме «Служили два товарища» (...) словно бы пришел из «жесточкого» белоэмигрантского романа, где гусарское безрассудство приправлено цыганским надрьвом. Впрочем, играя кавалерийского капитана [!] Брусенцова⁷, Высоцкий стилизовал игру не только по своей инициативе. Сценаристы (...) намеренно обработали две главные линии повествования в песенном ключе. Судьба основных действующих лиц — двух друзей-красноармейцев — навеяна простенькой и душевной солдатской песенкой, о чем прямо свидетельствует взятое из нее название фильма. А капитан Высоцкого и его подруга Мария (...), никогда не появляющиеся на экране в тихие, ровные «промежуточные» моменты своей истории, а только лишь в бурные, напряженные, жизненно решающие, — они, конечно, романсовые». (4)

«И уж совсем по-романсовому душераздирающей пред-

Сцена из к/ф «Служили два товарища».

⁷ Так в оригинале (здесь и далее).

стает в фильме история прекрасного кавалерийского коня, собственноручно застреленного своим хозяином. В соответствии с интонационным каноном такого романа Высоцкий чуть педалировал метания и взвизгивание Брусенцова, судорожность его жестов, лихорадочность решений. (5)

«В роли Брусенцова, оттолкнувшись, как уже сказано, от безэмигрантского романа, актер усилил и буйство, и надрыв своего героя. Он нашел для них социальное объяснение. Одержимость царского офицера он показал как свирепую жестокость (вспомним, как недогнущившей рукой он целится в лоб прекрасного кавалерийского коня, своего верного друга и спасителя, только потому, что на палубе корабля, на котором бегут от красных те, кто их ненавидит или боится, нет места для лошади [Вспомнили, читатели?]) Страсть же Брусенцова в исполнении Высоцкого выглядит истерикой, обреченного. Этот белогвардеец сыгран так, как если бы то был эскиз портрета той же «модели», с какой написан мрачный и трагический генерал Хлаудов в «Беге» Михаила Булгакова. (4)

«Легко угадывается схожесть поведения этих двух вымышленных персонажей после Октября 1917 года, аналогичность последних действий на русской земле (с тем, конечно, что булгаковский герой не мог стрелять в лошадь: в «Беге» действует другой эстетический закон)». (5)

[Вот так! Вплоть до создания альтернативной эстетики на фоне мифически убиенного коня.

Чтобы закончить с «лошадной» темой, приведем еще одно высказывание. — Лют.]

«Попутно опровергну еще одну мини-легенду. Кто-то из поклонников Высоцкого в своих воспоминаниях написал, искренне веря в это, что лошадь, исполнявшая роль Абрека, за время съемок так привязалась к Володе, что, когда потребовалось по сюжету, добровольно и без колебаний прыгнула с причала в море, поплыла за пароходом, увозившим хозяина. Должен разочаровать читателей: все было проще. Два здоро-

венных парня из массовки стояли наготове, упершись в конский круп отрезком водопроводной трубы, и в нужный момент безжалостно спихнули лошадь в воду. Поплыла она, конечно, назад, к причалу, но на экране этого не видно. Можно было бы и умолять об этих деталях, но мне кажется, что способность Высоцкого привлекать сердца — в том числе и лошадиные — так для всех очевидна, что не нуждается в красивом вымысле. (6)

[Другие интересные детали и подробности пребывания Высоцкого в Одессе и его работы на съемках картины «Интервенция» читатели могут найти в книге В. Смехова «В один прекрасный день». — М.: Советский писатель, 1986.

1967 год, пожалуй, рекордный по количеству несущественных творческих замыслов Высоцкого-киноактера. В начале осени, в период кратковременного пребывания в Москве, Высоцкого в очередной раз «прокатили» при утверждении на роль. — Лют.]

«В фильме «Еще раз про любовь» я играла с Александром Лазаревым, а поначалу моим партнером в этой картине должен был быть Владимир Высоцкий. Мы с ним нашли общий язык очень быстро. Обычно, если ранее с актером нигде не работала, «притирка» идет... ну, скажем, определенное время. А тут мы почти экспромтом даже не сыграли — «размяли» одну сцену, посмотрели ее в кинозале — именно то, что надо! Такая свобода, раскованность. Фальши ни грамма. Но, к сожалению, Высоцкий не был утвержден на роль». (18)

[Удалось выяснить дату описываемого события. — Лют.]

Съемочный журнал к/ф «Натasha» [название предварительное]. Ежедневный отчет о работе съемочной группы. 8 сентября 1967 г. Подготовительный период [начало съемочного периода с 26 сентября]. Место работы: к/с «Мосфильм», 12-й павильон. Характер работы: кинопроба. Время работы: с 19.00 до 24.00. Актеры ролевые: Доронина, Высоцкий — 13,50 [это плата за работу].

(Архив к/с «Мосфильм». Архивный № — 2988, связка — 168, опись — 6, страница — 99.)

Материалы, использованные в публикации:

1. Положа Г. Из книги «Четыре вечера с Владимиром Высоцким». — М.: Искусство, 1989.
2. Положа Г. О замысле новой вещи. — «Кадр» (газета к/с «Ленфильм»), 1967, 9 июня.
3. Положа Г. Судьбой дарованная встреча. — «Советский экран», 1988, № 3.
4. Рубанова И. Владимир Высоцкий (буклет). — Бюро пропаганды советского киноискусства, 1977.
5. Рубанова И. Владимир Высоцкий (буклет). — Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства, 1983.
6. Фрид В. Фрагмент для мозаики. — «Владимир Высоцкий в кино». М.: ВТПО «Киноцентр», 1989.
7. Иванова А. Свидание через двадцать лет. — Там же.
8. Акимов Б. Из интервью с актрисой к/с «Ленфильм» Геленой Николаевной Ивановой. Ленинград, 1989, 29 мая.
9. Высоцкий В. Выступление в Донецке, 1973.
10. Высоцкий В. Выступление в строительно-дорожном институте, Усть-Каменогорск, 1970, октябрь.
11. Высоцкий В. Выступление в Доме актера ВТО, Ижевск, 1979, 28 апреля.
12. Высоцкий В. Выступление в Зеленом театре, Гагры, 1972, июнь.
13. Высоцкий В. Из письма А. В. Абрамовой. Одесса, 1967, 9 августа.
14. Из воспоминаний народного артиста СССР Ростислава Иванова Янковского, написанных специально для данной повести. Минск, 1988, 11 октября.
15. Акимов Б. Из интервью с актрисой МХАТ, народной артисткой СССР Ией Сергеевной Саввиной. Москва, 1990, 25 апреля.
16. Тучин В. Из интервью с актрисой Театра сатиры, народной артисткой РСФСР О. А. Аросевой. Москва, 1989, 19 февраля.
17. Массарский А. Не боялся ни слова, ни пули и в привычные рамки не лез... — Четыре четверти пути. М.: «Физкультура и спорт», 1988.
18. Малагузи А. В присутствии таланта и любви (беседа с Татьяной Дорониной). — «Комсомольское знамя» (газета), Киев, 1984, 10 ноября.

Сальвадор Дали о Федерико

(Из «Дневника гения» и «Тайной жизни Сальвадора Дали»)

Три года (а это, несомненно, самые важные для становления обоих художников годы: 1925—1928, канун взлета) Федерико Гарсиа Лорка и Сальвадор Дали были близкими друзьями. Несхожие ни в чем, кроме, пожалуй, затаенной от чужих глаз робости и застенчивости, они главенствовали в мадрид-

ской Студенческой Резиденции, не ощущая соперничества и не подозревая, что спустя много лет друзья, не сговариваясь, разглядают в них извечное противостояние дара милостью божией и самозабвенного труда — Моцарта и Сальери.

Однако не так все просто. Милостью божией были взыска-

ны оба, оба знали цену и смысл труда, что же до зависти, то это чувство, действительно неведомое Лорке, в годы их дружбы в Дали вспыхивало не часто, да и уязвлял его не столько талант, сколько обаяние и дар общения, свойственные Федерико. И все же постепенно внутреннее сопротивление, которое вызывала в Дали «неодолимая, могучая, как наваждение, мощь стихии, воплощенной в человеке», крепло и привело — к без участия Буноэля — к разрыву, мучительному для обоих, обидному для Лорки (который узнал себя в герое фильма Дали и Буноэля «Андалузский пес»), но не зачеркнувшему в прошлом ничего.

После разрыва они встретились лишь однажды спустя семь лет, узнав к тому времени и неудачи, и успех, и горечь славы. Встретились друзьями — об этом Лорка с радостью сказал на следующий день корреспонденту барселонской газеты, брашему у него интервью. Дали предлагал тогда Лорке подумать о новой совместной работе, но эти планы не суждено было осуществиться — прошлое не проходит, но и не возвращается.

Потом, уже после гибели поэта, Дали в угоду избранной роли скажет и сделает то, чего ему не простят любившие Федерико. И все же прислушаемся к голосу человека, который понимал Лорку с полуслова, мог говорить с ним на равных, но не знал за собой такого права (и не оттого ли срывался, издеваясь над другом — и над собой)...

В Резиденции¹, где я жил, было множество самых разных студенческих компаний, среди которых выделялась группа бунтарей, яростных сторонников авангарда в литературе и искусстве. Эта мятежная молодежь впитала тревожный дух послевоенного времени, дышание катастрофы. В наследство

¹ Резиденция, т. е. Студенческая Резиденция. Так называли созданный в 1910 году в Мадриде Центр исторических исследований, по сути дела, вольный университет, сформировавший несколько поколений испанской интеллигенции.

им досталась недавно разработанная и весьма неглубокая традиция — так называемый ультраизм², один из наших местных «измов», незрелый плод европейского авангарда, наиболее близкий к дадаизму³. Группу составляли Пепин Бельо⁴, Луис Буноэль⁵, Гарсия Лорка, Педро Гарфиас⁶, Эухенио Монтеc⁷, Рафаэль Баррадас⁸ и еще множество других лиц. Однако из всех, с кем я общался в ту пору, только двоим было предначертано достичь головокружительных высот в иерархии духа. Это Гарсия Лорка, легко, блистательно и властно усмиривший постгонгирианскую риторику, и Эухенио

² Ультраизм — авангардистское течение в Испании, родственное футуризму. Возникло после первой мировой войны и оформилось к 1919 году. Ультраизм провозгласил новизну художественных средств, обновление лексики, упразднение пунктуации и нетрадиционное типографское представление текста.

³ Дадаизм — авангардистское течение, сложившееся в 1916 году в Швейцарии, но впоследствии ставшее одним из важнейших во французской культуре; непосредственно предшествовало сюрреализму.

⁴ Пепин Бельо — то есть Хосе Бельо Ласьерра (р. 1904 г.), друг Лорки и Дали, неофициальный соавтор фильма Дали и Буноэля «Андалузский пес».

⁵ Луис Буноэль *Портосес* (1900—1983) — великий испанский кинорежиссер. О его отношении к Дали и Лорке см.: Буноэль Л. «Мой последний вздох» (вспоминания, сценарии). — Москва, «Радуга», 1989.

⁶ Педро Гарфиас *Сурита* (1901—1967) — испанский поэт, эмигрировавший после падения республики в Мексику.

⁷ Эухенио Монтеc (1897—?) — галисийский поэт, писатель и журналист, профессор философии, ставший впоследствии политиком крайне правого толка.

⁸ Рафаэль Баррадас — то есть Рафаэль Перес де Баррадас (1890—1929) — уругвайский художник испанского происхождения, долго жил в Испании; создатель «вибрационизма», разновидности кубизма.

Монтеc, познавший глубинные тайны души и одолевший горные перевалы мысли. Лорка — андалузец, Монтеc — из Сантьяго де Компостела.

Однажды вся эта компания пришла посмотреть мои картины; их привел Пепин Бельо. Тщеславие мое было удовлетворено — куда девалась их снобизм! Они были потрясены, восхищены. Им и в голову не приходило, что я — художник-кубист!⁹ О чем они и объявляли мне с изрядным простодушием и тут же от чистого сердца предложили дружбу. Мой отклик был весьма сдержанным — я сохранял дистанцию, размышляя: «На что они мне? Что может дать мне это общение?» Мои новые друзья будут питаться новым, — это я сразу понял, но взамен я не получу ничего: все, что они могут мне предложить, у меня есть, причем в большем количестве и лучшего качества. Иное дело Федерико Гарсия Лорка...

Тень Мальдорора¹⁰ омрачила мою жизнь, и тогда же, как затмение, окутала ее еще одна тень — Федерико Гарсия Лорки, едва не разрушив природную самобытность моей натуры. Я стал избегать встреч с ним и его компанией, которая все очевидней становилась его компанией. То был апогей его влияния, которому никто не мог противиться, и наверное тогда, единственный раз в жизни, мне довелось узнать нечто подобное мукам ревности. Едва ли не каждый вечер мы всей компанией шли по Пасео де ла Кастельяна в кафе, заранее зная, что и сегодня во всем блеске нам предстанет Федерико, этот буйный, горящий алмаз. Как часто я вдруг срывался и бежал от них со всех ног, прятался три, четыре, пять дней...

⁹ ...художник-кубист! — участь в академии, Дали находился под сильным влиянием кубистической живописи Пикассо и Хуана Гриса. Кубизм оставался доминирующей его творчеством до 1926 года.

¹⁰ Тень Мальдорора... — Речь идет о герое «Песен Мальдорора» (1869), французского поэта, графа де Лотреамона (настоящее имя Исидор Дюкасс, 1846—1870). В 1932 году Дали проиллюстрировал «Песни Мальдорора».

Никто так и не выведал у меня тайну этих исчезновений и пока что — пока что! — я не склонен приподнимать занавес...

Передо мной был уникальный, цельный поэтический феномен — Федерико — поэзия, обретшая кровь и плоть, тягучая, застенчивая, возвышенная, трещащая тысячами сумрачных огней и токами подземных рек, свойственных всякой удачной форме живой материи. Я инстинктивно сразу и безоговорочно отверг явленную мне «поэтическую вселенную». И заговорил доказательствами, четкими формулами, отменяя все, что не поддавалось логике и анализу, все «что нельзя попробовать на зуб» (мое любимое выражение тех лет). И когда воляные языки пламени вырвались из похляющего костра поэзии — разверстого сердца великого Федерико, я, анти-Фауст, взмахнул зеленой ветвью моей прежедревней старости, чтобы загасить огонь, и волок свою извечную обденную решетку, чтобы поутру, на углях того костра, что возжжет Федерико, изжарить измысленные мной грибы, котлеты, сардинки и утолить ими на сто лет вперед духовный, нравственный, идейный и художественный голод нашей эпохи.

Если разобраться, я многим обязан поэзии Гарсия Лорки, этому смутному, разрозненному и черпунному хаосу. Многие я поцеливал оттуда и разработал. Будучи до некоторой степени финикийцем, я подолгу размышляла о том, что Федерико говорил мимоходом, не додумывая, — он рассыпал свои блистательные догадки с истинной щедростью. Я же подбирала, вникала, просящая его мысль, шифовала и выставляла на всеобщее обозрение. Не могу сказать, что Лорка был умен, не в интеллекте дело, да и вообще поэтическому гению ум не свойствен, если не противопоставлен. А Лорка был воплощенным поэтическим явлением, самородком, неограниченным алмазом, и оттого его поэзия так родственна фольклору.

...Что же до моих собственных покойничков, так они у меня высшего сорта, и оттого чувство вины терзает меня неотступно. И первый — Федерико Гарсия Лорка. Весть о его смерти отозвалась во мне какой-то

разбойничьей радостью. Мне дали газету, и я, едва осознав, что Лорку расстреляли, вскричал: «Оле! Молодец!» (таким криком у нас приветствуют то-рера, нанесшего последний удар быку, истекающему кровью.) Лучшего конца для Лорки нельзя было выдумать.

Когда началась война, мой большой друг, поэт горькой судьбы Федерико Гарсиа Лорка, был казнен в Гранаде. Его смерть превратили в пропагандистское знамя. Это подлость, потому что и другие не хуже меня знают, что на всей планете нельзя отыскать человека аполитичнее Лорки. Он умер не за политическую идею — ту или иную. Он пал жертвой всеобщей судорожной сумятицы, испанской гражданской войны. И на этой войне люди убивали, друг друга не только за идею; случайно, сводили счеты, личные счеты¹¹. Лорка же, как и ваш покорный слуга, был не просто личностью: самобытность его натуры хлестала через край, ежесекундно давая тысячу поводов для возникновения личных счетов. Следовательно, у Лорки было куда больше шансов встать к стенке, чем у прочих испанцев. А свойственное ему ощущение жизни как трагедии — того же корня, что и знание своей трагической судьбы у испанского народа.

В таком конце, в высокоом, трагическом взлете его судьбы было что-то исконно испанское.

По пять раз на дню, не меньше, Лорка поминал о своей смерти. Ночью он не мог заснуть, если все мы не «баюкали» его. И всякий раз уже в постели он заводил бесконечный разговор о мирооздане, о вечности и неизменно сворачивал на смерть, в конце концов — на свою собственную.

У Лорки все становилось поэзией или спектаклем. Он разыгрывал в лицах все, что рассказывал, и особенно часто представлял свои похороны. Как любовно играл он этот спектакль! «Смотрите, — говорит он, — вот что со мной будет, когда умру». И начинал

какой-то горизонтальный балет: тепло его, несомое на гранадское кладбище, то дергалось, то колыхалось, повторяя траекторию гроба и дороги, идущей под гору. В следующей картине он показывал, каким станет его мертвое лицо спустя несколько дней. И его черты, не отличавшиеся даже правильностью, вдруг озаряла изнутри какая-то особенная радость и красота.

Помню его лицо, отмеченное в те минуты печатью рока. Оно навидело ужас, когда он лежало и изображал себя после смерти — все стадии разложения поочередно: первый день, второй, третий, четвертый, пятый. Федерико в подробностях описывал гроб и представлял положение во гроб, показывал, как именно оно опустится крышка и как тронется траурная процессия к кладбищу по улицам его родной Гранады. И вдруг, сполна наладившись трансом, в который повергались зрители, он вскакивал и заливался хохотом — надо было слышать этот захлебывающийся дикий хохот! — и выплывал нас за дверь, чтобы снова улечься в постель и уснуть безмятежным сном, стяхнув, пусть ненадолго, мучительное навяздение...

Красные, розовые и бордовые вклеп с малиновыми не преминули воспользоваться смертью Лорки и развернули самую беззастенчивую пропаганду и разнузданную демагогию. Из него пытались и все еще пытаются сделать политического мученика. Но как его друг, могу поклясться перед Богом и Историей, что Лорка, чистейший поэт на все сто процентов, был самым аполитичным из известных мне людей. С ним свели счеты — личные или сверхлические, а может быть, местные. Он стал безвинной жертвой всеобщей судорожной, все разметавшей сумятицы — испанской гражданской войны.

И как бы то ни было, всякий раз, когда мне в единении удаётся извлечь из глубин моих мозговых извилин гениальную мысль или нанести на холст боговдохновенный мазок, мне слышится хрипловатый, чуть задыхающийся голос Лорки: «Оле! Молодец!»

Вступление, перевод с английского, французского и комментарии Наталья Малиновской

Надо знать их имена!

Наконец мы можем назвать тех счастливых, кому удалось выйти в победители первого тура конкурса. Промежуточный итог, как вы помните, мы подводим по результатам трех номеров.

Несмотря на то, что на вопросы № 2 мы получили 520 правильных ответов (а не 20, как было ошибочно указано в № 7), № 3 — 1800 (!), № 4 — 410, лишь 39 участников не совершили ни одной ошибки. Вот их имена:

Абрамович Вячеслав (Борисов), Абрамова Елена (Москва), Аистов Андрей (Горький), Акулова Светлана (Архангельск), Аврамчик Анатолий (Дзержинск), Белкин Даниил (пос. Кулава), Боровских Валерий (Ростов-на-Дону), Бордон Александр (Саранск), Волкова Елена (Орел), Долговы Галина и Диана (Москва), Декальчук Тамара и Юрий (Сквира), Евстигнеев Сергей (Москва), Емец Виталий (Москва), Жигулев Вадим (Кострома), Жаботинская Екатерина (Москва), Жукова Татьяна (Москва), Захарова Лариса (Ярославль), Иванова Вика (Москва), Исаков Александр (Киев), Иванова Инна (Челябинск), Кабанец Валентин (Киев), Кадырова Гульнара (Ташкент), Каминкер Александр (Киев), Козменко Наталья (Краснодар), Киселева Елена (Ярославль), Кондрашина Вера (Москва), Мамедов Кирилл (Ашхабад), Макоед Сергей (Салгирск), Неверовская Лиля (Ленинград), Никулин Владимир (Москва), Савицкая Наталья (Ставрополь), Собакин Андрей (Орел), Скударнов Евгений (Фрунзе), Тариелашвили Елена (Кемерово), Хузеев Леонид (Ашхабад), Хижная Анна (Москва), Штаталов Юрий (Москва).

Но не стоит унывать! Конкурс продолжается, и вполне вероятно, что многие из вас смогут наверстать упущенное. Удачи вам!

А первым победителем прощим незамедлительно уточнить для нас свои адреса и номера телефонов.

¹¹ ...личные счеты. — О гибели Лорки см.: Гибсон Ян. Убийство Федерико Гарсиа Лорки. Гранада, 1936 г. — Москва, «Радуга», 1986.

Спонсор конкурса
международный эколого-
рекреационный консорциум
«Эрконс»

19 сентября 1946
года Уинстон
Черчилль,
выступая в
одном из
городов
Швейцарии,
предложил
создать новую
наднациональ-
ную
организацию
Европейский
совет. Как
назывался этот
город?

1. Базель
2. Женева
3. Цюрих

Нынешний год — это год Ван Гога,
высочайший престиж которого
подтверждается небывалой стоимостью
картин. Какое из полотен художника было
продано за рекордную для международных
аукционов сумму? (Данные на февраль 1990 г.)

1. «Едоки картофеля»
2. «Ирисы»
3. «Подсолнухи»

В начале 80-х годов одна из европейских стран
пережила попытку переворота, в ходе которой
путчисты ворвались в зал заседаний
парламента. Назовите эту страну.

1. Греция
2. Испания
3. Мальта

С какого года в
Европейском
сообществе
отмечают
специальными
призами лучшие
фильмы,
созданные на
киностудиях
стран-членов?

1. 1963.
2. 1978
3. 1989

Имя _____
Фамилия _____
Возраст _____
Адрес _____

Последний срок ответов до 15 ноября с.г.

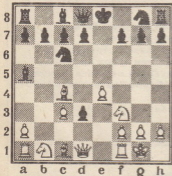
Под редакцией
Анатолия Карпова

Не расставляя фигур

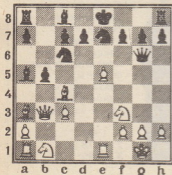
Приведа в прошлом номере «Бессмертную» партию (Андерсен — Кизерицкий), логично разыграть сегодня и «Неувядаемую» — «Неувядаемую» в лавровом венке знаменитых немецких мастеров, как определил первый чемпион мира В. Стейниц. Сыграна она была годом позже «Бессмертной»...

А. АНДЕРСЕН —
Ж. ДЮФРЕНЬ
Берлин, 1852 г.
Гамбит Эванса

1. e4 e5 2. Кf3 Кc6 3. Сc4 Сc5
4. b4 С:b4 5. e3 Са5 6. d4 ed 7.
0—0 d3.

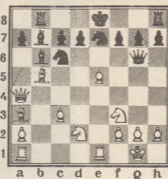

8. Фb3 Фf6 9. e5 Фg6 10. Са3
Кge7 11. Le1 b5.

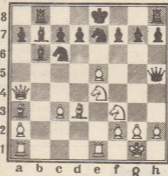

12. С:b5. Жертвует пешку, черные собирались получить контригру, но белые принимают дар и блестяще используют то, что неприятельский король застрял в центре.
12...Лb8 13. Фa4 Сb6 14. Кbd2

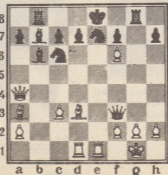
Сb7. Все же лучше было 14...
0—0.

15. Ke4 Фf5 16. С:d3 Фh5.

У белых подавляющая позиция. Андерсен начинает комбинацию, навечно занесенную в сокровищницу шахматного искусства.
17. Кf6+! gf 18. ef Лg8 19. Лад1
Ф:f3.

20. Л:e7+! К:e7 21. Ф:d7+!!
Кр:d7 22. Сf5+ Крe8 23. Сd7+
Крf8 24. С:e7X.

КОНКУРС

Приводим решения конкурсных заданий.

№ 12. (В. Брон): 1. Сd6+
Крc4 2. Ка5+ Крд4 3. Кb3+
Кре4 (c4) 4. Кd2+ Крд4 5.
Кf3+ Кре4 6. Кg5+ Крд4 7.
Сf8 b4 8. b3 g6 9. Крд2 Фh8 10.
Сg7+ Ф:g7 11. Ке6+.

№ 13. (Лл. Кузнецов): 1.
Лf7+ Кd7 2. Л:f4 d2 3. Лc4+
Крд8 4. Лd4 d1Ф 5. Л:d1 К:d1
6. Сd4 Крe7 7. g7 Крf7 8. g3
Крg8 9. g4 Крf7 10. g5 Крg8
11. g6 — с ничьей.

№ 14. (Г. Хискот): 1. Се4
Ф:h3 2. Фg4+ С:g4 3. Кg6+
Кре3 4. Сg1X; 1...Ф:e4 2. Кh5+
Крf5 3. Ф:f6+ ef 4. Кg7X; 1...
Кр:e5 2. Ф:e7+ Ке6 3. Фd6+
Кр:d6 4. Кf5X. И еще — 1...f5
2. Ке2+ Кре3 3. Фg1+ Кр:e4
4. Кc3X, 2...Кр:e4 3. Кc3+
Кре3 4. Фg1X.

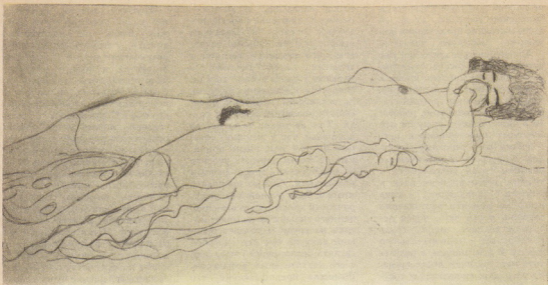
№ 15. (В. Геннебергер): 1.
g8Л g4 2. Лd8 g3 3. Лd3 К—
4. Л:g3+ Кc2 5. Лg6 hg 6. h7 g5
7. h8Л g4 8. Лd8 g3 9. Лd3 К—
10. Л:g3+ Кc2 11. Лg6 fg 12. f7
g5 13. f8Л g4 14. Сg6 (h7) g3
15. Лf5 К— 16. Лa5+ Кc2 17.
Лa6 ba 18. b7 a5 19. b8Л a4 20.
Лb4 a3 21. Ле4 К— 22. Л:КX.
Четырежды белые пешки пре-
вращаются в ладью!

№ 16. (В. Власенко): 1.
Кe8+ Крд8 2. h7 Се6+ 3. Крf6
Сh6+ 4. Кg7 К:e4 5. h8С! —
с ничьей. Иные превращения,
как нетрудно убедиться, проиг-
рывают, теперь же ходы черным
конем приводят к пату. 3...
Се5 — 4. Кf6 С:f6 5. e5 С:e5
6. h8Ф С:h8 — пат.

1991 ГОД — АНОНС

Азы вязания

Так называется новый практи-
кум, который мы начинаем с
№ 1.

АЗБУКА ДЛЯ ДВОИХ

Юношеская любовь

Михалина Вислоцкая

Продолжение. Начало в № 7, 9, 10 за 1989 год и в № 1—7, 9 за 1990 год

Орган вкуса

Однажды одна из моих пациенток поведала мне о своей безрадостной и неинтересной семейной жизни, потому что ее муж терпеть не мог «телячьих нежностей». Каждую ее попытку прикоснуться к его телу он неизменно пресекал грозным окриком: «Не смей до меня дотрагиваться!» В данном конкретном случае патологическая гиперчувствительность негативного свойства сохранилась у него после пребывания в концентрационном лагере во время войны. Это пример из области патологии, хотя, осмелюсь заметить, что так называемые спорные моменты мужчин предпочитают осязательные ласки только в области половых органов. Прикосновения к другим участкам тела не доставляют им никакого удовольствия, а иногда даже неприятны. Если дело ка-

сается ласк и поцелуев, то лучшими партнерами являются мужчины, которые любят и охотно принимают проявления женской нежности. С ними легче находить общий язык в различных сексуальных играх и более приятно общаться.

К следующим привилегированным областям тела для поцелуев относятся подмышечные впадины, пах и внутренние поверхности бедер. Хочу сразу подчеркнуть, что бритые волосы под мышками делает доступной для ласк очень чувствительную кожу подмышечной впадины.

Продолжая познавать мир чувственности, мы подошли, наконец, к поцелую груди — органа, иннервированного в не меньшей степени, чем влагалище и клитор. В зависимости от психофизического состояния женская грудь может быть необычайно чувствительна к сексуальным раздражителям. Иногда ре-

акция бывает настолько сильной, что после раздражения сосков может наступить оргазм. Встречаясь с большой вариантностью реакций партнеров на ласки сосков груди, всегда полезно проверить, как относится мужчина к этому виду нежности.

Механизм эрекции, необходимый для пробуждения полной сексуальной чувствительности женской груди, я уже описала в главе, посвященной чувству осязания. Грудь, так же как и связанные с ней реакции клитор и влагалище, необходимо предварительно подготовить к приему внешних воздействий, потому что ее сексуальная чувствительность проявляется в том случае, если она возбуждена. Нервные окончания приобретают восприимчивость к осязательным раздражителям лишь тогда, когда сосок становится твердым и упругим, так как они сконцентрированы на его вершине, рядом с точечными отверстиями, которыми открываются наружу выводные млечные протоки. Если грудь слабо возбуждена и приток крови к ней ограничен, то чувствительность грудных сосков практически равна нулю. Момент затвердения и заметного «высовывания» сосков является, по существу, физическим сигналом пробуждающегося интереса к ласкам — то есть партнерша начинает реагировать на поглаживания или поцелуи рук, губ, шеи и других участков тела. У женщин с по-

вышенной возбудимостью соски мгновенно твердеют, стоит ей лишь мысленно представить или увидеть любимого человека.

Дальнейшее раздражение уже затвердевших сосков стимулирует усиление притока крови к груди и увеличение ее размеров. Грудь в состоянии эрекции становится более округлой, розовеет и через тонкую кожу на ней начинает просвечиваться сеть голубоватых венозных сосудов. Упругость и увеличенные размеры груди сохраняются в течение всего времени ласк и коитуса* (копуляции) — чаще всего до момента наступления оргазма, после чего, через десять-пятнадцать минут, грудь приобретает первоначальную форму. В эти минуты, в результате наступающей после оргазма разрядки, кровеносные сосуды груди сокращаются и облегчают отток избыточной венозной крови; сосок делается мягким и теряет свою сексуальную чувствительность.

Во время визита в консультацию одна из моих пациенток пожаловалась на бесталанное поведение мужа во время ласк. Вся его нежность ограничивалась, как правило, несколькими поспешными поцелуями или легким покусыванием груди, доставлявшим ей неприятные ощущения. В конце нашего разговора она сказала с усмешкой: «Мой муженек мог бы поучиться у своего сына, как следует ласкать женскую грудь; иногда после кормления я испытываю большее сексуальное возбуждение, чем после поцелуев мужа».

В словах, сказанных полушутя этой женщиной, содержалось очень ценное наблюдение. В медицине давно известно, что кормление ребенка грудью вызывает рефлекторное сокращение и сжатие матки в послеродовой период, что способствует быстрому заживлению возникших во время родов поврежденных тканей промежности, влагалища или шейки матки, а также предотвращению возможных послеродовых кровотечений. Американские сексологи Мастерс и Джонсон в своих исследованиях обратили внимание на то, что грудь кормящей женщины в момент оргазма реагирует одновременно с сокращением

мышц влагалища и матки — рывком сокращением мышц молочных желез, вызывающим выброс молока. Обычно считается, что механизм сосания у грудных детей состоит в плотном захвате губами соска и феномене образования вакуума, позволяющего младенцу высасывать молоко из женской груди. Тем не менее меня всегда поражало, что у женщин, которые по тем или иным причинам не могли кормить ребенка и опорожняли грудь ручным доильником, быстро пропадало молоко. Ведь ручной или электрический доильник, несомненно, намного сильнее высасывает молоко из груди и создает больший вакуум, чем это способен сделать беспомощный младенец с его хватательным рефлексом. Возникло предположение, что механизм акта сосания действует совершенно по-другому.

Кормящие женщины неоднократно замечали, что в результате прикосновения сосков с шершавым бюстгалтером происходило обильное самопроизвольное выделение молока. Многолетние наблюдения за женщинами в послеродовой период и беседы с матерями в кабинете врача позволили мне выработать собственную концепцию механизма лактации, отличающуюся от общепринятой. В ее основе лежит убеждение, что в процессе кормления главенствующая роль принадлежит не сосанию, а раздражению соска, который в результате внешних воздействий всасывает молоко из груди в рот ребенка. Высказанная мною точка зрения: молоко всасывается из груди после раздражения ребенком нервных окончаний, расположенных на поверхности соска, — не противоречит наблюдениям, сделанным Мастерсом и Джонсоном при анализе полового акта у кормящих женщин.

Некоторые, возможно, зададут вопрос: какое отношение имеет процесс кормления младенцев к технике поцелуя? Я заострила на этом внимание, конечно, неспроста, потому что поцелуй груди, если им поручена роль сексуального раздражителя, должны использовать тот же механизм и те же проводники нервных импульсов, которые участвуют во время кормления.

Другими словами, мужчина, целующий женскую грудь, должен взять на вооружение «опыт», которым он когда-то великолепно владел (в грудном возрасте), а позднее утратил: надо постараться захватить губами не только сосок, но и всю поверхность околососкового кружка. Сравнившись с этой задачей, можно затем нежно раздражать вершину соска ритмичными прикосновениями шершавого кончика языка. Я не случайно употребляю слово «ритмичный», потому что ритмичность внешних воздействий — это основное условие эффективности и действительности всех ласк. Щекотание нервных окончаний, расположенных у женщин на вершине или на боковых поверхностях сосков, вызывает сокращение пучков гладкомышечных клеточек, ориентированных частью циркулярно, частью продольно в толще соска. Сокращение этих мышц вызывает у женщины чувство интенсивного сексуального наслаждения (а у кормящей матери — выброс молока).

Механизм сексуальной чувствительности сосков вырабатывается постепенно: путь от первых и слабо воспринимаемых женщиной ласк может с течением времени привести ее к очень высокому уровню возбудимости. Длительное ритмичное раздражение сосков (после других предварительных ласк) может даже закончиться полным оргазмом, причем в сфере чувственного наслаждения попадает не только сама грудь, но также клитор и влагалище, не подвергавшиеся непосредственному сексуальному воздействию.

Ласки груди и нервные раздражения, передающиеся от сосков к половым органам, вызывают интенсивный приток крови во влагалище, к половым губам и клитору, а также эрекцию матки, наблюдаемую обычно во время оргазма, и наоборот — раздражения в области влагалища и клитора приводят соответственно к эрекции груди и «высокому» сосков. Эта взаимосвязь была хорошо известна ученым предыдущих поколений. Не случайно, например, на одном из рисунков Леонардо да Винчи, изображающем (в разрезе) мужчину и женщину в момент коитуса,

* Совокупление, половое сношение, половой акт. — Л. В.

художник обозначил внутри женского тела линии, связывающие грудные соски с влагалищем и маткой.

Где и что еще можно целовать? «Кама-сутра» считает, что везде и все, потому что страсть не знает границ и ограничений, и далее уточняет: «Власть книг способна вызвать только легкое волнение в крови, но стоит колесу чувственных наслаждений чуть-чуть разогреться, как забываются всякие книжные премудрости и последовательность в разумном порядке вещей».

Можно с уверенностью сказать, не кривя душой, что не бывает женщин холодных — вместе с тем это не означает, что вам не может повстречаться женщина, пребывающая в сексуальной спячке! Все дело в том, что ее не сумели или не хотели разбудить. Процесс пробуждения чувственности в женщине требует от партнера инициативы, изобретательности и терпения, так как иногда для этого требуется довольно много времени.

Целуя женщину в наиболее сокровенные места, нельзя забывать о естественной стыдливости и смущении, присутщем непопной партнерше. Поэтому начинать надо всегда с наиболее нежных ласк и поцелуев рук, губ, шеи, и только после них можно постепенно перекладываться на ласки в области вульвы. Хотя поцелуй — самое эффективное средство пробуждения эротических ощущений в этой деликатной области тела, женщина нередко рассуждает по-другому, давая решительный отпор «нескромным», с ее точки зрения, полозновениям со стороны партнера. Помня об этом, необходимо иметь в виду, что всякое применение силы в данном случае абсолютно противопоказано. Оружие мужчины — нежность, еще раз нежность и снова нежность.

Вспоминаю очень оживленную дискуссию, развернувшуюся после моей лекции о культуре секса в Обществе по распространению знаний. Тогда и получила от нескольких девушек записки с вопросами, смысл которых сводился приблизительно к следующему: «Парень, с которым я дружу, извращенец, потому что он хочет меня «там» целовать, и, что еще

ужаснее — просит, чтобы я, со своей стороны, гладила его рукой «по этому самому месту...» Можно ли это назвать извращением? Да и вообще что попадает под категорию «извращение» в интимных сексуальных контактах двух любящих друг друга людей? Ответ достаточно прост: ни одна форма ласк не является извращением до тех пор, пока она доставляет чувственное наслаждение партнерше или партнеру. Вместе с тем всякая попытка прибегнуть к ласкам, вызывающим гадливости, омерзение или физическую боль, может четко квалифицироваться как извращение. Изобретательность и полет фантазии в ласках, доставляющих сексуальную радость обоим партнерам, — это взаимный процесс обогащения любви новыми ценностями, цементирующими прочность семейной жизни.

В конце дискуссии я спросила:

— А мать, целующая свое дитя в пупочек или пятку, тоже кажется вам извращенной женщиной?

— Это совсем другое дело! — закричали девушки хором.

— Вы ошибаетесь, — ответила я. — Это то же самое. Просто любовь, позволяющая сердцу и ищущая внешнего самовыражения, полностью объясняет и оправдывает эти ласки. Мы обкрадываем сами себя в любви, когда устанавливаем запреты на ласки каких-то участков тела любимого человека, ближе которого и дороже у нас ничего нет. Аморально и безнравственно ласкать безразличного тебе человека, которого не любишь, не испытывая при этом чувства отвращения.

В поцелуях и ласках половых органов объектом может быть как женщина, так и мужчина, но в последнем случае актуация требует совершенно иного подхода. Поцелуй этих участков тела — это ласки, которые заставляют испытывать сильное сексуальное возбуждение и мужчин, и женщин. Последние, кстати, особенно восприимчивы к ним в период пробуждения чувственности. На мужчин они действуют несколько иначе. В юношеском возрасте мужчины озбочены проблемой гиперсексуальности и у них не возникает потребности в

дополнительных стимуляторах. Женщина, стараясь возбудить своего молодого партнера изощренными ласками, может в конечном итоге направить его потенцию в иное русло и остаться в половом отношении неудовлетворенной. Поглаживания и поцелуи мужского тела перед половым актом могут существенно сократить его продолжительность, так как мужчина достигает пика полового возбуждения еще до введения полового члена во влагалище.

Хотелось бы сделать еще одно замечание, относящееся к молодежи. Говоря о поцелуях наружных половых органов, хочу предостеречь молодых женщин от излишнего проявления инициативы. Встречаются, разумеется, и такие молодые мужчины, которые любят, чтобы их ласкали, явно придерживаясь пассивного стиля поведения в любовных играх, но в большинстве случаев сексуальной активность молодых партнеров достаточно высока и они неохотно взирают на то, как женщина перехватывает у них инициативу. В этой фазе любви женщина выполняет роль своеобразного «ограничителя».

Вместе с тем нельзя забывать от мужчины продолжительных волнующих ласк, не позволяя ему испытать чувство полной физической разрядки. Такая практика может привести к появлению у него различных недомоганий: к ощущению тяжести и болезненного напряжения внизу живота, неприятным болям мочонка, отсутствию чувствительности в паху и т. д.

Заканчивая эту главу, хочу сказать, что я сознательно уделила в ней так много внимания технике осязательных ласк и поцелуев, потому что именно в них заключен основной смысл прелюдии, предшествующей половому акту и контактам между влюбленными, находящимися на пороге поанотной половой жизни. Можно посоветовать молодым развивать и обогащать свое любовное искусство и культуру ласк, не торопясь переходить к интимной близости, поскольку спешка в любви — очень опасная и непростительная ошибка.

Перевод с польского Льва Волгина

Продолжение следует

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Конкурс красоты... и все, что было дальше

Наш собеседник Маша Калинина

«Сейчас работаю над книгой. В ее основу легли мои дневники. Пишу о конкурсе, о поездках, о встречах; про то, как бывало грустно, и про минуты радости» — это слова Маши Калининой.

Де ее приветливости было что-то озорное, непосредственное. И все же чувствовалось — она повзрослела, стала более рассудительной.

Еще по дороге к ней и сейчас за чаем я пыталась вспомнить события, перевернувшие всю ее жизнь. Смутный сначала клубок воспоминаний вылился все же в яркую картину. Конкурс, на мой взгляд, был захватывающим зрелищем. Настоящий праздник изящества,

женственности, красоты. Московским красавицам пришлось преодолеть месячный марафон, до финиша дошли лишь самые-самые. И вот после долгих минут ожидания, тревоги победительницей первого конкурса красоты была названа школьница — Мария Калинина. Аплодисменты, гул зрителей, шелканье камер сплелись в праздничную мелодию. Все это было, было...

Наконец собравшись с мыс-

лями, задаю Маше свои вопросы:

— *Что было после конкурса? Как отнеслись к победе твои друзья? Ты себя почувствовала звездой?*

— *Конкурс закончился в три часа ночи, затем была пресс-конференция. А уже в семь я встала и пошла на экзамен по испанскому языку. На улице проходящие мимо люди смотрели на меня. «А почему бы им не смотреть? Это иду я — случайно прославившийся человек». Шла очень важная, улыбалась. — Маша весело смеется и продолжает. — Потом вдруг подумала: «Нет, не хочу, чтобы меня узнавали». Надела темные очки. В общем, ерундой занималась. Подошла к школе, а там — фоторепортеры, машины, съемка. Мне было как-то неудобно перед одноклассниками. Никому ведь не говорила, что в конкурсе участвую. Реакция их была разная. Некоторые девочки встретили меня холодно: стоят, косятся. Другие — наоборот, чересчур эмоционально: бегут, обнимают, целуют.*

Потом со мной было что-то невообразимое. Когда ехала в метро, руками закрывалась, отворачивалась, этим еще больше

внимание привлекала. И краснела, и бледнела. Ужас. Сейчас это кончено, почти прошло. Все стараюсь воспринимать спокойно.

— Маша, если бы ты знала заранее, как победа на конкурсе изменит твою жизнь, согласилась снова принять в нем участие?

— Ой, не знаю. Если бы ты спросила меня об этом, когда у меня была хорошая полоса жизни, полоса удач, я ответила бы — «да». А сейчас, когда я в какой-то неопределенности, даже не могу ничего сказать.

— Но все же игра стоила свеч?

— В общем-то да. Столько всего посмотрела! Страны, народы. Иногда были такие счастливые минуты, даже не верилось, что все наяву. То Франция, то Бельгия, то Италия, прекрасный Сан-Ремо. Никогда в жизни этого не забуду. Сбы-

лись еще детские мечты. Когда была маленькая, то постоянно говорила: «Мам, в моей судьбе будет что-то необычное. Я точно знаю». Все дети считают, что у них в жизни будет что-то не

как у всех. Я это повторяла без конца. Мои родители начали уже беспокоиться: «Что это со мной такое?»

Старались успокоить: «Ну пусть, Маша, будет».

Одно время мне очень хотелось стать стюардессой. «Они часто бывают в разных странах, — думала я. — На их лицах всегда улыбка, а какая красивая одежда!» Я тогда часто летала на самолетах, разговаривала со стюардессами и считала себя тоже стюардессой.

А еще в детстве, ты знаешь, девочки обычно заводят анкеты. И вот в таких анкетах на вопрос: «Где бы Вы хотели побывать?» Я всегда писала: «Хочу в Париж».

Собственно, многое, о чем я мечтала, сбылось: я была в Париже, Сан-Ремо, записала свой диск. Это все удивительно.

— Как ты считаешь: нужны ли конкурсы красоты?

— Думаю, да. Судя по тому, что они нравятся людям, привлекают внимание, приносят доход организаторам, наверное, есть смысл в их существовании. Вспомним, что так называемые конкурсы красоты проводились в России еще до революции.

Но конкурсы нужно хорошо организовывать, больше уделять внимания дальнейшей судьбе участниц. Конкурсы не должны ломать жизнь девушек. Взять хотя бы, как это дело поставлено в Европе. С 20-х годов существует комитет «Мисс Франции». У победительницы сразу появляется свой менеджер. С его помощью планируются все ее поездки и встречи. У фран-

цузской мисс не возникает ощущения заброшенности, растерянности, как это часто бывает у наших красавиц. Существовал бы у нас такой комитет, было бы все значительно проще.

— *Твоими финансовыми делами, заключением контрактов, соглашениями занимаются родители?*

— Если честно, мы уже запутались в наших финансовых делах. Кроме постоянных расходов, пока никаких перспектив не ожидается. Обычно мои зарубежные поездки оплачивает приглашающая сторона. Но не всегда. Вот недавно были приглашения из Италии и Бельгии, а АПН, с которым я сейчас сотрудничаю, невыгодно оплачивает мой проезд. Вынуждены платить родители. А ведь билеты стоят около тысячи рублей.

Существует мнение: приедешь на Запад, и с неба посыплются деньги тот же час. Но это неверное представление, иллюзия. Когда я приехала туда, сразу поняла, что работать спустя рукава мне не дадут. Вкалывать пришлось так, что без снотворного не могла заснуть. Безусловно, труд оплачивается прилично. Хотя деньги в валюте получала не я, а,

очевидно, «Бурда», но я тоже смогла это ощутить. Порой слышу: «Девочка, тебе учиться надо, поступать в институт, а ты разъезжаешь». Пусть говорят. Ведь я знаю, что такое настоящий труд. Столько пришлось работать. В институт, конечно, поступать буду, я и поступала, но только это длинная история.

— *Маша, почему ты не принимала участие в конкурсе «Мисс СССР»?*

— В этом не было необходимости. Я достаточно известна и у нас, и за границей как первая «Мисс Москва», «Мисс Перестройка».

— *А тебе не кажется, что интерес к конкурсам красоты заметно снизился?*

— Да, наверное. И эта тенденция особенно чувствуется на Западе. В Швеции, например, конкурсы красоты почти не проводятся.

— *Дал ли тебе что-нибудь конкурс красоты?*

— Он был для меня хорошим, можно сказать, трамплином. Открыл большие возможности для самосовершенствования. Я и не предполагала, что столько могу. Сейчас занимаюсь вокалом, это что-то новое для меня, возникает большое желание работать.

— *А у тебя есть какие-нибудь увлечения? Чем ты занимаешься в свободное время?*

— Недавно купили пианино. Уже могу играть небольшие пьесы «Солнышко», «Дуду». Знакомые смеются: «Как маленькая». Для серьезных занятий времени не хватает. Что ж, может быть, когда-нибудь доберусь до серьезных произведений.

Очень нравится рисовать, особенно церкви. Занимаюсь также самостоятельно английским языком. Благодаря зарубежным поездкам у меня появилась возможность практиковаться. Многие интервью приходилось давать на английском.

— *Какие качества ты особенно ценишь в людях?*

— Легче сказать, чего мне порой недостает в общении с окружающими людьми. Не хватает человеческого тепла, доброго отношения, понимания. Вот была я несколько раз во Франции на показе мод, сама участвовала в нем. Показ длится довольно долго. Вокруг толпа женщин, которые все время пристают: «Маша, ты устала?». Но по их глазам видно, что они равнодушни ко мне, спрашивают просто так. Мне ужасно не нравятся фальшивые улыбки,

поддельное сочувствие. К сожалению, с такими людьми приходится работать довольно часто.

— Да, довольно часто людям не хватает доброго отношения друг к другу. Маша, а у тебя много друзей? Хватает времени на общение с ними?

— Большинство моих друзей учатся в институтах, как-то определились. А я мотаюсь туда-сюда, словно оторванный листок. Слово закрутилась. Иногда чувствую себя очень одинокой. Когда работаю за рубежом, меня окружает множество интересных людей: бизнесмены, продюсеры, журналисты. Но они все намного старше меня и их не назывешь друзьями, они все-таки взрослые. Не могу смеяться, шутить как с приятелями. Мне неловко... К сожалению, не получается все сразу: и друзья, и поездки, и институт.

— Кто твой идеал?

— У меня нет определенного идеала или кумира. Что касается людей, которые мне нравятся, — это Франк Синатра, Патриция Кас, Хулио Иглесиас, Уитни Хьюстон, английская принцесса Диана.

— Маша, насколько я знаю, за эти два года было и поступление в институт, и работа на фирме «Бурда моден», каковы твои планы на будущее?

— Пока точно не знаю. Сейчас собираюсь сотрудничать с международной организацией «Грин Пис» по спасению животных и охране окружающей среды. Есть также предложение из Франции от фотоагентства. Но мне не хочется быть фотомоделью. Этим невозможно заниматься всю жизнь. Фотомодель — это определенный этап в жизни, который у меня позади. И вообще мне не нравится эта профессия.

Сейчас объясню почему. Фотомодель — это кукара, не принадлежащая сама себе. Тебя могут покрасить, постричь, обрить наголо. Постепенно теряешь свою индивидуальность. Согласно статистике, которая публиковалась за рубежом, к группе риска в наибольшей степени относятся профессии журналиста и фотомодели. Условия работы действительно тяжелые. Они очень сильно действуют на психику. У фотомодели в день 8—9 часов съемки. Снимают до

изнеможения. Из-за нещадного света текут слезы. Но умываться нельзя: на лице макияж, который накладывают два часа. Фотограф с тобой возиться не может, так как ему надо отснять еще 10 человек. Если ты не выдержишь такой интенсивной работы, берут других.

На сегодня рынок фотомodelей переполнен. Во всем мире работает 12 тысяч девушек и еще столько же ждут своей очереди. С тобой не будут церемониться. Одной моей знакомой все тело измазали золотой краской, она после пять часов отмокала в ванной. А на следующее утро встала и поехала сниматься в другую страну. Получается, фотомодель или вкалывает как лошадь, или находится в поисках работы. Внешняя же сторона ее жизни кажется такой сказочной, привлекательной: известность, красивые фотографии в журналах. Но это видимое благополучие.

Французское фотоагентство — одно из самых престижных. Из меня обещают сделать хорошую фотомодель. Однако мне хочется чего-то большего. Я мечтаю сняться в кино. Труд актера куда более интересен, не так сложен. Дает возможность проявить себя как личность.

После нашего разговора я еще долго листала альбомы с Машинными фотографиями, читала вырезки из газет и журналов. Затем мы бродили по старым улочкам Москвы, о чем-то беседовали.

Через несколько дней Маша опять уезжала за рубеж. Сборы шли полным ходом. На прощание я пожелала ей удачной поездки, осуществления ее надежд. Возможно, фортуна снова улыбнется ей.

Беседу вела Елена Кузнецова

От редакции. В сентябре состоялась премьера итальянской кинокомедии «Что там с перестройкой?», в которой дебютировала Маша Калинина.

С № 1 за 1991 год мы начинаем публиковать главы из книги Маши Калининой «Первая красавица».

Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы

Публикации этого цикла будут в 1991 году продолжены.

Периодичность выхода рубрики, видимо, сохранится прежней, ибо так удобнее работать над главами авторам повествования.

Кроме того, мы рады сообщить читателям о том, что первый том этого сериала завершен и выйдет в свет в середине будущего года. Ваши заявки на книгу мы храним и обеспечим их, как и обещали.

Те, кто не успел до сих пор прислать нам свою заявку на книгу, смогут это сделать в январе — феврале 1991 года, когда будет опубликован купон «Библиотеки «Ст. М.». Там же вы получите более подробную информацию о всей процедуре распространения книги среди подписчиков «Студенческого меридиана».

Наш подписной индекс — 70932.

Стоимость подписки на 1991 год — 7 руб. 20 коп.

В розницу каждый номер журнала будет продаваться по 1 рублю за экземпляр.

Тексты «Битлз»

В будущем году — в рамках курса «Английский — для всех» — любители «Битлз» и изучающие английский язык получат возможность разучить тексты их песен. Согласны?

Геннадий Попов

Руководитель

Если бы не Григорий Федорович, то прямо и не знаю, как сложилась бы моя судьба. Да разве только моя! Судьба всей страны. Как бы мы сейчас жили, если бы не Григорий Федорович, кто знает?!

Григорий Федорович — руководитель, богом данный. Командовал Григорий Федорович одним речным судном. Плавает это судно, а навстречу ему другое. Удивился Григорий Федорович, но виду не подавал и говорит: «Вот если бы мы плыли по морю, то обязательно бы с ним разошлись». Крупного масштаба был руководитель. После того столкновения назначили Григория Федоровича командиром морского суперлайнера. Вот уже было где развернуться! Он и развернулся. А тут, как на грех, иностранное судно подвернулось. Другой бы на себе волосы в отчаянии рвал, а Григорий Федорович, глядя на тонущий иностранный корабль, с сожалением заметил: «Жалко, что сейчас не война, а то бы меня обязательно наградили».

Возвратившись на Родину, возглавил Григорий Федорович одно крупное строительство. Сложно сейчас определить, что именно там строилось, поскольку оно взорвалось при пуске. А Григорий Федорович, не потеряв присутствия духа, со свойственным ему оптимизмом сказал: «Я и не думал, что при социализме это тоже взрывается».

За веру в социализм Григорий Федоровичу доверяли одно крупное министерство. Оглядел он по-хозяйски поле своей деятельности, и аж дух у него захватило от раскрывшихся перед ним перспектив. Делай что хочешь. Вся страна перед тобой. Такой простор был в самый раз для делового размаха Григория Федоровича. Он и размахнулся. И такого понаделал, что у всех глаза от удивления

на лоб полезли. Никто ничего понять не может, но и спросить у Григория Федоровича не решаются. Думают: может быть, это мы дураки и ничего не понимаем? Или думают: вот закончит человек дело и все всем объяснит. А Григорий Федорович не стал ничего объяснять, а взял и ушел на пенсию. На персональную.

Вот такой был руководитель Григорий Федорович. Если бы не он, так может быть... А впрочем, кто его знает.

С ТЕЛЕТАЙПНОЙ ЛЕНТЫ «ПАРАЛЛЕЛИ»

Реплика

Не страшно, если король голый, страшно, если голый народ.

Анонимка

Гражданин Колпинский Х. Ю. живет на средства производста.

Всегда на посту

На прошлой неделе дружинники П. Зубарев и А. Дятлов задержали на улице двух девушек. Девушки не сквернословили, не распивали... просто проходили мимо.

С. Власов

Новости предрыночной эпохи

В связи с увеличением темпов инфляции, фабрика Гознак перешла на ускоренное изготовление денежных знаков. Теперь на купюрах печатается лишь орнамент и основные подписи, а номинальную стоимость потребитель проставляет самостоятельно.

Евг. Обухов

Демократия

И жена может стать главой семьи, но только на основе безальтернативных выборов. А. Гольдбурт

Приказ

Указатели «Держитесь левой стороны» и «Держитесь правой стороны» заменить на «Держитесь центра».

Дополнение к статье Уголовного кодекса

Явка с повинной — до 3-х лет. Повторная явка с повинной — до 7 лет лишения свободы.

Очередная победа

Поставив в лозунгах «Наша цель — коммунизм» вопросительный знак, отцы города Кукушинска закончили перестройку.

А. Даугтов

Валерий Тихонов

Из наболевшего

Позиция

А я люблю, когда стреляют в спину, тем более, когда в нее плюют.

Желание

Вот вы и не угадали — Я не этого хочу!

Угадайте, кто?

Могу умом,
Велик плечами,
Мудер,
Уменьем оснацен,
Не пьет,
Не ест,
Не спит ночами...
Не я.
Хотя весьма польщен

Природный рефлекс

Люблю я женщин,
Хоть и был женат.

СЛОВАРЬ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Куратор — петух.

Гривенник — заросший студент.

Путевка — порядочная девушка.

Б. Ревчин

Пилюля (ласк.) — сварливая жена.

Клевая книга — справочник рыбакова.

А. Хлудеев

Всем! Всем! Всем! Потрясающая новость!

Впервые в Советском Союзе, да что в Союзе — впервые в мире будет издана «Антология студенческого юмора».

В уникальный сборник войдет полное собрание студенческих анекдотов, рассказы, написанные студентами Мишей Жванецким, Сеней Альтовым, Костей Мелиханом, Мишей Задорновым и еще многими другими, ставшими теперь известными писателями-сатириками. Сюда же войдут наиболее острые фрагменты программы КВН, большая часть которых была вырезана из телепередач.

Короче говоря, сборник обречен стать бестселлером. Тем более что цена его будет демократична, около 5 рублей.

После этих строк большинство читателей решат, что достать такую книгу будет невозможно. (И между прочим, правильно решат.)

Только у подписчиков «Студенческого меридиана» на 1991 год есть реальный шанс приобрести сборник. Для этого необходимо до 10 января 1991 года отправить к нам в редакцию открытку с одной-единственной фразой:

«Хочу «Антологию студенческого юмора».

Если ваш адрес на открытке будет написан четко, то в течение 1991 года вы получите книгу по почте наложенным платежом.

Пусть после этого нашего предложения кто-нибудь посмеет сказать, что «Студенческий меридиан» не заботится о своих читателях.

Совет «Параллели»

Не смейте нас развращать

Помимо безоговорочной поддержки рубрики «Азбука для двоих», именно такой призыв можно встретить в читательской почте. И если судить по откликам, то тех, кто готов объединиться под воинствующим лозунгом: «Секса у нас нет!», не меньше, чем тех, кто хочет научиться искусству любить и быть любимым. Предоставим сегодня слово противникам цикла «Юношеская любовь».

«Пишет вам мать троих детей. В вашем журнале есть много интересного, но «Азбука для двоих» — что-то отвратительное: учите детей тому, что они и так хорошо знают. Как мы можем бороться с проституцией, если даже в журнале пишут об этом. Именно из-за вас увеличиваются разврат и растет число матерей-одиночек и подкидышей. Почему раньше такого не было? Да потому, что у людей было стыд, а теперь вы убили это чувство. Ведь темпераментный юноша или девушка, читая вашу статью, обязательно захочет попробовать все натурально. Именно так и начинается трагедия!»

Я смотрю на своих детей — нет у них стыда, нет! Мы вместе смотрим телевизор, и если показывают любовные сцены, а рядом сидит мой отец, то я ухожу на кухню, делая вид, что у меня есть дело, а мои дочери смотрят, даже не покраснев. Вы убили стыд у наших детей!»
М. Г. Попович, Закарпатская обл.

Да, гневных родительских обличений в наш адрес немало — еще бы, раньше можно было выйти из комнаты, закрыть глаза — и словно бы ничего нет. Теперь это сделать сложнее.

«До каких пор вы будете разлагать нашу молодежь?! Юно-

шеской любви не надо знать все эти уловки — просто вы их возбуждаете и лишаете возможности выбирать образ жизни. Вы делаете их морально развращенными, исключая возможность нормальной семейной жизни. Просто нет спасу от всех этих видеofilмов и публикаций. Прекратите немедленно — я буду обращаться в Комитет по делам молодежи».

З. М. Ковалева, г. Харьков.

Конечно, тут можно было бы поспорить, что мораль — только тогда мораль, когда она проистекает не от незнания, а от свободного выбора между грехом и добродетелью. Но, увы, легче журнал обвинить во всех смертных грехах, что совершают собственные дети, нежели задуматься о воспитании.

«Прекратите печатать в журнале всякую проституцию! Выйдите на улицы, пройдите вечером — 12 — 13-летние дети в подъездах, на улице занимаются сексом. Вы пишете — они и выполняют. Помогите нам, матерям, — мы же плачем день и ночь. Почему вы развели секс у детей?»
И. Карпова, Куйбышевская обл.

А вот еще подобное письмо от О. П. Савельева из Житомирской области — прямо-таки удивительное: «Теперь я прячу ваш журнал от своей 19-летней дочери-студентки. Как я, отец, могу допустить, чтобы она, такая чистая, непорочная, читала все эти непристойности? Чтобы она узнала о всех тех мерзостях, которыми там занимаются на Западе?..» Но самое интересное, что дальше шло самое красочное описание того, о чем Михалина Вислоцкая и не думала писать, но, по-видимому, дорисовало бурное воображение поборника нравственности.

Но, как ни странно, часто мнения отцов и детей сходятся, правда, только в одном: что нужно запретить подобные публикации. Вот, к примеру, отрывок из обращения к Председателю Верховного Совета РСФСР от семьи Палеховых из Москвы: 65-летней пенсионерки и 25-летней студентки:

«Какую цель преследует редакция журнала, пропагандируя порнографию? Что это:

— Просвещение молодежи? Но муж и жена всегда найдут понимание и без статей «Ст. М.».

— Проповедь свободной любви среди студентов и молодежи? И это делается накануне эпидемии СПИДа в стране! Или нам мало безотцовщин!»

— Это школа для проститутки и сутенеров?

О таких любовных играх могут писать только бездельники и люди с извращенной психикой... Очень тактично пишет о вопросах отношения полов, о супружеских отношениях журнал «Советский воин» в своей рубрике «Поговорим об интимном»... Пропаганда порнографии ведет к вспышкам актов насилия и истязаний женщин и девочек... Уважаемые депутаты, объявите порнографию вне закона!»

Можно, конечно, посмеяться над этими пережитками: по малейшему поводу жаловаться «наверх» и навешивать ярлыки, не понимая их смысла. Удивляет другое: ну, не хотите — не читайте, в конце концов, кто-то предпочитает журнал «Советский воин», кто-то — нас. Зачем же непременно жаловаться?!

«Я с огромным возмущением прочла советы для женщин, желающей соблазнить мужчин. Что это? Руководство для начинающих проституток? Плавек в лицо порядочным девушкам? Вам что — не дает покоя мысль, что сохранились еще среди девушек порядочные, и потому вы так поощряете тех, кто едва ли когда-нибудь знал, что такое честь? Или идете на поводу у тех ограниченных особ женского пола, которых ничего, кроме «этот», не интересует. Я не старая брюзга, как вы должно быть думаете. Я девушка 18 лет.
Наташа Н.»

Между прочим, нас так часто упрекают, будто мы воспитываем проституток, что мы уже видим такую картину: стоят у «Интуриста» «герлы» и в перерывах между клиентами изучают «Ст. М.». А если серьезно — почему юные симпатичные девушки не могут понять: быть истинной в любви — значит только доставлять наслаждение любимому. И при этом совершенно не обязательно зарабатывать деньги. Но нет, подобные мысли сразу принимаются «в штаны» — а на знаменитые старые ханжеские стереотипы. Вот мнение 19-летней Веры:

«Порнографической вакханалией руководят люди или обделенные чувством меры, или просто озобоченные. Это не предлагается, а прямо-таки навязывается, будто бы все — за секс! Складывается впечатление, что скоро все обмянут им заниматься, а на честных будут смотреть как на идиотов. И все станут разделять точку зрения Сен-Лорана, что «самое красивое у женщины — это грудь». Вот так! Не хороший характер и даже не глаза — зеркало души, а эрогенные зоны... К своему счастью, я знаю некоторых вполне современных молодых мужчин, у которых эротика вызывает неловкость, а то и отвращение. Дикарей вроде нас надо сначала обучить культуре поведения, а уж потом... А если откровенно, как может называться искусством то, что будит низменные инстинкты?!»

Самое интересное, что все читатели возмущаются не тем, что мы открываем что-то новое — наоборот, хорошо им известно, просто, по их мнению, об этом нельзя писать.

А вот, наконец, прямо противоположное мнение Ольги из Краснодара:

«В свои 16 лет я испытала все прелести и ужасы страстной взаимной любви. Следствие — ранняя половая жизнь. И сейчас я приобрела сексуальный опыт взрослой женщины. Поэтому я интересуюсь более совершенным сексом, как бы выразиться поточнее, позволяющим шире разнообразить половую жизнь и достичь наивысших ощущений. Советы Михаины Вислоцкой — сугубо для начинающих, для меня — они давно пройденный этап».

Так все же что лучше: знания из подворотни или от знающего человека, специалиста в своем деле?

Вот что пишет 19-летняя Аня из Киргизии: «Я собираюсь поступить в интимную жизнь и нигде не могу найти ответа на самый важный для себя вопрос: что именно должна делать женщина в постели? Вы подробно расписываете эрогенные зоны на теле женщины, но ведь надо знать и подобные участки на теле партнера...» А вот что считает Зелинда из Башкирии: «Все, о чем вы пишете, очень важно для будущей семейной жизни. Вы даете много полезных советов для мужей и жен, и в какой-то степени это может быть прерадой для разводов».

В заключение мы хотели бы привести строки из письма 20-летней москвички, которая считает, что ханжество может только покалечить:

«Когда моя сестра в 23 года вышла замуж, то мама отозвала ее в сторонку и попыталась рассказать об интимных отношениях. Сестра не выдержала и засмеялась — у нее уже было два аборта. Со мной теперь мать не разговаривает, узнав, что я со своим другом в близких отношениях. Она только кричит, что вся молодежь погрязла в разврате. И приводит в пример себя, что поцеловалась с отцом впервые, когда они уже подали заявление. Только не добавляет при этом, что прожила с ним семь лет, да и то — ни дня без ссоры. Почему же наших родителей не учит их собственный опыт несчастной семейной жизни! Неужели они и нам того же желают!»

Почту читала и комментировала Наталья Алишина, студентка МАДИ.

Р. С. Вот такая точка зрения, получившая поддержку в части читательской почты на рубрику «Азбука для двоих». Но это, как вы понимаете, только один взгляд. Нам хотелось бы знать более аргументированное мнение тех молодых супружеских пар, которые получили пользу от знакомства с работой польского сексолога Михаины Вислоцкой.

Кстати, в будущем году она ответит на все ваши вопросы.

Хочу стать звездой

«Я очень люблю петь и хотела бы выступить в какой-нибудь передаче», — пишет студентка химического факультета из Махачкалы.

«Мечтаю стать кино- или телезвездой. Так хочется, чтобы было много поклонников, которые бы узнавали тебя и говорили: «Это она сыграла главную роль». Помогите стать звездой экрана», — просит школьница из города Сосновый Бор.

«Сочинила две песни. Передайте их Дмитрию Малякову. Пусть он напишет музыку. А спеть я могу сама», — уверяет 13-летняя Марина из Ульяновской области.

С подкупающей откровенностью в первых же строках писем (а их немало) появляется вопрос: как стать звездой? Иногда на помощь призывают известных артистов, просят их адрес.

Обоимаясь: адресов артистов редакция не высылает. «Один любитель музыки, мечтающий о сцене, узнал мой адрес и теперь одолевает просьбами. Ему нужна — ни много ни мало — импортная аппаратура. Тогда его талант оценят все», — рассказывал нам Андрей Литягин.

Общезвестно: чтобы выйти на сцену, нужен талант, свое видение мира — «не как у всех». Какой-то совет издавала здесь не просто труден, а почти невозможен.

И песни писать научить нельзя. Кажется, как просто: набросай стихи, подобрал мелодию, надел нарядный костюм и... цветы, аплодисменты, известность.

«Я пишу не хуже, чем другие, и пою неплохо, — уверяют многие. — Так почему мне нельзя на сцену?» Доля истины в этих словах есть. Многие песни у нас такого уровня, что и равняться вроде бы не на что: «планка» опущена слишком низко, что, кажется, прыгнуть может каждый. Но должна ли привлекать низкая планка? Может, возможность полета?

Ольга Михайлова

Мужчина и женщина, или Юмористы о сексе и не только о нем...

Начиная с № 1 редакция начинает публиковать рукопись книги иностранного юмора, которую составил и предоставил редакции Е. Синельщиков. Мы надеемся, что наши читатели с удовольствием посмеются над пикантными сюжетами. А может, кто-то предложит и свои трагикомические дополнения.

А пока предлагаем несколько миниатюр из нового цикла.

— Итак, вы хотите стать миминатом?

— Нет, сэр, но поскольку я собираюсь жениться на вашей дочери, то не вижу возможности избежать этого.

Разгневанный муж обнаружил свою жену в постели с чужим мужчиной.

— Что вы делаете в моей спальне?

— Вот видишь, — обратилась жена к своему партнеру. — Я же говорила тебе, что он дурак.

Муж: Надо срочно избавиться от моего шофера. Он уже чуть не убил меня семь раз.

Жена: Ты жесток, дорогой. Дай ему еще один шанс.

Поцелуй — это нечто, что ребенок получает бесплатно, взрослый срывает тайком, а старик покупает.

— Почему девушки целуют друг друга, а мужчины нет?

— Потому что у мужчин для этого есть лучшая альтернатива.

Учительница объясняет разницу между множественным числом и единственным. Она спрашивает:

— Женщина смотрит из окна...

Маленький Абиголь: — Единственное число.

— А что мы скажем, если три женщины смотрят из окна?

Ученик: — Это бордель, мэм.

Разговаривают два швейцарских солдата, подразделение которых стоит в Альпах.

— Чем ты занимаешься, когда получаешь увольнительную в город?

— Первым делом я бегу домой и отдаю супружеский долг своей жене.

— Ну а потом?

— Потом я снимаю лыжи.

— Молодой человек, — сурово погрозила пальцем мать девушки. — Смотрите, чтобы сегодня Линда вернулась домой пораньше.

— Не беспокойтесь, мэм. Я лично уложу ее в постель в 10 часов.

Молодожены сняли специальный номер в отеле курортного городка. Выдавая ключи, администратор предупредил их:

— Счастливого медового месяца. Надеюсь, воры вас не будут тревожить.

— Не беспокойтесь, — бодро ответила невеста. — Нам некогда будет дремать.

Группа мужчин обменивается своими мнениями относительно женщин.

— Что ты прежде всего замечаешь в женщине? — спрашивает один.

— Это зависит от того, в какую сторону она идет, — отвечает второй.

Одна сексуально взволнованная девушка никак не могла побудить к активным действиям своего не очень смышленного кавалера.

— Ты не хочешь посмотреть, где мне сделали операцию аппендицита?

— Только не это, дорогая! С детства ненавижу больницы!

Когда на улице раздался приближающийся вой пожарных сирен, Кен Кеннеди решительно поставил свою кружку на стол и сказал:

— Ну, мне пора!

— С каких это пор ты заделался пожарным? — спросил его бармен.

— Никогда им не был и не буду, — ответил Кен, торопясь к выходу. — Но у моей новой любовницы муж — пожарник.

В одной лондонской газете появилось следующее объявление: «У нас с мужем четверо сыновей. Хотелось бы иметь дочь. Кто нам может в этом помочь?»

Со всего мира к ним полетели письма.

Американец написал: «Если вам пока не повезло, попробуйте еще и еще раз».

Канадец: «Обратитесь к работам Диониса».

Южноафриканец: «Высылаю вам специальную диету».

А француз ответил просто: «Готов приехать».

— Какое самое тяжкое наказание за многоженство?

— Тещи.

Ваши «Перспективы»

«Перспективы» — так теперь называется «Молодой коммунист», преобразованный в общественно-политический молодежный иллюстрированный журнал ЦК ВЛКСМ. Начиная с № 1 1991 года он выпускается в красочном исполнении, более удобным для читателя форматом. Обновленное молодежное издание, опираясь на свои лучшие традиции, привлекая видных публицистов, ученых, писателей, намерено быть полезным людям интеллигентным, интересующимся политикой, философией, историей, культурой, экономикой, правом, общественными и молодежными движениями... Индекс 70546. Подписная цена: на квартал — 3 рубля 60 копеек, на полугодие — 7 рублей 20 копеек, на год — 14 рублей 40 копеек.

Ясень: 25 мая — 3 июня;
22 ноября — 1 декабря

Это сильное, красивое дерево, приятное для глаза, стройный силуэт, элегантность и свободные движения, оно нравится, но жить с ним вместе нелегко. У него живой характер, и он очень требователен, хочет, чтобы о нем заботились, думали о нем, желает жить, как ему нравится, и делать только то, к чему есть охота, а поскольку его влечет к самостоятельному и независимому образу жизни, то не все могут его выносить. Заметно тяготеет ограничениями, которые обычно ставят жизнь, и можно подумать, что он очень хорошо знает, чего хочет, а еще лучше — чего не хочет, честолюбив и в отношении своих успехов, и в отношении собственного счастья. Когда решит, что будет счастливым — оказывается настолько эгоистом, что растопчет все, что станет на его пути к цели. Не скуп, щедро делится всем, что имеет. Эта капризная натура в любви проявляет совсем иные черты — бывает предусмотрителен, постоянен, прозорлив, именно здесь у него наибольшие успехи — он умеет хорошо выбирать, взвешивает все «за» и «против». Его брак по любви — это также брак и по рассудку, редко ошибается и прилагает много усилий, чтобы наладить жизнь вдвоем, и ему это часто удается. Его ум основан прежде всего на интуиции, он оригинален и полон фантазии, подобно рябине, вербе и орешнику, ясень одарен особой проницательностью, нередко даже любит играть в пророка, а когда его предсказания сбываются — надоело сохраняется слава о его прозорливости. Ясень всегда немного играет с судьбой, но это дерево удачливое, не бойтесь укрыться в его тени.

Черты характера: честолюбие, ум, склонность к фантазии, интуиция, воображение, чувство синтеза.

Береза: 24 июня (летнее солнцестояние)

Гибкая и изящная, породистая, одаренная живым характером, приятная и милая в общении (в общезнании), к ней очень тянутся, т. к. она никогда не злоупотреждает ничьей любезностью, умеет быть деликатной и сдержанной, не навязывает своих мнений, ни к чему не принуждает, ничего не требует. Она скромна, может быть, даже с налетом пуританства, но у нее это всегда проявляется легко и элегантно, без нравочувственности, ее никогда не покидает чувство меры и терпимости, одного она не выносит — вульгарности. Меньше всего ее заботит внешнее, показное — изысканная кухня, роскошь, в ней нет и тени снобизма, ей приятнее было бы жить в деревне, но она может привыкнуть к любому месту — лишь бы только спокойно работать, ибо, несмотря на внешнее изящество, береза живет только своим трудом. Ее тонкая и деликатная натура влечет к спокойной безмятежной жизни, любви... Она чувствительна, но боится слишком пылких эмоций, она преданна и верна, умеет создать в доме спокойную и счастливую атмосферу, случается, что вступает в брак отчасти по рассеянности, но не жалеет о своем выборе. Самая заметная особенность березы — это ее ум, воображение и находчивость просто не знают границ, к работе всегда относится творчески, все двери перед ней открыты благодаря ее синтетическому мышлению, фантазии, создательным возможностям и трудолюбию. Хотя она могла бы работать в любой области, более всего преуспевает в искусстве.

Береза часто бывает счастливой, в сущности, она так мало требует от жизни — ей достаточно какой-нибудь близкой души и хорошей библиотеки.

Черты характера: мягкий характер, ум и воображение, интуиция, чувство синтеза.

Олива: 23 сентября (осеннее равноденствие)

Она невысокая, иногда бывает на границе красоты и уродства, но не лишена обаяния, часто докучает ей ревматизм, поэтому любит солнце и без него страдает. Она степенна, спокойна, лишена агрессивности. Этим она обязана врожденной уравновешенности и тому, что не любит усложнять свое существование, умеет быть терпимой, и, хотя у нее есть своя концепция жизни, она не оспаривает концепции других и никогда не вмешивается в их дела. Она настолько далека от этого, что ее можно упрекнуть чуть ли не в равнодушии, но она не равнодушна, напротив, в случае нужды как раз ее можно попросить о помощи, и не обманешься, при любых обстоятельствах не теряет способности улыбаться — отчасти из-за самообладания, но прежде всего оттого, что не видит смысла попусту тратить нервы. Ее любят, ценят, даже уважают, хотя она ничего не делает, чтобы кому-то нравиться, и в отношениях с людьми бывает несколько пассивна. В любви она старается не ревновать, уважать автономию своего партнера, хотя бы приходилось страдать втихомолку. Способна на далеко идущие успехи (даже жертвует собственным чувством), но это не означает слабости или отречения, просто спокойствие ей всего дороже. Она отличается большим умом, много времени посвящает размышлениям, любит читать, учиться, удовлетворяет свои духовные запросы. Без всяких стараний почти всегда привлекает внимание окружающих, иногда даже становится известной, принадлежит к людям, приносящим другим покой и счастье, оставляющим после себя долгую сердечную память.

Черты характера: верность суждений, ум спекулятивного типа, способность к анализу и дедукции, склонность к размышлениям.

ИСТОРИЯ РОКА

Америка, 50-е

Итак, рок-н-ролл взял старт. И Америка, породившая рок-н-ролл, первой испытала на себе его непреодолимое влияние. Новая ритмика, новая эстетика без труда захватили миллионную молодежную аудиторию, предоставив более взрослым поколениям в жарких дискуссиях решать, насколько хорош и прогрессивен этот стиль. Старые кумиры были низвергнуты, баллады о лунных долинах потеряли львиную долю своей ценности, и американский шоу-бизнес после некоторого замешательства взял новую музыку в свои руки и принялся извлекать из молодеж-

ной массы рок-звезд. Зачастую, кроме идеи, эти ребята ничего особенного не умели, но предпринимателей это не смущало. Профессиональные аранжировщики правила песни; если молодые дарования не справлялись с собственной музыкой — на помощь им приходили опять же профессиональные «студийные» ремесленники. Иногда рецепт был весьма прост — вновь найденного певца (или певицу) предоставляли самому себе, дозволяли петь и играть на гитаре, но приставляли безупречный сопровождающий состав.

Лихорадка поиска и открытия «новичков» продолжалась

более пяти лет — до конца 50-х, пока рок-н-ролловый рынок не сформировался. Сотни и тысячи исполнителей (черных и белых) начинали это самое мощное музыкальное течение XX века, но лишь имена некоторых из них дошли до нашего времени. Тогда, в 50-х, они покоряли многотысячные залы, сегодня их мало кто знает, разве что специалисты, но все-таки стоит вспомнить тех, кто стоял у истоков рок-н-ролла...

Итак, фигура первая.

Все называли его Литтл Ричард (настоящее имя Ричард Пеннимэн, родился он 25 декабря 1935 года в городке Мэкон, штат Джорджия). Некоторые биографы указывают в качестве даты его рождения 1932 год, но большинство все-таки склоняется к первому варианту.

Как и многие другие, Литтл начинал карьеру, пробуя себя в сомнительных шоу, принимая участие в различных конкурсах, записывая неудачные синглы. Судьба повернулась к нему ли-

цом в 1955 году, когда он подписал первый серьезный контракт и получил целых 600 долларов! В результате появился классический сингл Литтл Ричарда «Тутти Фрутти», которому вполне можно дать приз всех времен и народов за самый «содержательный» текст в рок-истории. Судите сами, Ричард не очень-то разбрасывался словами, экономил даже на звуках: «Э-уоп-боп-э-лу-боп-э-лоп-бам-бум...»

Потрясающий успех свалился на голову Литтл Ричарда 14 сентября 1955 года. И с этого момента молодой рок-н-роллер резко пошел вверх — он фабриковала хиты с умопомрачительной скоростью. Тот, кто хоть немного знает историю рока, наверняка встречал такие названия, как «Long Tall Sally», «Good Golly Miss Molly» и «Lucille» (последнюю не так давно исполнял Иэн Гиллан).

Литтл Ричард принес с собой на рок-сцену и качественно новый имидж — этакого агрессивно настроенного, истеричного парня, которому на все наплевать. Кроме рок-н-ролла, естественно. Его вопли и жесты вселяли тревогу в сердца родителей, особенно после игры на фортепиано руками и ногами,

а это стало его фирменным знаком.

Огромное количество современных музыкантов признают сильное влияние Маленького Ричарда на свое творчество. Ограничимся лишь такими именами, как Пол Маккартни и Мик Джagger...

Фигура вторая. Точнее сказать, фигуры — «Эверли Бронзерс». Братья Эверли — долгожители рок-н-ролла. Они продолжали выступать вплоть до восьмидесятых, распространяя по миру ностальгию по эпохе рождения рок-н-ролла. Оба брата родились в Кентукки. Дон — 1 февраля 1937 года, а Фил — 19 января 1939-го. Братья стали заниматься музыкой соответственно в 6 и 8 лет, и это серьезно помогло им в будущем.

На юных талантов обратил внимание легендарный продюсер фирмы «Си-би-эс» Чет Эткинс. Он взял их под опеку и в 1956 году в Нашвилле братья Эверли записали дебютный сингл «Продолжай меня любить». С детства Дон и Фил прихотились к кантри-музыке, и Эткинс не упустил случая использовать их увлечение. Он приставил к начинающему дуэту семейный композиторский альянс Фелис и Боддекса Брай-

энт, и те написали для Эверли целый ряд перлюстательных боевиков: «Bye Bye Love», «Bird Dog», «Wake Up Little Sister». Кантри дополнили ритмикой рокабили, и появилась на свет выигрешная комбинация.

Подлинным триумфом для братьев стали 1958 и 1959 годы. Несколько их песен прорвались на высшие места английских и американских хит-парадов. Позднее популярности дуета стала падать, но тем не менее на их совместные (и сольные) пластинки всегда был спрос.

На севере Американского континента, в Канаде, появилась следующая звезда 50-х — вокалист Пол Анка. Пол родился 30 июля 1941 года в Оттаве и прошел очень долгий путь, сначала рок-, а позднее эстрадного исполнителя. Свою первую группу он сформировал еще в школе.

После неоднократных настоятельных усилий был замечен американской фирмой «Эй-биси Парамант». Полу несказанно повезло — записанная им в 1957 году песня «Диана» в мгновение ока стала суперхитом во всей Америке. Вообще это одна из самых успешных песен в истории рока. Официально подсчитано, что по сей день существует более 300 различных ее версий!

Анка записал большое количество пластинок, но с американского рынка его постепенно вытеснили, и ему пришлось довольствоваться положением популярного канадского поп-певца. Что делать, успех никогда не бывает вечен...

Бобби Блэнд был несколько старше своих конкурентов (он родился 27 января 1930 года), и поэтому в его музыке сильно влияние господствовавшего прежде блюза. Именно это обстоятельство и стало причиной его взлета. Наряду с Би Би Кингом и Джонни Эйсом, Бобби Блэнд вошел в историю как один из самых известных блюзовых исполнителей 50-х.

В 1955 году он дебютировал с песней «Это моя жизнь, малышка» и сразу пошел вверх. В отличие от многих своих товарищей Бобби смог еще раз заявить о себе в середине 70-х, выпустив семь неплохих блюзовых альбомов, причём два из них были записаны вместе с Би Би Кингом.

Карьера Пэта Буна (полное имя Чарльз Эжен Бун, родился 1 июня 1934 года в Джексонвилле, Флорида) развивалась несколько другим путем. В то время как остальные исполнители делали ставку на собственный материал, Пэт не стал рисковать и первый свой хит 1955 года создал, обработав старый номер Фэтса Домино «Ain't That A Shame». Попытка удалась, и тогда Пэт закрепляет ее очередной версией боевика Литла Ричарда «Long Tall Sally».

Лишь после этого, имея серьезную популярность, Пэт обращается к собственному репертуару. Начав восхождение к успеху в 1955 году, Бун постепенно наращивает темпы и без особых потерь переходит в следующее десятилетие, продолжая создавать ежегодно два-три хит-сингла. Но в 1963 году энергия прорыва иссякла, Бун отошел от активной деятельности, стал пытаться сделать карьеру телевизионного актера, но на этом поприще достичь

каких-либо ярких результатов ему не удалось.

К 1959 году большинство «пионеров» рок-н-ролла уже отошли в сторону. И действительно, если взять список лучших 50 альбомов 1959 года, то здесь можно встретить лишь некоторые знакомые нам фамилии: Пэт Бун (10-е место), Элвис Пресли (14-е и 26-е места), Чак Берри (44-е место), Джонни Ли Хукер (45-е место) и Бо Диддли (49-е место).

К сожалению, почти невозможно рассказать о всех заметных представителях этого стиля, так их было много.

Первый этап завершился — новая музыка стала на ноги, и началось ее триумфальное движение по земному шару. Америка сделала свой вклад в мировую рок-сокровищницу, и мало кто ожидал, что некоторое время спустя английское вторжение повергнет американцев и на рок-рынке станет властвовать британский звук...

Алексей Сидоров
Продолжение следует

В 1991 году читайте
на страницах «Ст. М.»:

Сергей Аверинцева, Виктора Астафьева, Василия Белова, Анатолия Кима, Николая Коныева, Юрия Кузнецова, Алексея Лосева (из литературного наследия), Валентина Пикуля, Валентина Распутина, Владимира Солоухина.

Как и в прежние годы, любителей детектива и фантастики ждут встречи с Агатой Кристи, Жоржем Сименоном, Станиславом Лемом и другими классиками этого жанра.

Ури Геллер — телепат, экстрасенс, дознаватель из Лондона — поделится с вами своими секретами.

Мак-Иов-Ринго продолжит курс «Болят? — Помоги себе сам» (инфаркт и сердечные проблемы, студенистый гастрит, зрение, диагностируем себя сами, половые проблемы).

В рамках серии «Интеллектуальные биографии» продолжится ваше знакомство с философской мыслью Запада (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, Б. Рассел) и России.

«Михаил Булгаков — путешественник».

«Друзья по переписке» — рубрика и конкурс (подробности на стр. 25). Следующий этап акции создание подобной книги с Японией. Кроме того, с № 1 начнется индивидуальный подбор партнеров.

«Ангильский — без переводчика» — усовершенствованный курс облегчит ваши взаимоотношения с зарубежными сверстниками.

«Ваши спасители — собаки и кошки» — новая рубрика. Она будет содержать любопытные истории и полезные советы.

Игорь Акимов, Виктор Клименко продолжат цикл о таланте — «О мальчике, который умел летать...».

И, естественно, будет продолжен цикл «Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы».

В «Спортподвале» «Ст. М.» вами займется «Геркулес» — тренажерная фирма, с которой сотрудничают лучшие спортсмены культуры страны.

Любителей рок-музыки ждет серия «История рока».

Рубрика «Азбука для двоих» познакомит вас с историей эротического искусства.

Следите за рекламными колонками журнала, и у вас сложится более четкое представление о публикациях следующего года.

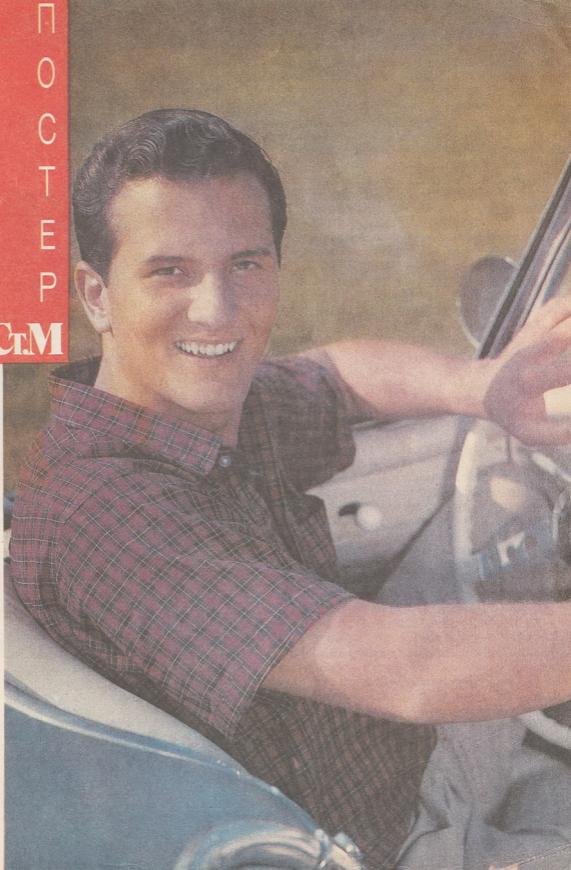
Наш индекс — 70932.

Стоимость подписки — 7р. 20.
к. Розничная цена за номер — 1 р.

П
О
С
Т
Е
Р

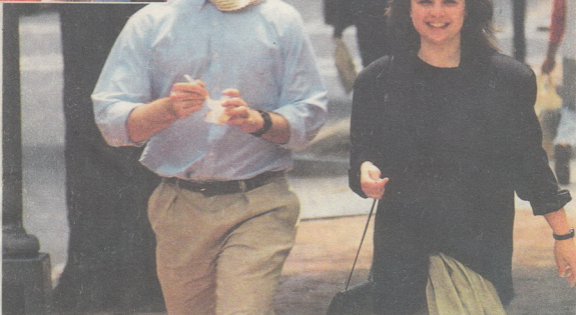
С.М.

Pat Boone

The
George
Washington
University
WASHINGTON DC

Подписаться на «Ст. М.» значит: узнать, как поступить в Гарвард, Сорбонну, Оксфорд; участвовать в акциях «Друзья по переписке» (после США — Япония!), «Европейский дом»; приобрести «Библиотеку «Ст. М.»; читать рубрики «Антология уфологии», «Азбука для двоих», «Ваши спасители — собаки и кошки»; вступить в диалог с телепатом Ури Геллером, лекарем Маком-Иов Риго, сексологом Михаиной Вислоцкой и другими героями «Ст. М.». Подробности — в рекламных колонках. Подписной индекс — 70932. Стоимость подписки — 7 руб. 20 коп.

Университет Джорджа Вашингтона

«Если вы пытаетесь заглянуть в свое будущее, не упустите из виду Университет Джорджа Вашингтона. Это — идеальное место, где каждый сможет реализовать свои творческие способности» — такими словами открывается рекламный альбом столичного университета США. Кстати,

более четверти населения Вашингтона — студенты, большая часть из которых учится именно здесь. На 9 факультетах обучаются студенты из 50 штатов Америки и из 120 стран мира. К сожалению, насколько нам известно, в числе более чем 17 тысяч студентов университета нет

ни одного нашего соотечественника. Конечно, этому есть определенное препятствие: за один учебный год нужно заплатить 18 825 долларов. Пожалуй, это главная причина. Но времена меняются. Будем надеяться, что и нам, наконец, станет это по карману.